

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

16+

24 2025
ЧАСТЬ VI

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 24 (575) / 2025

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Евгений Викторович Анисимов* (1947), советский и российский историк.

Евгений Викторович родился в городе Александрове Владимирской области.

Когда будущий историк был еще ребенком, к нему в руки попал роман Алексея Николаевича Толстого «Петр Первый». Легко догадаться, как сильно повлияла эта книга на жизнь Евгения Анисимова: он не только увлекся историей, но и буквально влюбился в Санкт-Петербург.

В 1970 году он окончил исторический факультет Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена. Через несколько лет защитил кандидатскую диссертацию, а затем получил степень доктора исторических наук. Уже больше 40 лет Евгений Викторович работает в Санкт-Петербургском институте истории РАН (бывшее Ленинградское отделение института истории СССР). С 1995 года он профессор кафедры истории России СПбГЭУ. Также Анисимов является руководителем департамента истории Высшей школы экономики, в качестве приглашенного профессора преподает в различных университетах России, Европы и США, входит в состав Совета по науке и образованию при Президенте РФ.

В течение долгого времени профессор Анисимов был автором и ведущим нескольких телевизионных программ: «Дворцовые тайны», «Пленницы судьбы» и «Кабинет истории». Будучи специалистом по истории Российского государства XVII–XVIII веков, Евгений Анисимов издал первые научные биографии императриц Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны.

Всего Евгений Викторович опубликовал более 250 печатных работ. Он автор не только научных трудов и учебников, но и книг, рассчитанных на широкую аудиторию: «Дворцовые тайны», «История России от Рюрика до Пу-

тина. Люди. События. Даты», «Хронология российской истории. Россия и мир», «Женщины на российском престоле», «Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке», «Генерал Багратион: жизнь и война», «Куда ж нам плыть? Россия после Петра Великого».

Как пишет сам автор, его цель — отойти от принятого в учебниках и пособиях скучного, однообразного изложения российской истории. Он пишет просто, но не примитивно. По мнению Анисимова, важно «перебегать от микроскопа к телескопу», обращать внимание не только на крупные события. Людям прежде всего интересны люди, поэтому автор часто рассказывает о судьбах разных исторических личностей.

Любовь к Санкт-Петербургу у Анисимова вылилась в авторский курс лекций «Санкт-Петербург — столица Петра I и его империи», который доступен широкой аудитории. Историк подробно рассказывает о создании северной столицы, показывает сложные процессы трансформации политики российских императоров, освещает роль архитекторов и скульпторов, повлиявших на образ Санкт-Петербурга. Город предстает перед слушателями как живой организм, сыгравший ключевую роль в истории России и Европы.

Евгений Анисимов был удостоен множества престижных наград, в их числе премия правительства Российской Федерации в области культуры, Анциферовская премия, серебряная медаль княгини Дашковой, Всероссийская историко-литературная премия «Александр Невский», премия митрополита Макария, литературная премия книжного фестиваля «Невский форум».

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Королева А. В.

Особенности допроса в уголовном процессе:
историческая ретроспектива 373

Крутских И. Я.

Генезис государственных
предприятий в России: эволюция
правового статуса и перспективы
институционального развития 375

Куликов Д. А.

Научные основы речеведения и их значение
для судебной автороведческой экспертизы ... 378

Куликов Д. А.

Оценка результатов судебной
автороведческой экспертизы следствием 381

Курмалиев Н. М.

Правовое регулирование института
общей аварии в условиях цифровизации
и международной торговли 385

Майер М. В.

К вопросу о компенсации морального вреда
в трудовых правоотношениях 387

Макарова Е. В.

Уголовная ответственность за нарушение
миграционного законодательства
в современных условиях: анализ
правоприменения 389

Меденков А. Д.

Влияние морально-этических норм
на правовое регулирование возмещения
морального вреда 391

Меденков А. Д.

Перспективы развития института медиации
в России 393

Назарова П. Н.

Порядок избрания меры пресечения в виде
домашнего ареста 395

Насонова М. А.

Система компьютерных преступлений
в российской правовой системе 396

Ниязова А. Р.

Особенности судебного производства
по уголовным делам в отношении
несовершеннолетних 398

Никишов Д. В.

Особенности материального содержания
судебных приставов Российской Империи
в период после реформ Александра II 401

Охотникова О. А.

Правовые аспекты предоставления отсрочки,
рассрочки уплаты задолженности по налогам
и сборам, инвестиционного кредита 403

Пивовар А. А.

Проблемы защиты коммерческой тайны
в цифровой среде 405

Прилепко И. М.

Права потребителей
в электронной торговле 407

Прилепко И. М.

Проблемные аспекты защиты прав
потребителей при продаже товаров
ненадлежащего качества 409

Романов Е. В.

Местное самоуправление в единой
системе публичной власти: анализ проекта
федерального закона 412

Рыжкова К. А.

Судебное оспаривание неправомерных
действий (решений) государственных
органов, должностных лиц
и государственных служащих как способ
обеспечения законности 415

Рыченков П. И.

Применение принципа добросовестности
в судебной практике 418

Саитов М. Р.

Правовой статус искусственного интеллекта:
субъект или объект права? 420

Сергиенко Н. Г.

Судебная практика и практика
контрольно-надзорных органов по делам
об уклонении от уплаты налогов
и легализации (отмыванию) денежных
средств в России 422

Серова А. А.

К вопросу о юридической сущности
информации..... 424

Соколова А. В.

Договор подряда: правоприменительная
практика в гражданском праве России..... 426

Сухомлинова М. Д.

Административная ответственность
за экологические правонарушения..... 428

Сухомлинова М. Д.

Плата за негативное воздействие
на окружающую среду как экономический
механизм правового регулирования
экологических правоотношений..... 429

Сухомлинова М. Д.

Понятие экологических преступлений 431

Табарова Н. Д.

Споры о правах детей: процессуальные
особенности рассмотрения 432

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Особенности допроса в уголовном процессе: историческая ретроспектива

Королева Анастасия Вадимовна, студент

Научный руководитель: Кудряшова Елена Семеновна, кандидат юридических наук, доцент

Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Нижний Новгород)

В статье автор рассматривает исторические этапы развития и становления такого следственного действия, как допрос. Связь исторических эпох позволяет сделать вывод о важности этого ключевого в любом уголовном деле следственного действия. Органам предварительного расследования и судам необходимо умело применять тактические приемы, учитывать психологические аспекты допроса, обеспечивая объективность, полноту, всесторонность расследования и в конечном итоге принимать законное решение по каждому уголовному делу.

Ключевые слова: допрос, производство по уголовному делу, следственные действия, исторические этапы, объективность расследования.

Целью расследования любого уголовного дела является установление истины, привлечение к уголовной ответственности виновного лица и недопущение привлечения невиновного. В связи с этим достигнуть целей расследования можно только путем сбора всего необходимого массива доказательств, производя различные следственные действия, предусмотренные законом. И центральное место в такой системе занимает допрос, без него успех в расследовании достигнут быть не может.

Во-первых, он производится абсолютно по каждому уголовному делу. Во-вторых, именно путем получения показаний возможно получить наиболее полную информацию об обстоятельствах совершения преступления, о направлениях поиска иных доказательств. При этом при производстве данного следственного действия, несмотря на его распространенность и огромный опыт наработанной следственной практики выявляется значительное количество проблем как процессуального, так и организационного плана.

При производстве допроса должны быть соблюдены все процессуальные требования, которые имеют существенную специфику в зависимости от статуса участника уголовного процесса, его возраста, психических и физических особенностей. Кроме того, в ряде случаев следует учитывать необходимость привлечения к участию в допросе различных лиц, что требует серьезных организационных и подготовительных мер. Не менее проблемной является и выбор правильной тактики допроса. При этом наиболее значимыми видятся все же проблемы процессуального плана, поскольку, как свидетельствует анализ практики, именно нарушение уголовно-процессуальных

норм является наиболее распространенным и зачастую влечет крайне негативные последствия для всего уголовного судопроизводства в целом — это и несоблюдение прав и законных интересов участников уголовного процесса, и признание результатов следственного действия недопустимым доказательством.

Отметим о наличии системных правовых и практических проблем, связанных с обеспечением прав участников уголовного судопроизводства при производстве допросов, особенно в отношении несовершеннолетних и адвокатов. При этом действующее уголовно-процессуальное законодательство, несмотря на наличие норм, направленных на защиту уязвимых категорий, не содержит достаточной детализации процедур, гарантирующих реальную защиту от процессуальных злоупотреблений, что особенно ярко проявляется в случае необоснованного отказа от видеозаписи допроса несовершеннолетних потерпевших и свидетелей либо формального соблюдения нормы, без учета интересов ребенка. В практике вызова адвокатов на допрос в качестве свидетелей, несмотря на существующий запрет, сформулированный неполно и допускающий расширительное толкование, может быть создана угроза нарушений принципов конфиденциальности и подрыва института профессиональной юридической помощи.

Анализ судебной и следственной практики, юридической литературы и истории криминалистики позволил выделить четыре исторических этапа развития такого процессуального действия, как допрос.

Первый этап — зарождение допроса (XX в. до н. э. — XI в. н. э.). Если рассматривать данный этап как способ установления истины, то можно утверждать, что так-

тики и определенный, процессуально закрепленный порядок его проведения отсутствовали. Законодателей того времени более всего интересовали вопросы, связанные с количеством свидетелей и их статусом, который определял возможность участия в судебном разбирательстве. Особое внимание уделялось верификации показаний, которая в большинстве случаев осуществлялась путем пыток, испытаний или клятв. Петр I, придя к власти, попытался ограничить пытку, сохранил ее только для случаев нехватки иных доказательств: добровольное признание, изобличение преступника одним свидетелем (а не двумя и более); полудоказательства. Такой подход следует оценивать положительно, поскольку он ограничивал произвол судей, злоупотребления пыткой [1, с. 49].

Второй этап развития допроса (XI–XVII вв.) связан с начальной процессуальной регламентацией в нормативных правовых актах, а также с разработкой тактических рекомендаций, основанных на практическом опыте (например, обращали внимание и описывали в протоколах выражения лиц, жесты и т. д.). В ходе разбирательства суд требовал от участников доказательства, на основании которых выносил приговор. Самым весомым доказательством считалось признание подсудимого.

Третий этап развития допроса (середина XIX в. — конец XX в.). Этап характеризуется дальнейшим совершенствованием учения о допросе. В результате Судебной реформы 1864 г. были приняты четыре устава, среди которых был Устав уголовного судопроизводства. Основу этого устава составила теория свободной оценки доказательств, которая пришла на смену теории формальных доказательств. Положительное значение этого акта заключается в том, что впервые в России был приведен в систему порядок проведения следственных действий, в том числе и допроса.

Четвертый этап развития допроса (XXI в. — наше время). Дальнейшее развитие уголовного процесса пошло по пути дополнительной регламентации получения вербальной информации у различных категорий допрашиваемых и использования высокотехнологичных средств в следственных действиях. Так, например, в ст. 191 УПК РФ получил дальнейшую регламентацию порядок допроса малолетних свидетелей. Проводятся исследования возможности участия в уголовном процессе лиц с ограниченными возможностями (в том числе, пожилых и иных лиц с нарушениями когнитивного развития). Организуются и проводятся научные и научно-практические мероприятия, в том числе международного уровня.

Получило развитие использование высоких технологий в вербальных следственных действиях. В ст. 189.1 УПК РФ регламентируются особенности проведения допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи.

Использование новейших психологических, нейропсихологических и нейрофизиологических методов позволило получить новые научные данные о работе памяти человека, процессе восприятия, кодировании, сохранении, извлечении и передаче информации. Появились досто-

верные сведения о внешних проявлениях различных эмоций человеком, разработаны новые методики активации памяти, оценки достоверности показаний и т. д. Все это позволило существенно обновить арсенал тактических рекомендаций по производству вербальных следственных действий, а в ряде случаев и сформулировать абсолютно новые принципы получения уголовно-релевантной информации [2, с. 47].

Допрос является одним из самых значимых и сложных следственных действий, определяющих ход уголовного расследования. Его правовое регулирование требует дальнейшего совершенствования, особенно в части определения дефинитивной нормы, регламентирующей понятие допроса. Внесение изменений в уголовно-процессуальное законодательство, в частности, в статью 187 УПК РФ, могло бы способствовать уточнению целей допроса и повышению его эффективности. Гармонизация процессуальных норм, их уточнение и дополнение с учетом современных реалий являются необходимыми шагами для повышения качества предварительного расследования и укрепления законности в уголовном судопроизводстве.

Исследование исторических этапов развития допроса как процессуального института выявило, что эволюция этого следственного действия тесно связана с уровнем правового и технологического развития общества, отражая смену парадигм в постижении истины и гарантий прав личности. Первые упоминания о допросе в древности и средневековье демонстрируют полное подчинение метода познавательной функции — установлению вины на основе любых доступных, пусть даже жестоких средств, вплоть до пыток и «судебных ордалий». Отсутствие тактики и формальных правил приводило к вопиющим злоупотреблениям, что с развитием правовой мысли стало стимулировать поиск менее репрессивных и более достоверных способов допроса. Реформы XIX века, прежде всего судебная реформа 1864 года, ознаменовались внедрением принципов свободной оценки доказательств и замещения «физической силы» научно обоснованными методами криминалистики и судебной психологии. Это позволило допросу обрести системный процессуальный облик, где превалировали тактические приёмы, вытекавшие из понимания психологии допрашиваемого, а не из насилия.

В результате допрос трансформировался из инструмента подавления в тонкий инструмент выявления объективных фактов, сочетающий законность, гуманность и доказательную ценность, однако эта трансформация остаётся незавершённой, требуя дальнейшего совершенствования в свете новых технологических возможностей и международных стандартов.

Досудебный допрос выступает краеугольным камнем расследования, поскольку именно на этой стадии формируется основная доказательственная база, определяющая дальнейший ход дела. Процессуальный порядок его проведения, закрепленный в УПК РФ, включает условия допустимости допроса (основания, тайминг, участие защит-

ника и иных лиц), этапы (подготовка, свободный рассказ, вопросно-ответная часть, оформление) и ряд специфических правил (обязательное разъяснение прав, запрет на применение насилия, фиксирование результатов). Тем не менее анализ правоприменительной практики демонстрирует наличие пробелов: отсутствие четкого определения понятия допроса, неурегулированность новых форматов (видео-конференцсвязь), недостаточное внимание к уязвимым категориям (пожилые, инвалиды), формальное соблюдение временных лимитов и процедур фиксации. Эти недостатки приводят к тому, что показания могут признаваться недопустимыми, а дела — пересматриваться или прекращаться. С учетом динамики развития технологий и международных стандартов необходимо законодательное уточнение дефиниции допроса, расширение полномочий и обязанностей следователя при его проведении, а также введение специальных правил для допроса категорий, требующих особой защиты.

Судебный допрос обладает своими уникальными характеристиками, отличающими его от досудебного: публичность, много участие в зале (суд, стороны, присяжные, публика), распределение порядка допроса по статусам (вначале стороны защиты, затем обвинения), особые требования к фиксации и оценке показаний. Он становится своего рода «испытанием на прочность» для ранее полученных во время досудебного допроса показаний, проверяя их целостность и достоверность перед выне-

сением приговора. Особое значение приобретает тактика сторон: защита стремится выявить противоречия и слабые места в свидетельских показаниях, тогда как обвинение — закрепить версию преступления. При этом судебный допрос требует от прокурора высокой юридической подкованности и психологической гибкости, поскольку манера и последовательность вопросов могут существенно влиять на восприятие судом и присяжными. Недостаточная регламентация деталей судебного допроса — отсутствие четких норм относительно использования видеофиксации, порядка участия третьих лиц (психологов, переводчиков) — создает риски процессуальных нарушений и обжалований. В связи с этим целесообразно дальнейшее развитие законодательства, включающее подробные правила организации судебного допроса, обязательную видеофиксацию всех этапов и создание методических рекомендаций для судей и прокуроров.

Таким образом, допрос в уголовном процессе представляет собой сложное процессуальное действие, требующее высокой профессиональной подготовки со стороны органа предварительного расследования или судьи. Глубокие знания уголовно-процессуального законодательства, умение применять тактические приемы и учитывать психологические аспекты допроса позволяют добиться полноты и достоверности показаний, что в конечном итоге способствует объективному рассмотрению уголовного дела и вынесению справедливого судебного решения.

Литература:

1. Якимов И. Н., Михеев П. П. Допрос: практич. пособие для допрашивающих. М.: Изд-во Нар ком. внутр. дел, 1930 (тип. Изд-ва НКВД). 84 с.
2. Рудов Д. Н., Лукьянчикова Е. Ф. Организация и производство допроса обвиняемого следователем органов внутренних дел: вопросы теории и практики // Проблемы правоохранительной деятельности. 2024. № 1. С. 44–48.

Генезис государственных предприятий в России: эволюция правового статуса и перспективы институционального развития

Крутских Иван Ярославович, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет

В статье рассматриваются генезис и трансформация правовой формы государственного предприятия в России с до-революционного периода до современности. Особое внимание уделяется соотношению публично-правовых и корпоративных начал в организационно-правовом механизме управления имуществом, принадлежащим Российской Федерации и субъектам РФ. Анализируются коллизии действующего законодательства, судебная практика и доктринальные подходы к совершенствованию правового режима государственных унитарных предприятий (ГУП). Сформулированы предложения по дальнейшему институциональному реформированию сектора государственных юридических лиц.

Ключевые слова: государственное предприятие, унитарное предприятие, казна, право хозяйственного ведения, оперативное управление, приватизация, публично-правовая корпорация, юридическое лицо публичного права.

Проблема правовой природы и хозяйственно-правового статуса государственных предприятий в России имеет не только теоретическое, но и прикладное зна-

чение, поскольку затрагивает вопросы разграничения публичной и частной собственности, эффективности использования казённого имущества, а также ответствен-

ности государства по обязательствам своих юридических лиц. Притом что в мировой практике формы государственного предпринимательства многообразны (agency, public corporation, state-owned company и др.), российская правовая система прошла уникальный путь от казённых заводов и хозяйственных управлений Императорской канцелярии к советским народным предприятиям и далее к современным унитарным предприятиям, основанным на праве хозяйственного ведения либо оперативного управления.

Первые государственные предприятия на территории Российской империи возникли в форме казённых заводов, деятельность которых регулировалась как отраслевыми положениями (горный, соляной, винокурный уставы), так и общими нормами казначейского права. Казённые заводы не обладали отдельной правосубъектностью: вся хозяйственная ответственность возлагалась на казну, а управление осуществлялось фискальными органами, в частности Берг-коллегией. Имущественная обособленность выражалась не в праве собственности, а в сметно-бюджетном закреплении (аллокировании) активов, что позволило ряду исследователей охарактеризовать дореволюционное государственное предприятие как форму административно-казённого хозяйства. Доля доходов от предприятий госсектора в доходах госбюджета стремительно росла: если в 1885 г. она составляла всего 10 %, то с 1905 г. до начала Первой мировой войны устойчиво держалась на уровне 60 % [1, с. 124].

Советский период в истории развития государственных предприятий характеризуется коллективизацией имущественных прав. Декрет Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) от 14 декабря 1917 г. «О национализации банков» и декрет Совета народных комиссаров (СНК) от 28 июня 1918 г. «О национализации крупных предприятий» заложили концепцию государственной собственности, исключив частноправовые формы обособления капитала. Государственное предприятие представляло собой «социалистическую организацию», неразрывно связанную с государственным планом и ликвидировавшую имущественный риск посредством института государственной собственности как «единого хозяйственного комплекса». Тем не менее уже в 1920-е гг. новая экономическая политика (НЭП) породила категории трестов и концессий, в рамках которых ограниченная имущественная обособленность предприятий допускалась.

Кодификация Гражданского кодекса РСФСР 1964 г. закрепила институт государственного предприятия, наделив его правом хозяйственного ведения, что представляло собой компромисс между принципом единства социалистической собственности и необходимостью оперативно-хозяйственной самостоятельности [2]. На практике же права предприятия оставались усечёнными: сделки с недвижимостью требовали санкции собственника-государства, а распределение прибыли подлежало плановым заданиям. Таким образом, советская модель

государственного предприятия характеризовалась ограниченной правоспособностью и административным методом управления.

Третьим периодом развития государственных предприятий можно назвать постсоветскую трансформацию и становление унитарных предприятий. Он длится с 1991 г. по настоящее время. Закон СССР от 06.03.1990 № 1305-1 «О собственности в СССР» впервые допустил разделение государственной собственности по уровням власти на общесоюзную (федеральную) и собственность республик (республиканскую), заложив предпосылки для появления казённой формы предприятий [3]. Гражданский кодекс РФ 1994–1995 гг. институционализировал унитарное предприятие как юридическое лицо, не наделённое правом собственности на закреплённое за ним имущество. При этом различаются два режима: хозяйственного ведения (государственное унитарное предприятие (ГУП) и оперативного управления (казённое предприятие). С одной стороны, законодатель попытался ввести корпоративные элементы (самостоятельный баланс, доход, ответственность по обязательствам своим имуществом), с другой — сохранил публично-правовой контроль через запрет отчуждения и обременения особо ценного имущества без согласия собственника [4].

Современное состояние правового режима государственных предприятий следующее: к 2024 г. в РФ зарегистрировано около 2200 федеральных и 11 000 региональных ГУП и казённых предприятий. Их удельный вес в валовом внутреннем продукте (ВВП) оценивается экспертами в 8–10 % [5, с. 148]. Несмотря на тенденцию к акционированию (конвертации в публичное акционерное общество (ПАО) с участием государства), государственные предприятия продолжают играть существенную роль в различных отраслях (оборонно-промышленный комплекс, ЖКХ, фармацевтика, атомная энергетика). Положения о хозяйственном ведении позволяют ГУП привлекать кредиты и иное финансирование, что для казённых предприятий затруднительно вследствие отсутствия гарантий при обращении взыскания на имущество.

Судебная практика последних лет демонстрирует ужесточение контроля за законностью сделок с недвижимостью и интеллектуальными активами ГУП. Одновременно усиливается внимание антимонопольного органа к вопросам недобросовестной конкуренции со стороны государственных предприятий. В научной доктрине все больше сторонников либо преобразования ГУП в акционерные общества с «золотой акцией» государства, либо превращения их в публично-правовые компании, которые сочетают строгий публичный мандат и автономию в имущественных вопросах.

В странах континентальной правовой семьи (Франция, Германия) государственные предприятия оформлены как EPIC (*établissement public à caractère industriel et commercial*) или *Anstalt des öffentlichen Rechts*. Они обладают собственностью на основе права публичной собственности и подвергаются режиму административной

юрисдикции. В Великобритании и США преобладает модель government-owned corporation, где государство выступает акционером, а предприятие функционирует в соответствии с нормами корпоративного права. Российское унитарное предприятие является *sui generis*: оно не имеет уставного капитала, но наделено ограниченной автономией; имущество остаётся в государственной собственности, но ответственность по обязательствам лежит на самом предприятии. Данное гибридное положение создаёт риски для контрагентов и препятствует привлечению инвестиций, так как кредитор вынужден рассчитывать лишь на ограниченный имущественный комплекс, не имея права регресса к собственнику.

Ключевыми проблемами современного законодательства о государственных предприятиях являются:

- неоднозначность правового статуса имущества, выявляемая при банкротстве: спор о принадлежности дебиторской задолженности и интеллектуальных прав собственнику либо предприятию;
- отсутствие эффективного механизма субсидиарной ответственности государства по обязательствам, исполнение которых имеет публичную значимость (в сфере жизнеобеспечения населения);
- разрывы в вертикали управления: одновременное подчинение предприятия отраслевому органу власти (функциональный контроль) и Росимуществу (имущественный контроль), что приводит к конфликту целей.

Для решения данных проблем предлагаются следующие направления совершенствования с учётом международного опыта:

- 1) кодифицировать в ГК РФ отдельный параграф о юридическом лице публичного права с разграничением видов (предприятие, корпорация, учреждение), установив субсидиарную ответственность собственника в пределах казны;
- 2) предусмотреть обязательную оценку социально-экономической эффективности государственных предприятий посредством аудита с последующей публикацией отчётов;
- 3) дать государственным предприятиям право учредить дочернее хозяйственное общество для привлечения инвестиций под конкретный проект с согласия собственника.

Так, генезис российских государственных предприятий демонстрирует постоянное колебание между доминированием публичных интересов и необходимостью хозяйственной автономии. Исторические формы — от казённого завода до современного ГУП — отражают поиск оптимального баланса. Текущий правовой режим унитарных предприятий с точки зрения цивилистики остаётся промежуточным и требует концептуального обновления. Предлагаемые в статье подходы, опирающиеся на зарубежный опыт и отечественную судебную практику, направлены на усиление имущественной устойчивости государственных предприятий и повышение их ответственности перед обществом.

Литература:

1. Погудаева, М. Ю. Государственное предпринимательство в российской империи (1890–1915 гг.) / М. Ю. Погудаева. — Текст: непосредственный // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». — 2007. — № 11. — С. 123–129. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennoe-predprinimatelstvo-v-rossiyskoy-imperii-1890-1915-gg-1> (дата обращения: 01.06.2025).
2. Гражданский кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 11.06.1964 № 51). — URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_6095.htm (дата обращения: 01.06.2025).
3. Закон СССР «О собственности в СССР» от 06 марта 1990 г. № 1305-I // Свод законов СССР. Т. 2. — 1990. — С. 44–41. — URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=48189#h143> (дата обращения: 04.06.2025).
4. Федеральный закон от 14.11.2002 № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» (ред. 23.05.2025). — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39768/ (дата обращения: 04.06.2025).
5. Кононкова, Н. П. Новая структура и функции государственного сектора России перед лицом глобальных вызовов / Н. П. Кононкова, Д. А. Михайленко. — Текст: непосредственный // Государственное управление. Электронный вестник. — 2023. — № 99. — С. 144–159. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-struktura-i-funktsii-gosudarstvennogo-sektora-rossii-pered-litsom-globalnyh-vyzovov> (дата обращения: 02.06.2025).

Научные основы речеведения и их значение для судебной автороведческой экспертизы

Куликов Дмитрий Александрович, студент магистратуры

Научный руководитель: Федяев Сергей Михайлович, кандидат филологических наук, доцент

Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье автором рассматриваются научные основы речеведения и его влияние на формирование судебной автороведческой экспертизы.

Ключевые слова: *судебно-экспертная деятельность, автороведческая экспертиза, автороведческое исследование, диагностика и идентификация лиц по письменной речи, программные средства.*

Судебно-экспертная деятельность представляет собой специальный вид деятельности, осуществление которого зависит от наличия компетенции у эксперта в конкретной области знания, чтобы решить поставленные перед ним в постановлении следователя или определении суда вопросы.

Специфика его деятельности отражается в том, что он обязан разрешить стоящие вопросы, не нарушая процессуальную форму своей деятельности. Нарушение правовых оснований экспертной деятельности приводит к исключению заключения эксперта из перечня имеющихся в деле доказательств, признанию его недопустимым, и общему затягиванию процесса.

Кроме соблюдения формы, эксперт обязан осуществлять свое исследование в точном соответствии с выбранной им методикой исследования, проанализировать составляющие ее методы и их очередность, чтобы полученные им в итоге выводы были научно обоснованы и имели, в силу этого факта, достоверную гносеологическую природу.

Чтобы определить научные основы автороведческих экспертиз, необходимо сначала выяснить, как структурирован этот вид экспертиз в нормативных документах органов исполнительной власти, уполномоченных на проведение такой деятельности. Применив здесь формально-юридический метод, мы познаем характер необходимых экспертам специальных знаний и конкретную сферу их использования.

Органы внутренних дел в своем специализированном приказе об организации судебных экспертиз включают в автороведческие исследования вопрос идентификации автора по тексту [1]. Получается, что предметом автороведческой экспертизы выступает здесь вопрос принадлежности текста определенному автору. Решение такого идентификационного вопроса позволит в дальнейшем следствию и суду индивидуализировать применяемые правовые меры воздействия.

Органы федеральной службы безопасности к вопросам автороведческих экспертиз относят «типовые задачи, решаемые при производстве автороведческих экспертиз: диагностика и идентификация лиц по письменной речи» [2]. Здесь мы находим расширение области решаемых экспертизой этого вида вопросов по сравнению с подходом,

закрепленным у органов внутренних дел. Сюда отнесены не только вопросы идентификации, то есть определения конкретного лица как автора текста, но и вопросы диагностики. Диагностические задачи носят характер установления условий совершения какой-либо деятельности, в нашем случае — составления текста или инсценирования авторства другим лицом.

Судебно-экспертные учреждения Минюста тоже проводят автороведческие исследования. Ведомственный приказ говорит, что автороведческие экспертизы ставят своей целью «исследование письменной речи с целью установления авторства» [3]. Как можно видеть из формулировки приказа, в нем приводится всего лишь требуемая для этого вида экспертиз конечная цель — установление авторства определенного лица.

Анализ нормативной правовой базы, структурирующей рода и виды судебных экспертиз в государственных учреждениях и обособленных подразделениях правоохранительных органов, показывает, что формулировка вопросов, применительно к каждой из назначаемых автороведческих экспертиз, отдается на усмотрение следователя или сторон дела по их ходатайствам. Руководящими документами указывается только предел исследовательских полномочий, — выявление тождества исполнителя текста и проверяемого лица, чье авторство предполагается.

Стоит отметить более широкий подход в определении вопросов автороведческой экспертизы со стороны экспертных подразделений органов государственной безопасности. Помимо идентификационных задач, акцент также делается и на диагностических задачах, которые служат выяснению причин и условий действий, объясняют процессы слеодообразования. Но, в конечном счете, даже диагностические вопросы призваны находить типичные особенности и признаки составившего текст лица и отвечать на основной вопрос об авторе текста.

Е. И. Галяшина, рассматривая проблемные аспекты научных основ речеведения, отмечает, что «судебное речеведение — это синтетическая область знаний о речевой деятельности человека как единой основы судебно-экспертного исследования устных и письменных произведений речи (почерковедческой, автороведческой, лингвистической, экспертизы устной речи)» [4].

Мы полностью разделяем позицию Е. И. Галяшиной, в которой обуславливаются общие единые подходы к изучению своего объекта — человеческой речи. Конечно, отдельные рода и виды класса речеведческих экспертиз имеют свои специфические предметы изучения, но в целом, на вопросы формирования структурных этапов и методов автороведческой экспертизы влияют речеведческие категории.

Т. П. Соколова говорит о том, что «в условиях современных вызовов технологизации и цифровизации, судебное автороведение следует рассматривать не только в узком смысле, в аспекте криминалистики, но и в широком смысле — как междисциплинарную область знания» [5].

Такой подход полностью согласуется с предлагаемой Е. Р. Россинской новой областью знания — «судебной экспертологией» [6].

Ю. Н. Баранов в своей работе приходит к выводу о «существовании единого предмета и использования совокупности методов лингвистического анализа речи, что позволяет объединить теоретические основы исследований, проводимых в рамках фоноскопических и автороведческих экспертиз» [7].

Мы говорим о двухуровневой структуре научных основ автороведческой экспертизы: на первом уровне располагаются общеречеведческие подходы, общие для всего класса экспертиз, а на втором, — узкоспециализированные, относящиеся только к разрешению вопросов авторства текста.

Такие специализированные подходы практически тождественны в автороведческих и фоноскопических исследованиях, так как в них единый объект изучения, — речевая деятельность человека. Разницу между ними мы видим лишь в средствах существования человеческой речи: в автороведении это текстовая форма речи, в фоноскопии, — аудиальная форма речи, зафиксированная на технических носителях информации.

Возможность проведения автороведческой экспертизы базируется на доказанных наукой лингвистикой устоявшихся после многократного повторения в письменном общении у каждого индивида закономерностях его речевого поведения. Это поведение управляется центральной нервной системой, причем, в зависимости от скорости протекания внутренних психических процессов, происходит подбор из усвоенных человеком конкретной формы речевого взаимодействия.

На этот феномен речевого общения в формате текста, постоянно влияют и внешние факторы. Здесь необходимо упомянуть такие, как стиль составления текста; целевая аудитория, на которую автором направлено речевое воздействие; контекста общения — условий, в которых оно происходит, осознаваемых автором и его адресатами.

По существу, процесс общения в текстуальной форме предстает в единичном случае, больше не повторяясь во времени у его автора. В фоноскопии, как правило, происходит диалог, и человек должен избирать и корректировать фразовый набор без какой-либо существенной подготовки.

В автороведении имеются и тщательно подобранные формулировки, и текстовая диалоговая форма общения, когда у вовлеченного в диалог лица отсутствует запас времени на продумывание подходов к речевой деятельности.

А. Ю. Комиссаров пишет, что «составление и исполнение текстов формирует у автора и исполнителя текста письменно-речевые навыки, способствует образованию специального интеллектуального функционально-динамического комплекса (стереотипа) в механизме реализации этих навыков» [8].

Поэтому в изучении теоретических начал автороведческих экспертиз следует выделять социологические и психофизиологические основания, из которых она складывается. Социологические позволяют эксперту провести анализ окружающей обстановки, механизмы осознания контекста коммуникации, способность к абстрагированию, а психофизиологические — решают диагностические и классификационные задачи определения пола, возраста, доминирующих реакций на внешние раздражители.

На выявление интеллектуального стереотипа построения речевых конструкций у конкретного человека, как раз и направлена автороведческая экспертиза. Определяющее условие успешного ее производства — достаточный объем текстовой информации и сравнительных образцов для исследования от проверяемого на авторство лица. Установление письменно-речевого комплекса невозможно провести без выявления внутренних и внешних условий, о которых нами сказано выше.

Конечно, интеллектуальный стереотип построения типовых фраз, ошибок и способов маскировки авторства познается через их признаки вовне, то есть из текстовой информации. Она рассматривается в качестве единственного допустимого источника в проведении исследований такого вида.

Под такими признаками письменной речи Ю. Н. Баранов понимает «особенности формально-языковых и понятийно-смысловых структур текста, в которых отображаются свойства языковых и интеллектуальных навыков личности» [9].

Идентификация, как одна из системообразующих теорий в судебной экспертизе и криминалистике, предполагает наличие у каждого объекта изучения определенных свойств и признаков. Она обуславливает познание свойств объекта — в нашем случае, речевого стереотипа, посредством отыскания и анализа отображаемых им признаков: общих или частных, индивидуализирующих. Отражение — это всеобщее свойство материи [10] и на этом базируется автороведение, разрешая не только идентификационные вопросы, но также диагностические и классификационные.

Основой практического экспертного автороведческого исследования выступает речевой навык, который находит свое отражение в текстовом формате языка. Речевой навык, познаваемый в этом виде экспертизы, опосредуется множеством влияющих факторов, о некоторых из которых мы уже говорили. Но именно он рассматри-

вается в качестве признака, отображающего устоявшийся у человека стереотип речевого поведения.

Е. И. Галяшина говорит, что «к предметной области судебного речеведения относятся закономерности формирования, развития и реализации речевого поведения человека, определяющие функционально-динамический комплекс навыков человека как в устной, так и в письменной речи, и основанные на них методы исследований продуктов речеведческой деятельности в интересах судопроизводства» [11].

Речевой навык подразделяется на структурные части, в которых проявляются все его взаимодействующие стороны. Это такие явления, как стилистика, лексика, фразеология, синтаксис, орфография и пунктуация [12]. Все перечисленные направления лингвистического анализа выступают в роли общих признаков речевой деятельности.

Познавая их сущность, специалист в области лингвистики сможет выделить определенные групповые признаки, и опираясь на них, решить поставленные перед ним инициатором экспертизы классификационные и диагностические вопросы. Отыскание общих признаков на начальных стадиях исследования помогает ответить на вопрос о необходимости его дальнейшего проведения.

Если общие признаки целевого текста и отобранных у проверяемого сравнительных образцов не совпадают, тогда становится нецелесообразной работа над последующими стадиями экспертизы. Без совпадений общих признаков речевых навыков нельзя переходить к выяснению и сравнению частных признаков. Иначе нарушится логический закон достаточного основания, что приведет к необоснованному и недостоверному выводу в его гносеологической основе.

Переходя к частным идентификационным признакам, сразу отметим их индивидуальный характер. Он формируется от многократных, доведенных нервной системой человека до автоматизма последовательности речевых навыков, выражающих индивидуальность речевой функции конкретного человека. Единичность речевого поведения проявляется в сравнении с общеустоявшейся нормой, проявляемой общими признаками.

Чаще всего уникальные особенности речевой коммуникации эксперты находят в употреблении ошибочных, по отношению к нормам культуры и языка, выражений по контексту коммуникативной деятельности, а также частоту их встречаемости в речи, корреляцию от стилистики и предметной сферы общения.

И. В. Береля замечала по этому поводу, «под речевыми неправильностями или ошибками в строгом терминологическом смысле следует понимать отклонения от кодифицированных общелитературных норм, закрепленных в ортологических словарях, справочниках и научной литературе в виде рекомендаций» [13].

Исходя из определения речевой ошибки можно видеть, что она по своей сущности, – отклонение от признаваемой нормы. Поэтому содержание специальных речеведческих знаний опирается на знание нормы языка.

В этой связи идентификационно ценными Е. Ю. Садовская считает «ошибки, свидетельствующие, что нарушение происходит как во внутренней речи, так и при переводе мысленных образов в словесную форму из-за неумения непротиворечиво оформить высказывание логично, и точно изложить свои мысли» [14].

Мы солидарны с таким мнением, так как изученные нами материалы уголовных и гражданских дел, в части автороведческих экспертиз, подтверждают высказанные аргументы. Категоричные выводы по итогам изучения текстов в большинстве случаев опирались на индивидуально приобретенные логико-семантические ошибки, возникшие либо по причинам низкого уровня языкознания, либо в результате маскировки для избежания ответственности за сказанное.

Другой вид частных признаков речи — предпочтительность одних средств языкового общения перед другими. Изучение текста здесь строится по правилу: от внешних факторов к внутренним, отображающих социально-психологические и личностные установки коммуниканта.

Сначала рассматриваются внешние факторы контекста, могущие быть причиной предпочтительности выбора средства общения. Потом акцент делается на внутриличностные черты текста проверяемого человека. Проведя синтез обеих получившихся информационных матриц, посредством избранных для решения экспертных задач методов, эксперт таким способом выводит новое знание.

Третий вид частно-идентифицирующих признаков происходит из отношений обнаруженных и имеющихся в пределах идентификационного поля общих и частных признаков. Соотношение средств языка — один из сложных частных признаков, его выведение из массива обработанной информации трудоемко, но имеет наибольшую степень индивидуализации речевых средств человека. Этот процесс упрощается сегодня внедрением алгоритмизированных экспертных компьютерных программ, позволяющих обрабатывать и анализировать объемные тексты. Программные средства такого рода активно внедряются в повседневную деятельность экспертов-речеведов [15].

Судебная автороведческая экспертиза своими научными основами имеет систему положений лингвистики по исследованию интеллектуального стереотипа каждого человека, который проявляется посредством его речевых навыков в разных условиях коммуникации.

Такие языковые навыки несут на себе общие и частные признаки. По общим признакам раскрываются диагностические и классификационные задачи, что дает возможность отыскивать внешние и внутренние условия речевой деятельности. Выявление индивидуальных частных признаков речевого навыка — более сложная задача, позволяющая точно заключить вывод об авторе текста. Познавание достаточного количества закономерностей проявления общих и частных признаков в речи отдельного человека, непременно ведут к нахождению интеллектуального речевого стереотипа и разрешению всех экспертных задач.

Литература:

1. Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации: Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 29.06.2005 г. № 511 (в ред. от 30.05.2022 г.) // СПС «Консультант Плюс». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_55315/171f22ad9900f6b9d88242eab4a97f23c815fb19/
2. Об организации производства судебных экспертиз в экспертных подразделениях органов федеральной службы безопасности: Приказ Федеральной службы безопасности от 23.06.2011 г. № 277 (в ред. от 01.06.2022 г.) // СПС «Гарант» — URL: <https://base.garant.ru/12189652/>
3. Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России: Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 20.04.2023 № 72 (Зарегистрировано в Минюсте РФ 24.04.2023 N 73133/ СПС «Гарант». — URL: <https://base.garant.ru/70309342/>
4. Галяшина Е. И. Методологические основы судебного речеведения: дисс. ... докт. юрид. наук. — М., 2003. — С. 64.
5. Соколова Т. П. Судебное автороведение как междисциплинарная область знания // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). — 2019. — № 5. — С. 134.
6. Россинская Е. Р. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология): учебник для вузов / Е. Р. Россинская; Е. И. Галяшина; А. М. Зинин; под ред. Е. Р. Россинской. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. — С. 4.
7. Баранов Ю. Н. Теоретические основы применения лингвистических знаний в криминалистике при производстве фоноскопических и автороведческих экспертиз: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Челябинск, 2004. — С. 6.
8. Комиссаров А. Ю. Криминалистическое исследование письменной речи: учебное пособие. — М.: ЭКЦ МВД России, 2000. — С. 7.
9. Баранов Ю. Н. Теоретические основы применения лингвистических знаний в криминалистике при производстве фоноскопических и автороведческих экспертиз: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Челябинск, 2004. — С. 11.
10. Аверьянова Т. В. Значение криминалистической теории отражения для судебно-экспертной практики // Труды Академии управления МВД России. — 2017. — № 3. — С. 9–13.
11. Галяшина Е. И. Судебное речеведение: монография. — М.: Норма, 2020. — С. 13.
12. Московкин Л. В. Теоретические источники концепции речевых навыков и умений С. Ф. Шатилова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2020. — № 198. — С. 7–16.
13. Береля И. В. Многоуровневая системность стилистических норм и проблема типологизации речевых отклонений от них: дисс. ... канд. филол. наук. — М., 2007. — С. 46.
14. Садовская Е. Ю. Речевые ошибки как фактор коммуникативных неудач в профессиональном общении / Е. Ю. Садовская; Ю. Б. Жидкова // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2015. — № 4. — С. 117.
15. Галяшина Е. И. Типовые криминалистические диагностические комплексы криминогенных речевых действий / Е. И. Галяшина; В. Д. Никишин; К. М. Богатырев // Судебная экспертиза. — 2021. — № 1. — С. 16–31.

Оценка результатов судебной автороведческой экспертизы следствием

Куликов Дмитрий Александрович, студент магистратуры

Научный руководитель: Федяев Сергей Михайлович, кандидат филологических наук, доцент

Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье автором рассматриваются особенности оценки результатов автороведческих исследований следствием.

Ключевые слова: *судебно-экспертная деятельность, автороведческая экспертиза, автороведческое исследование, проверка материалов о преступлении, оценка доказательств.*

Судебная автороведческая экспертиза занимает важное место в решении вопросов установления настоящего автора текста, который выступает предметом изучения со стороны следователя, суда или сторон по гражданским или арбитражным спорам.

Судебная автороведческая экспертиза своими научными основами имеет систему положений лингвистики по исследованию интеллектуального стереотипа каждого человека, который проявляется посредством его речевых навыков в разных условиях коммуникации.

Чтобы провести всесторонний анализ содержания судебной автороведческой экспертизы, следователю необходимо иметь компетенции в области лингвистики и речеведения. Поэтому, самостоятельно следователь не способен должным образом познать зафиксированный в экспертном заключении речевода ход исследования.

Он вынужден прибегнуть или к помощи специалистов-лингвистов, или воспользоваться своим правом допросить эксперта, проводившего изучение объектов — текстов. Но даже если эксперт будет допрошен, следователь будет вынужден сравнить сообщенные экспертом сведения с другим компетентным источником речеведческих сведений, чтобы далее стороны не могли в своих жалобах в прокуратуру и суды заявлять о формальном подходе к изучению и проверке материалов дела.

Проблемные вопросы проверки заключения эксперта-речевода могут разрешаться со стороны следователя вызовом эксперта на допрос либо приобщением рецензии специалиста в виде заключения специалиста о результатах экспертизы, или допросом специалиста, сведущего в сфере автороведения и лингвистики.

В уголовном судопроизводстве автороведческая экспертиза может назначаться следователями на этапе проверки материалов о преступлении или после возбуждения уголовного дела, когда проходит предварительное расследование. В обоих возможных случаях данный вид экспертизы носит доказательственное значение и берется следователем в целях формирования обвинительного заключения или прекращения производства по делу, или прекращения преследования определенного лица.

Уголовно-процессуальный закон требует от следователя не только проведения следственных и других процессуально-проверочных действий, но и проверки и оценки получаемых им доказательств. Такой подход направлен на предварительный, досудебный анализ фактических оснований доказательств, потому что следователь формирует материалы уголовного дела и, в конечном итоге, само судебское убеждение.

С. В. Немира аргументировано отмечает, что «оценке с точки зрения достоверности должны подвергаться заключения экспертов, содержащие выводы, как в категорической, так и в вероятной формах. Доказательственная сила заключения эксперта с категорической формой вывода будет выше только в том случае, если оно научно обоснованно и подтверждается проведенным исследованием. Выводы эксперта в вероятной форме также имеют доказательственное значение при условии их достаточного обоснования» [1].

УПК РФ не наделяет следователя таким же широким объемом прав по проверке и оценке доказательств по сравнению с судьей. Но закон все равно требует от него принятия всех мер по оценке собранных доказательств, предусмотренными средствами доказывания. К ним относятся допрос эксперта, которому было поручена автороведческая экспертиза, допрос и получение заключения от специалиста.

А. В. Вардянян приходит к выводу, что сама возможность ошибок или выхода эксперта за пределы методик исследования заключается в том, что «судебный эксперт обладает достаточным объемом диспозитивности при непосредственном проведении исследования и изложении выводов» [2]. Сама возможность такой свободы выбора действий эксперта-автороведа находится в отнесении его к категории независимых от сторон обвинения и защиты участников процесса.

Непроцессуальным средством проверки служит сопоставление фактического содержания выводов эксперта-автороведа с системой собранной на момент такого анализа системе сведений, имеющих статус доказательственных. Такой мыслительный вид деятельности следователя способствует проверке правовой и формально-логической сторон подготовленного автороведческого заключения.

А. В. Хмелева считает, что «затруднения возникают с оценкой научной обоснованности выбранной экспертной методики, правомерности ее применения в конкретном случае, соответствие методики современным достижениям в экспертной области знания, так как следователь не обладает специальными знаниями эксперта» [3].

Мы думаем, что следователь не может и не должен по роду своей основной деятельности иметь компетенции, сопоставимые с экспертными в различных областях знаний. Задача следователя в ситуации оценивания заключения эксперта-автороведа, — проверить процессуальную чистоту действий эксперта, наделяющую заключение доказательным статусом. Если во время проверки возникнут сомнения в правильности выводов автороведческой экспертизы, тогда следователь вынужден предпринимать дополнительные меры по проверке всего процесса экспертизы на ошибки.

А. С. Князьков предупреждает следователей, чтобы они «учитывали возможность допущения экспертом гносеологических (логических и фактических) ошибок, а также деятельностных ошибок, когда эксперт отходит от стандартизированной методики исследования, некорректно использует технические средства» [4].

В этой связи нужно отметить, что собственный вывод следователя относительно доказательств допускается только в обвинительном заключении, когда весь процесс расследования завершен и сторона защиты ознакомилась с материалами дела. Но во время проведения расследования, следователь лишен возможности к высказыванию своего мнения относительно доказательств процессуальными средствами, а, значит, его задачей становится проверка собранных доказательственных сведений через другие доказательства.

Другими видами доказательств, благодаря которым следователю удастся сделать вывод относительно достоверности и безошибочности работы эксперта-речевода, являются заключение или допрос специалиста, допрос эксперта. Допрос эксперта-лингвиста выражает собой получение объяснений по вопросам процедуры и на-

учной обоснованности, где эксперт защищает свою компетенцию.

Заключение и допрос специалиста по вопросам автороведческой экспертизы остается основным источником получения проверочной информации о результатах исследования. При этом надо отметить отсутствие законодательной возможности у следователя или иного участника расследования присутствовать во время проведения экспертизы со специалистом. Такой подход уменьшает возможности найти и зафиксировать ошибки эксперта по ходу выполнения им последовательности исследовательских процедур, что говорит о приоритете независимости эксперта.

Сам следователь вправе присутствовать во время производства автороведческой экспертизы, делать для себя заметки относительно применяемых методов, погрешностей их измерений. Эксперт в такой ситуации вынужден помимо производства экспертизы комментировать свои действия и прояснять их применение следователю.

И. В. Овсянников, проанализировав следственную практику по вопросам организации взаимодействия следователя и эксперта, указывает, что «единственный обоснованный смысл присутствия следователя в том, чтобы у него была возможность задать вопросы по поводу сути исследований, проводимых экспертом, и получить от него разъяснения» [5].

На наш взгляд, присутствие следователя на автороведческой экспертизе оправдывает себя тогда, когда следователю требуется больше исходных сведений об авторе текста в целях оперативного выдвижения версий. Такое происходит, когда у следствия отсутствуют какие-либо установочные данные о личности криминального автора текста, и требуется в короткие сроки выявить референтные группы, в которых следует начать отработку вероятных подозреваемых.

Достаточно часто автороведческие экспертизы с участием следователя производятся на начальном этапе, когда или только решается вопрос о возбуждении уголовного дела, или когда дело возбуждено, но подозреваемый не установлен. Такие ситуации без подозреваемого ведут к назначению автороведческой экспертизы с диагностическими и классификационными вопросами, потому что на этом этапе расследования невозможно получить образцы на сравнительное исследование от проверяемого лица на его причастность к преступлению.

Среди основных направлений оценки заключения эксперта-автороведа со стороны следователя, следует указать справочно-консультативную деятельность специалистов и показания специалиста. УПК РФ не урегулирован порядок привлечения следователем специалиста по вопросам получения от него заключения после проведенной судебной экспертизы.

Поэтому если следователь не уверен в качестве результата экспертизы авторства текста, он получает консультацию другого лингвиста, не связанного с экспертной организацией, где проводилась экспертиза. По результатам

такого общения или если ему поступило ходатайство от потерпевшего, он вправе допросить такого специалиста.

Н. Н. Ильин, обобщив случаи, когда следователь вынужден прибегнуть к помощи специалиста для анализа заключения эксперта, отмечает случаи, когда «имеются вероятностные выводы о событии; недостаточна информативность исходных данных; низкое качество материалов-объектов и образцов для сравнительного исследования» [6].

Мы полностью поддерживаем высказанную позицию, так как в практике автороведческих экспертиз складывается такая же ситуация, как и в транспортных судебных экспертизах. Основаниями для дополнительной проверки правильности автороведческой экспертизы являются неточности в описании результатов исследования, а также противоречие содержания результатов с собранными в деле доказательствами.

Ч. Н. Назаркулова настоятельно рекомендует следователям более тщательно подбирать специалистов для анализа лингвистических экспертиз: «компетентное в области экспертного исследования сведущее лицо может оценить верность выбора примененной методики, а также полноту и обоснованность всего заключения эксперта, что необходимо для принятия законного и справедливого решения по уголовному делу» [7].

Наше исследование показывает, что на этапе уточнения и проверки следователем противоречий результатов автороведческой экспертизы с другими собранными доказательствами по делу, вызванный специалист осуществляет следующие действия:

- непосредственно ознакомливается с заключением автороведческой экспертизы;
- анализирует перечень вопросов, поставленных перед экспертом-речеведом следователем;
- устанавливает полноту и качество передаваемых эксперту проверяемых объектов, а также образцов для сравнительного исследования и дает оценку порядку их получения и фиксации;
- анализирует вопросы эксперту и выделяет на их основе отдельные экспертные задачи;
- переходит к детальному анализу каждой стадии экспертного исследования;
- во вводной части заключения проверяет истинность отражения исходных сведений об эксперте, объектах исследования, их упаковке, чтобы «исключить возможность их подмены (объекты лингвистической экспертизы надлежащим образом упакованы, снабжены пояснительными надписями и ярлыками)» [8]. проверяет список источников, на которых авторовед выстраивал методику по изучению речевых навыков лица, составившего текст;
- на стадии раздельного исследования представленных объектов специалист уделяет внимание примененным методам для установления свойств, общих и частных признаков интеллектуально-речевого навыка автора, познает логику соотнесения метода и решаемой с его помощью экспертной задачей, рассматривает воз-

возможность раскрытия свойств речевых навыков через выбранные методические процедуры и их влияние на выявление других присущих речевых навыков, которые не рассматривались экспертом;

– на стадии сравнительного исследования проверке подвергается сопоставление выявленных комплексных речевых признаков в проверяемых и сравнительных образцах, рассматривается возможность правильности применения существующих автоматизированных лингвистических систем, погрешность их вычислений и деятельность эксперта по устранению возникших операционных действий;

– на этапе формирования выводов, специалист общается как фактически полученные речеведом сведения и их качественную и количественную достаточность для формирования вывода;

– на этапе определения результатов автороведческой экспертизы, специалистом проверяется наличие всех полученных результатов исследования в материалах экспертного заключения.

Следователь после получения от специалиста его письменного заключения не лишен права провести его допрос, где обеспечивает специалисту возможность разъяснить свое мнение более подробно и указать собственную оценку заключению эксперта. На роль специалиста следователю тактически выгодно приглашать лицо, которое имело или имеет статус судебного эксперта в сфере лин-

гвистики. Приглашение специалистов из других, смежных с лингвистикой областей, например, литературоведения или межкультурной коммуникации, нам представляется неуместным, потому что эта область знаний менее связана со спецификой индивидуализации личности речевыми средствами.

Подводя итог, мы приходим к выводу о возможности оценивания следователем хода и результатов автороведческой экспертизы как с позиций соблюдения ее процессуального порядка, так и с точки зрения инструментальных исследований и доказанности выводов. Одними из востребованных инструментов проверки и оценки, выступает привлечение помощи специалиста-лингвиста. В его обязанности входит документальный пересмотр заключения эксперта-автороведа и разъяснение в письменном или устном виде обнаруженных неточностей и ошибок, а также их влияние на конечный результат экспертизы авторства текста.

Установив соответствие формы и содержания заключения эксперта по судебной автороведческой экспертизе нормам права и науки лингвистики, следователь признает такое доказательство относимым и достаточным к расследуемому делу.

Заключительная оценка проводится судом в совещательной комнате, путем сравнения с другими доказательствами непосредственно перед провозглашением приговора или решения суда.

Литература:

1. Немира С. В. Достоверность заключения эксперта в уголовном процессе: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. — Краснодар, 2016. — С. 25.
2. Варданян А. В. Современные проблемы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Юрист-правовед. — 2019. — № 2. — С. 162.
3. Хмелева А. В. Оценка следователем заключения судебного эксперта // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2016. — № 2–3. — С. 457–458.
4. Князьков А. С. Проблемы доказательственной значимости назначения, производства и оценки результатов судебной экспертизы // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2014. — № 4. — С. 70.
5. Овсянников И. В. Об участии следователя в производстве судебной экспертизы и его присутствии при производстве судебной экспертизы // Вестник экономической безопасности. — 2020. — № 3. — С. 161.
6. Ильин Н. Н. Теория и практика транспортных судебных экспертиз в расследовании преступлений: дисс. ... докт. юрид. наук. — М., 2021. — С. 320.
7. Назаркулова Ч. Н. Использование специальных знаний при расследовании преступлений, совершенных по мотиву национальной, расовой, религиозной или межрегиональной ненависти или вражды: дисс. ... канд. юрид. наук. — СПб, 2017. — С. 112.
8. Аблин М. В. Теоретико-методологическое обоснование лингвистической экспертизы по делам об экстремизме: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — Уфа, 2016. — С. 13.

Правовое регулирование института общей аварии в условиях цифровизации и международной торговли

Курмалиев Наиль Мавлютович, студент магистратуры
Международный юридический институт (г. Москва)

В статье рассматриваются современные вызовы правового регулирования института общей аварии в условиях цифровизации морских перевозок и развития международной торговли. Анализируются основные источники регулирования — Йорк-Антверпенские правила, Гражданский кодекс РФ, Кодекс торгового мореплавания РФ. Особое внимание уделено вопросам применения норм при использовании автоматизированных систем управления судами, а также экологическим рискам и цифровым контрактам. Предложены пути совершенствования правовой базы для обеспечения справедливости и безопасности в международных перевозках.

Ключевые слова: общая авария, морское право, международная торговля, цифровизация, смарт-контракты, экологический ущерб, Йорк-Антверпенские правила, ответственность перевозчика, распределение убытков, международное частное право.

Введение

Общая авария — один из ключевых институтов морского права, который исторически закрепился как механизм справедливого распределения чрезвычайных расходов и убытков между участниками морской перевозки. В условиях цифровизации и глобализации экономических процессов возникает необходимость в адаптации этого института к новым реалиям. Целью настоящей работы является исследование особенностей правового регулирования общей аварии в XXI веке, с акцентом на вопросы цифровых технологий, экологической ответственности и международного сотрудничества.

Для достижения указанной цели были поставлены следующие задачи:

- проанализировать эволюцию правового регулирования института общей аварии;
- рассмотреть особенности применения Йорк-Антверпенских правил в условиях цифровизации;
- выявить пробелы в правоприменении в Российской Федерации;
- предложить меры по совершенствованию законодательства с учетом новых рисков, связанных с экологическими и техническими изменениями.

Статья основана на анализе норм международного морского права, российского законодательства, судебной практики и научных работ российских и зарубежных авторов.

1. Институт общей аварии: понятие, признаки и значение

Общая авария представляет собой совокупность намеренных и разумных действий капитана ради спасения судна, груза и жизни людей от реальной опасности, которые повлекли за собой чрезвычайные убытки или расходы, подлежащие распределению между всеми участниками перевозки [1]. Этот принцип имеет древние корни и был зафиксирован ещё в дигестах Юстиниана [2].

Основными признаками общей аварии являются:

- добровольность действий;
- реальная опасность;
- эффективность принятых мер;
- разумность расходов.

Несмотря на свою историческую привязку к морскому праву, институт общей аварии продолжает применяться и в современных условиях, включая внутренние водные перевозки и международную торговлю.

2. Применение Йорк-Антверпенских правил в условиях цифровизации

Йорк-Антверпенские правила, впервые принятые в 1890 году и пересмотренные в 2016 году, остаются основным источником регулирования общей аварии в международной практике. Однако их применение сталкивается с рядом трудностей в связи с внедрением цифровых технологий.

2.1. Автоматизация управления судном

Одним из актуальных вопросов стало применение правил общей аварии к действиям, совершённым искусственным интеллектом. Как показывает пример с контейнеровозом *Yantin Express*, системы автоматического тушения могут спровоцировать значительные убытки, однако они не всегда соответствуют критериям добровольности и осознанности, предусмотренным правилами [3].

В этой связи необходимы:

- обновление терминологии;
- уточнение понятия «добровольные действия» применительно к автоматизированным системам;
- развитие правоприменительной практики в данном направлении.

2.2. Экологические последствия

Экологический ущерб стал одним из важнейших факторов при оценке последствий морских аварий. Однако

действующие правила не предусматривают обязательного участия владельцев грузов в компенсации ущерба окружающей среде [4].

Как указывает Бажанов С. В., это создаёт неравные условия и снижает уровень экологической ответственности перевозчиков [5]. Автор предлагает:

- ввести обязательное страхование экологических рисков;
- дополнить Йорк-Антверпенские правила положениями о возмещении ущерба экосистемам.

2.3. Цифровизация договоров и документооборота

Внедрение электронных коносаментов и смарт-контрактов меняет характер взаимодействия сторон. Возникают вопросы о правовом статусе таких документов и их применимости в делах общей аварии.

По мнению Болтуновой Л. Н., необходимо:

- установить единые стандарты оформления электронных договоров;
- развивать правовую базу для использования цифровых доказательств в суде [6].

3. Российская правовая практика

В Российской Федерации институт общей аварии регулируется главой 57 Гражданского кодекса РФ и положениями Кодекса торгового мореплавания РФ. Однако судебная практика по таким делам ограничена.

3.1. Применение норм в российских судах

Определение Верховного Суда РФ от 18 апреля 2002 года № 44-Г02-10 подчеркивает необходимость строгого соблюдения условий общей аварии [7]. Это служит основой для формирования единой правоприменительной практики.

Особенно важно развитие практики в арбитражных судах, где чаще всего рассматриваются споры, связанные с международными перевозками.

Литература:

1. Анисимов, И. О. Правовые основы института общей аварии в морском праве / И. О. Анисимов, К. С. Бюрно // Международный правовой курьер. — 2020. — № 9. — С. 13–...
2. Бажанов, С. В. Общая авария на морском и внутреннем водном транспорте: правовое регулирование, признаки и особенности / С. В. Бажанов // Вопросы науки и образования. — 2017. — № 11 (12). — С. 160–166.
3. Ткаченко, Т. В. Особенности распределения убытков между сторонами при аварии на морском транспорте / Т. В. Ткаченко, А. А. Пронина // Наука и образование: хозяйство и экономика, предпринимательство, право и управление. — 2016. — № 12 (79). — С. 90–92.
4. Хихинишвили, Л. Г. Вопросы ответственности перевозчика при морской перевозке груза / Л. Г. Хихинишвили // Российский внешнеэкономический вестник. — 2019. — № 7. — С. 126–132.
5. Юсипова, Л. А. Правовое регулирование в сфере водного транспорта / Л. А. Юсипова // Молодой ученый. — 2021. — № 9 (351). — С. 164–167.
6. Касаткина, А. С. Эволюция Йорк-Антверпенских правил об общей аварии как источника международного частного морского права / А. С. Касаткина, Д. И. Кобахидзе // Вестник Московского университета. — 2016. — № 4. — С. 68–82.

3.2. Современные проблемы правоприменения

В работе Хихинишвили Л. Г. отмечаются сложности в квалификации ответственности перевозчика при морской перевозке груза [8]. В частности:

- неясность в определении круга лиц, обязанных нести убытки;
  - недостаточная обеспеченность нормами о страховании;
  - отсутствие единого подхода к расчёту убытков.
- Эти вопросы требуют внимания со стороны законодателя и правоприменителя.

4. Перспективы развития

Для повышения эффективности правового регулирования общей аварии в XXI веке необходимо:

- унифицировать терминологию и процедуры расчёта убытков;
- ввести обязательное страхование экологических рисков;
- развивать правоприменительную практику в российских судах;
- учитывать новые технологии в управлении рисками;
- активно участвовать в международных конференциях по унификации правил.

Заключение

Институт общей аварии остаётся актуальным элементом правового регулирования международной морской торговли. Его развитие зависит от готовности законодателей учитывать новые риски, такие как цифровизация, экологические угрозы и изменение формы договоров. Россия, как активный участник международного торгового пространства, должна принимать непосредственное участие в этой трансформации, чтобы обеспечить безопасность и справедливость в сфере морских перевозок.

7. Определение Верховного Суда РФ от 18 апреля 2002 г. № 44-Г02-10 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big1/verhsud_big_17145.htm (дата обращения: 10.03.2025).
8. Хихинишвили, Л. Г. Вопросы ответственности перевозчика при морской перевозке груза // Российский внешне-экономический вестник. — 2019. — № 7. — С. 126–132.

К вопросу о компенсации морального вреда в трудовых правоотношениях

Майер Марина Витальевна, студент магистратуры

Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Барнаул)

Право на труд — одно из фундаментальных прав человека, служащее для большинства людей основным источником дохода. Для полноценной реализации этого права, как важнейшего условия нормальной жизни и всестороннего развития личности, требуется правовое регулирование общественных отношений, связанных с производственной деятельностью.

В соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, а также Конституцией Российской Федерации (далее — Конституция РФ), право на труд признается и гарантируется в качестве одного из фундаментальных прав и свобод человека и гражданина. Закрепляя право на труд, Конституция РФ предоставляет и право каждому защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (статьи 17 и 45 Конституции Российской Федерации). Одним из способов защиты гражданских прав является компенсация морального вреда (ст.ст. 12, 151 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ)).

Согласно российскому законодательству, моральный вред определяется как нравственные или физические страдания, вызванные действиями (или бездействием), которые нарушают личные неимущественные права гражданина либо посягают на принадлежащие ему нематериальные блага (как данные от рождения, так и приобретенные по закону).²

В сфере трудового права моральный вред — это нравственные или физические страдания работника, возникшие из-за неправомерных действий или бездействия работодателя, нарушающих его трудовые права.⁵

Порядок компенсации морального вреда в трудовых отношениях регулируется ст. 237 Трудового кодекса Российской Федерации (далее ТК РФ).

Особый интерес представляют споры по делам о компенсации морального вреда в связи с причинением вреда здоровью в результате профессионального заболевания.

Законодатель придает большое значение праву работника на безопасный труд и четко регулирует, что даже если работник добровольно и длительно трудится во вредных или опасных условиях, реализуя свое конституционное право на труд, это не отменяет обязанности работодателя предоставлять установленные льготы: повышенную оплату, дополнительный отпуск, спецодежду и т. д. Кроме

того, эти гарантии, предусмотренные трудовым законодательством, не снимают с работодателя ответственности за вред здоровью работника, они лишь подтверждают предоставление обязательных компенсаций. Право работника на возмещение морального вреда из-за ущерба здоровью сохраняется независимо от полученных льгот.

Правовые механизмы компенсации морального вреда работникам при профессиональных заболеваниях, возникших в ходе трудовой деятельности, закреплены в ТК РФ, коллективных договорах, соглашениях и локальных нормативных актах.

Ключевым документом в этой сфере является ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» (24 июля 1998 г. N 125-ФЗ), устанавливающий, что возмещение морального вреда застрахованному лицу при производственной травме или профзаболевании осуществляется виновной стороной. Дополнительное регулирование обеспечивается отраслевыми тарифными соглашениями, принимаемыми в соответствии с ТК РФ, а также законами «О профессиональных союзах...» (№ 10-ФЗ от 12.01.1996) и «Об объединениях работодателей» (№ 156-ФЗ от 27.11.2002).

Согласно ч. 1 ст. 45 ТК РФ, соглашение — это нормативный акт, регулирующий социально-трудовые отношения и определяющий основные принципы, связанных с ними экономических вопросов. Оно заключается уполномоченными представителями работников и работодателей на федеральном, межрегиональном, региональном, отраслевом (межотраслевом) и территориальном уровнях в рамках их полномочий. Отраслевое (межотраслевое) соглашение фиксирует общие условия оплаты труда, гарантии, компенсации и льготы для работников отрасли (ч. 8 ст. 45 ТК РФ). Такие соглашения могут заключаться на любом уровне социального партнерства; ч. 2 ст. 46 ТК РФ перечисляет возможные взаимные обязательства сторон, включая вопросы гарантий, компенсаций и льгот, причем этот перечень остается открытым. В силу ч.ч. 1, 2 ст. 48 ТК РФ, соглашение вступает в силу либо с момента подписания, либо с указанной даты. Его срок действия устанавливается сторонами, но не может превышать 3 лет, с возможностью однократного продления на аналогичный период. Важно отметить, что соглашение распро-

страняется на всех работодателей — членов объединения, заключившего этот документ. При этом выход из объединения не освобождает работодателя от исполнения соглашения, подписанного в период его членства.

Согласно ч. 3 ст. 48 ТК РФ, законодатель устанавливает строгие требования к работодателям по исполнению условий межотраслевого соглашения.

Норма закрепляет, что соглашение обязательно для:

1. Работодателей, подписавших отраслевое соглашение;
2. Работодателей, присоединившихся к нему после заключения;
3. Всех работников, состоящих в трудовых отношениях с указанными работодателями.

Конкретизируются следующие положения:

1. Для членов объединения работодателей:
  - Все участники объединения обязаны исполнять соглашение
  - Выход из объединения не прекращает обязательств по соглашению
  - Новые члены объединения автоматически принимают на себя обязательства
2. Для работодателей вне объединения:
  - Обязаны исполнять соглашение, если уполномочили объединение на его подписание
  - Присоединение к действующему соглашению влечет принятие всех его условий

Таким образом, законодатель создает механизм безусловного исполнения соглашений всеми участниками трудовых отношений.

3. Государственные и муниципальные структуры:

Действие соглашения распространяется на государственные и муниципальные органы, учреждения и унитарные предприятия, если документ подписан их уполномоченными представителями. Следовательно, соглашение является обязательным для всех указанных категорий работодателей вне зависимости от их организационно-правового статуса или времени принятия обязательств.

Дополнительной гарантией защиты трудовых прав выступает полномочие руководителя федерального органа исполнительной власти, курирующего вопросы трудовых отношений, предложить не участвовавшим в переговорах работодателям присоединиться к опубликованному соглашению.

При отсутствии в 30-дневный срок письменного мотивированного отказа с приложением протокола консультаций с выборным профсоюзным органом, соглашение автоматически приобретает для такого работодателя обязательную силу с даты публикации предложения.

В ситуации отказа работодателя от присоединения, уполномоченный руководитель вправе инициировать проведение консультаций с участием:

- представителей отказавшегося работодателя,
- профсоюзной организации,
- сторон соглашения.

Участие в таких консультационных процедурах носит для приглашенных сторон обязательный характер.

Важным преимуществом является обязанность работодателя, присоединившегося к Отраслевому тарифному соглашению, выплачивать установленные минимальные суммы компенсации при наступлении страховых случаев (инвалидность, профзаболевание, смерть) без обращения в судебные инстанции.

Однако на практике многие работодатели уклоняются от присоединения к соглашению, направляя мотивированные отказы в Минтруд России.

В подобных ситуациях суды при расчете компенсации морального вреда за профессиональные заболевания применяют общие положения ГК РФ, учитывая:

- степень утраты профессиональной трудоспособности;
- физические и моральные страдания;
- ограничения трудовой деятельности;
- хронический болевой синдром;
- необходимость медицинской реабилитации;
- вину работодателя в нарушении норм охраны труда;
- принципы разумности и справедливости.

При отсутствии добровольного соглашения о размере выплат (ст. 237 ТК РФ) и неполучении компенсации, суд на основании ч. 2 ст. 237 ТК РФ устанавливает факт причинения морального вреда и определяет его размер в рамках трудового законодательства. Когда работодатель участвует в отраслевом соглашении, предусматривающем фиксированную выплату в качестве компенсации морального вреда при профессиональной утрате трудоспособности, и исполняет предусмотренные гарантии, это признается согласованием конкретного размера возмещения.

Так, ст. 21 ФЗ № 81 от 20.06.1996 (О государственном регулировании в области добычи и использования угля, об особенностях социальной защиты работников организаций угольной промышленности) устанавливает, что социальные гарантии для работников угольной отрасли определяются законодательством, отраслевыми и коллективными договорами.

Согласно п. 5.4 Отраслевого соглашения в угольной промышленности, при утрате трудоспособности вследствие профзаболевания работодатель обязан выплатить компенсацию в размере минимум 20 % среднемесячного заработка за каждый процент утраты трудоспособности (с учетом выплат ФСС), в порядке, установленном коллективным договором или локальными нормативными актами.

Следовательно, при наличии отраслевого соглашения и коллективного договора с фиксированными размерами компенсации, вопрос считается урегулированным сторонами. При отсутствии такого соглашения компенсация рассчитывается по общим правилам.

В первом случае работник не вправе требовать применения общих норм, так как действуют специальные отраслевые положения, тогда как во втором случае работодатель не может ссылаться на отраслевые стандарты, если не участвовал в соглашении.

Особый интерес представляет правовая позиция Верховного Суда РФ Определении № 67-КГ15–21, где отме-

нены решения нижестоящих судов о взыскании морального вреда. ВС указал, что суды превысили полномочия, поскольку истец не ссылался на ст. 237 ТК РФ. т. е., по мнению ВС в указанном деле суд вышел за пределы исковых требований. ВС указал таким образом, что судам и работникам важно учитывать, включены ли в трудовой договор условия о размере компенсации морального вреда — прямо или через ссылку на коллективный договор и отраслевые соглашения. Представляется, что такая практика ставит работника в заведомо неравное положение, поскольку он, как слабая сторона трудовых отношений, часто не осведомлен о содержании этих документов и размерах компенсаций за утрату трудоспособности. Это подчеркивает необходимость законодательного установления

специальных правил и дополнительных гарантий для защиты прав работников в трудовых отношениях.

Предлагается уточнить абз. 1 ст. 237 ТК РФ, изложив его в следующей редакции: «Моральный вред, причиненный работнику неправомерными действиями или бездействием работодателя, возмещается в денежной форме в размерах, независимо от имущественного ущерба. В случае спора о факте причинения морального вреда и (или) его размере, суд определяет сумму возмещения независимо от условий трудового или коллективного договора». Полагаем, такая формулировка позволит работнику оспорить размер компенсации, установленный отраслевым соглашением или коллективным договором, и обеспечит более четкое понимание права на судебную защиту.

Литература:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3_9570/.
3. Федеральный закон «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» от 24.07.1998 N 125-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19559/
4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29.02.2016 N 67-КГ15-21. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-29022016-n-67-kg15-21/>
5. Федеральный закон «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» от 12.01.1996 N 10-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8840/
6. «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 26.12.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/
7. Федеральный закон «Об объединениях работодателей» от 27.11.2002 N 156-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39744/
8. Постановление пленума Верховного Суда Российской Федерации № 33 г. Москва 15 ноября 2022 г. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/31761/>
9. Федеральный закон «О государственном регулировании в области добычи и использования угля, об особенностях социальной защиты работников организаций угольной промышленности» от 20.06.1996 N 81-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10849/

Уголовная ответственность за нарушение миграционного законодательства в современных условиях: анализ правоприменения

Макарова Екатерина Викторовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Байбарин Андрей Андреевич, кандидат юридических наук, доцент
Московский университет «Синергия»

В работе рассматривается вопрос ответственности, в частности уголовной, за нарушение миграционного законодательства иностранными лицами и лицами без гражданства, а также проводится анализ тенденций развития законодательной базы для урегулирования миграционных правоотношений на территории Российской Федерации.

Ключевые слова: миграционное законодательство, уголовная ответственность, незаконная миграция, фиктивная регистрация, правоприменительная практика.

Миграционное законодательство регулирует порядок въезда, пребывания и выезда иностранных граждан

и лиц без гражданства с территории страны. Нарушение этих норм влечет за собой административную, а в неко-

торых случаях и уголовную ответственность. В условиях глобализации и увеличения миграционных потоков проблема соблюдения миграционных правил становится особенно актуальной.

Нарушения миграционных норм можно разделить на несколько категорий:

1. Незаконный въезд в страну:
    - пересечение границы без соответствующих документов;
    - использование поддельных виз или паспортов;
    - въезд через неконтролируемые участки границы.
  2. Нарушение правил пребывания:
    - просроченная виза или миграционная карта;
    - отсутствие регистрации по месту временного проживания;
    - работа без разрешения на трудовую деятельность.
  3. Нарушение правил выезда:
    - уклонение от выезда после истечения срока законного пребывания;
    - запрет на выезд из-за административных или уголовных дел.
  4. Фиктивная регистрация и подделка документов:
    - постановка на учет по несуществующему адресу;
    - использование поддельных справок и разрешений.
- Основные факторы, способствующие нарушениям:
- сложность легализации — бюрократические барьеры и высокие затраты на оформление документов;
  - экономические причины — желание работать без официального трудоустройства;
  - низкая осведомленность — мигранты часто не знают своих обязанностей и сроков пребывания;
  - коррупция — нелегальные схемы оформления документов.

В зависимости от тяжести нарушения к мигрантам и принимающей стороне (работодателям, арендодателям) могут применяться следующие меры:

1. Административная ответственность:
  - штрафы (от нескольких тысяч до сотен тысяч рублей);
  - выдворение за пределы страны с запретом на въезд (от 3 до 10 лет);
  - приостановление деятельности компании, нанявшей нелегалов.
2. Уголовная ответственность:
  - за фиктивную регистрацию (статья 322.2 УК РФ) — штраф или лишение свободы;
  - за организацию незаконной миграции (статья 322.1 УК РФ) — до 7 лет лишения свободы;
  - за незаконное пересечение границы (статья 322 УК РФ) — штраф или тюремный срок.

Уголовная ответственность за нарушение миграционного законодательства в современных условиях является важным инструментом противодействия незаконной миграции. В России основные нормы, регулирующие эту сферу, сосредоточены в Уголовном кодексе РФ и Кодексе РФ об административных правонарушениях.

Основные составы преступлений в сфере миграции (УК РФ):

1. Организация незаконной миграции (статья 322.1 УК РФ).
  - Наказывается штрафом (до 500 тыс. руб.), принудительными работами или лишением свободы (до 7 лет).
  - Квалифицирующие признаки (группа лиц, корыстные мотивы, использование служебного положения) ужесточают наказание.
2. Фиктивная постановка на миграционный учет или регистрация (статья 322.2 УК РФ).
  - Штраф (до 500 тыс. руб.), исправительные работы или лишение свободы (до 3 лет).
  - Особенно актуально для случаев «резиновых квартир» и подложных документов.
3. Подделка документов для въезда или проживания (статья 327 УК РФ).
  - Наказание включает штраф, обязательные работы или лишение свободы (до 2 лет).

Правоприменительная практика:

— ужесточение ответственности: в последние годы наблюдается усиление контроля за миграционными правонарушениями, особенно после изменений 2021–2023 гг. (например, введение статьи 322.3 УК РФ за повторное нарушение).

Основные проблемы:

- сложность доказывания умысла в фиктивной регистрации;
- массовость административных нарушений (статьи 18.8–18.10 КоАП РФ), которые редко перерастают в уголовные дела;
- коррупционная составляющая (случаи пособничества со стороны чиновников).

Тенденции:

- цифровизация контроля: использование Единой государственной информационной системы миграционного учета (ЕГИСМУ) упрощает выявление нарушений;
- усиление роли ФМС и МВД: проводятся регулярные рейды по выявлению нелегалов;
- международное сотрудничество: Россия ужесточает правила въезда для граждан «рисковых» стран (СНГ, Ближний Восток).

Соблюдение миграционного законодательства важно как для иностранных граждан, так и для принимающей стороны. Нарушения приводят к серьезным последствиям, поэтому важно действовать в правовом поле и вовремя легализовывать свой статус. Государства, в свою очередь, должны совершенствовать миграционную политику, чтобы минимизировать риски нелегальной миграции.

Уголовная ответственность за нарушение миграционного законодательства остается строгой, но эффективность ее применения зависит от согласованности действий правоохранительных органов и профилактики административных нарушений.

Литература:

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: (постатейный): [в 2 т.] / А. В. Бриллиантов, Г. Д. Долженкова, Э. Н. Жевлаков и др.; под редакцией А. В. Бриллиантова; Российская академия правосудия. Т. 1. — Москва: Проспект, 2022. — 792 с.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации [Текст]: от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020) // Собрание законодательства РФ. — 17.06.1996. — № 25. — Ст. 2954.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Текст]: от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 24.04.2020) // Собрание законодательства РФ. — 07.01.2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1.
4. Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/
5. Федеральный закон от 15.08.1996 № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11376/

Влияние морально-этических норм на правовое регулирование возмещения морального вреда

Меденков Александр Дмитриевич, студент магистратуры
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (г. Москва)

Правовое регулирование института компенсации морального вреда не существует в отрыве от социокультурной и этической среды. В отличие от чисто имущественных отношений, которые поддаются количественной и сравнительно объективной оценке, моральный вред представляет собой ущерб нематериального порядка — страдания, боли, унижение, страх, переживания [3]. Следовательно, он по самой своей природе требует обращения к этическим представлениям, господствующим в обществе в данный исторический момент.

Современное российское законодательство не даёт определения понятию «моральный вред» с научной строгостью, оставляя значительное пространство для этико-культурных интерпретаций. Это пространство неизбежно заполняется обществом — его нравственными установками, исторической памятью, религиозными традициями и даже эмоциональными ожиданиями. Таким образом, компенсация морального вреда — это не только правовой, но и культурный акт признания несправедливости, выражение общественной солидарности с пострадавшим [6].

Морально-этические нормы, формирующиеся в конкретном социуме, играют роль неформального регулятора, который оказывает влияние на содержание права. Общество через свои ценности и моральные ориентиры формирует рамки допустимого поведения и определяет, какие страдания заслуживают публичного осуждения и, соответственно, компенсации. Например, в традиционных обществах понятие чести может иметь первостепенное значение, и моральный вред, нанесённый путём оскорбления достоинства, будет восприниматься как глубоко разрушительный. В то время как в более секуляризованных обществах приоритет может отдаваться защите

личной автономии, частной жизни и психического здоровья.

Исторически категории нравственного страдания и достоинства личности вошли в российское право постепенно. В дореволюционном гражданском праве отсутствовало понятие компенсации за нематериальный вред. Только в XX веке, под влиянием международного гуманитарного и правозащитного движения, в отечественной юридической мысли укрепилось понимание нематериального вреда как подлежащего восстановлению. Этот сдвиг стал возможным благодаря развитию правосознания, понимания ценности человеческой личности и признания субъективных страданий как юридически значимых последствий правонарушения [2].

Право, особенно в контексте морального вреда, неизбежно выступает проекцией общественной совести, а не только выражением воли законодателя. Как отмечал Г. Ф. Шершеневич, право черпает свою силу не в принуждении, а в моральной авторитетности [7]. Возмещение морального вреда — это, по сути, акт институционализированной морали: он направлен не только на компенсацию страданий, но и на восстановление нравственного равновесия, нарушение которого воспринимается обществом как неприемлемое [4].

Отсюда вытекает важное наблюдение: юридическое содержание компенсации морального вреда невозможно полноценно определить без обращения к этике. Например, решения суда по вопросам морального вреда часто основаны на интуитивной оценке «справедливости» ситуации. Однако само понимание справедливости варьируется в зависимости от времени, места и господствующей моральной системы. Иными словами, закон не просто регулирует мораль — он сам вбирает в себя моральные нормы, перерабатывает их в форму позитивного

права, и затем снова оказывает влияние на мораль через прецеденты, нормы, правовые акты.

Такой процесс можно охарактеризовать как циркуляцию между правом и моралью, при которой право легализует этику, а этика нормативно корректирует право. Однако здесь возникают и сложности: мораль более динамична, чем закон, она быстрее откликается на изменения в общественном сознании, тогда как право остаётся инерционным. В результате, правовое регулирование компенсации морального вреда нередко отстаёт от актуальных представлений о страдании, справедливости и человеческом достоинстве.

В условиях многонационального и поликонфессионального общества, каковым является Россия, особую значимость приобретает вопрос о множественности этических моделей, существующих в параллели. Что для одного этнокультурного сообщества может быть воспринято как тяжёлое нравственное страдание, для другого — обыденное взаимодействие. Это ставит перед правом задачу не только оценивать страдания по неким усреднённым критериям, но и учитывать субъективный контекст, опирающийся на этические координаты самого пострадавшего.

Таким образом, правовое регулирование возмещения морального вреда невозможно без диалога с моралью и этикой. Закон не может и не должен быть полностью автономным от нравственности — в противном случае он становится формальной оболочкой, неспособной защищать то, что лежит в самой сути морали: человеческое достоинство, сострадание, справедливость. Именно поэтому институт компенсации морального вреда нуждается не только в правовом уточнении, но и в философском и этическом сопровождении — через междисциплинарные исследования, обновление понятийного аппарата, выработку новых подходов к страданию как юридически значимому феномену.

На этом основании можно утверждать: право на компенсацию морального вреда — это не только юридическая норма, но и нравственный ориентир общества [5]. В нём проявляется то, что мы «collectively» считаем недопустимым, болезненным и подлежащим публичному возмещению. А потому совершенствование правового регулирования в этой сфере не может происходить в отрыве от этической рефлексии и гуманитарного понимания природы страдания.

Рассмотрение правового регулирования компенсации морального вреда сквозь призму морально-этических норм позволяет прийти к фундаментальному вы-

воду: право в этой сфере представляет собой не только инструмент юридической техники, но и отражение нравственных установок, доминирующих в обществе. Компенсация морального вреда — это, в сущности, формализованное выражение общественного признания страдания, оценка которого невозможна без обращения к социокультурным, этическим и историческим координатам [1].

Сама категория «моральный вред» выходит за пределы чисто юридических понятий и в значительной степени зависит от морального восприятия справедливости, достоинства и страдания, характерного для определённой эпохи и культурного контекста. Это означает, что право в данном случае не является закрытой системой норм, но находится в постоянном диалоге с обществом — его традициями, моралью, уровнем эмпатии и гуманизма.

Анализ показывает, что нормы законодательства в области компенсации морального вреда, несмотря на их абстрактный и обобщённый характер, неизбежно опираются на моральные установки, формируемые как в массовом сознании, так и в профессиональной юридической этике. Отсюда следует, что изменения в правовом регулировании данного института невозможны без одновременного движения в сфере гуманитарных наук — философии, социологии, этики.

Кроме того, практика правоприменения в области морального вреда вынуждена учитывать не только формальные нормы, но и неформальные ожидания общества. Иными словами, право здесь не диктует мораль, а адаптирует её, легализует и придаёт ей форму юридического признания. В то же время чрезмерная абстрактность правовых формул (как, например, отсутствие методики оценки страданий или чёткого перечня нематериальных благ) говорит о необходимости более тесного сотрудничества правоведа с философско-этической мыслью.

Таким образом, институт возмещения морального вреда — это правовая оболочка, внутри которой разворачиваются более глубокие и сложные процессы моральной и социальной коммуникации. Совершенствование этого института требует не столько технических доработок в виде уточнений формулировок, сколько глубокого осмысления природы страдания, достоинства и нравственной ответственности государства перед гражданином. Только при таком подходе возможно формирование справедливой, гибкой и этически обоснованной модели правового регулирования компенсации морального вреда в условиях современной России.

Литература:

1. Бачурина, О. А. Особенности определения размера компенсации морального вреда по законодательству Российской Федерации / О. А. Бачурина // [Текст] Молодой ученый. — 2018. — № 43(229). — С. 105–106.
2. Гайбатова К. Д. Компенсация морального вреда // [Текст] Проблемы совершенствования законодательства. 2019. — С. 267.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1: Федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ: принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г. [ред. от 5 декабря 2022 г.] [Электронный ресурс]: доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>.

4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ: принят Гос. Думой 23 окт. 2002 г. (ред. от 5 декабря 2022 г.) [Электронный ресурс]: доступ из справочно-правовой системы «Компания «КонсультантПлюс». — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>.
5. Жужгова О. П. Компенсация морального вреда в денежной форме понятие о моральном вреде // Роль инноваций в трансформации современной науки. [Текст] 2019. С. 157.
6. Паулов П. А., Кравцева А. А. Компенсация морального вреда в России и за рубежом // [Текст] Аллея науки. 2018. Т. 3. № 5 (21). — С. 760–763.
7. Шершеневич Г. Ф. Избранное. Т. 5: Учебник русского гражданского права / Вступ. слово, сост.: П. В. Крашенинников. — М.: Статут, 2017

Перспективы развития института медиации в России

Меденков Александр Дмитриевич, студент магистратуры
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (г. Москва)

Говоря о перспективах развития института медиации в России, стоит сказать следующее. Основываясь на аналитических данных, предоставленных Обзором материалов СМИ Верховным судом Российской Федерации, за период 2022 года российскими судами было рассмотрено свыше 40,7 миллионов дел. Данный показатель превышает число рассмотренных дел в 2021 году более чем на 1 миллион (около 39,2 миллионов дел за 2021 год) [3]. В связи с этим в своем докладе Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин в феврале 2023 года отметил необходимость выработки конкретных мер по оптимизации работы судебных органов.

Несомненно, применительно к гражданским спорам, интеграция процесса медиации для разрешения отдельных видов споров является оптимальным и наиболее эффективным методом, способствовавшей бы снижению нагрузки на судебные органы страны. Кроме того, внедрение в повсеместную практику процесса медиации позволит снизить градус общественного напряжения в создающихся правовых и неправовых конфликтах, сократить сроки примирения и поиска взаимовыгодного решения.

Так, например, перспективным представляется приращение к процессу медиации на стадии исполнительного производства. На эту тему юридическое сообщество выносило немало дискуссий.

С одной стороны, исполнительное производство — это область, в которой правовые отношения неоспоримы, и спор о праве уже разрешен судом или другим юридическим органом на момент начала исполнительного производства [1–10]. С другой стороны, хотя правовые отношения приобрели определенную определенность, это не всегда означает, что отношения между вовлеченными лицами являются бесспорными и бесконфликтными. Полагаем, что косвенно об этом свидетельствуют ежегодный рост числа возбуждаемых исполнительных производств и статистика фактического исполнения судебных и несудебных актов.

Наличие в процессуальном законодательстве права на заключение мирового соглашения, в том числе на стадии исполнения, позволяет говорить о возможности применения медиации в исполнительном производстве. Даже отсутствие в настоящее время в Федеральных законах «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» и «Об исполнительном производстве» положений о применении медиации в исполнительном производстве не следует рассматривать как отсутствие возможности проведения этой процедуры. Законодательство в этом случае сформулировано по «дозволительному типу» (разрешено все, что не запрещено), а не по «разрешительному типу» (запрещено все, что не разрешено) [2]. Кроме того, об успешном применении медиации в рамках принудительного исполнения свидетельствует опыт Свердловской, Липецкой областей, Пермского края и некоторых других регионов страны.

Как указывалось ранее, одной из причин сниженной популярности медиации в России является финансовая сторона вопроса. Помимо того, что иницилирующей судебный процесс стороне необходимо уплатить государственную пошлину, зачастую в судебные тяжбы интегрируются различного рода экспертизы. Также не стоит забывать и об оплате услуг представителя. Таким образом возможность «свершить правосудие» влетает в копеечку. Таким образом, для мотивации участников спора к передаче спора посреднику в суде целесообразно разработать и законодательно закрепить систему финансовых льгот, включая положения о возмещении всех или части государственных сборов и сборов за исполнение судебных решений [1]. Эти меры, как показывает мировая практика, являются хорошим стимулом для обращения к медиатору с целью урегулирования правовых споров. Также из мирового опыта (например, Великобритании) успешным можно назвать оплату судебными органами ряда часов самого процесса медиации или нескольких сессий с медиатором.

тором. Кроме того, он может предусматривать, что, если посредничество осуществляется по указанию суда, государство покрывает расходы медиатора на несколько часов (например, на два или три часа). Подобная практика существует и за рубежом, например, в США. Если стороны не пришли к решению в установленный законом срок и не выразили желания продолжить процедуру посредничества, разбирательство в рамках суда должно быть продолжено [5]. Несмотря на то, что по стоимости настоящие меры не являются существенными в отношении параметра удешевления, они неплохо справляются с точки зрения маркетинга и создания привлекательного образа медиативного процесса.

Отдельно стоит отметить необходимость увеличения роли судейского аппарата на популяризацию процедуры медиации в России. Как отмечалось ранее, в настоящий момент судьи не делают достаточного акцента на том, что тот или иной спор может быть передан на разрешение в примирительные органы. Для этого необходимо не только делать специальную «оговорку» перед началом заслушивания дела по существу, но и активно анализировать судьям суть переданного на рассмотрения спора, возможности его разрешения вне стен суда, чтобы предоставить сторонам такую возможность, и, может быть, и силой принуждения, как это, например, происходит в США. Дело приостанавливается, а истцу и ответчику предоставляется срок на примирение, в то время как они проводят процедуру примирения.

В этом случае разработка интегрированной модели медиации в судебном процессе может пойти по пути активного вовлечения судейского сообщества в процесс передачи сторон в ведение медиации. Поэтому в действующем процессуальном законодательстве необходимо предусмотреть право судей направлять участников процесса на посредничество, если они считают, что у сторон есть перспективы урегулировать свой спор в рамках посредни-

чества [6]. Таким образом, стороны будут обязаны прибегнуть к процедуре посредничества.

Санкции могут быть наложены на сторону, которая не выполнила указание суда обратиться к посредничеству: за рубежом в таких случаях все судебные издержки покрываются этой стороной, даже если решение суда вынесено в их пользу.

Помимо вышесказанного, отдельно стоит отметить роль Самых медиаторов и центров по примирению. Ответственность за формирование правильного и более глубинного, широкого представления об альтернативной процедуре разрешения споров лежит на них непосредственно. Медиаторам необходимо распространять информацию о себе, налаживать взаимодействие с судьями. Расширение знаний населения о такой альтернативной процедуре примирения, как медиация, путем проведения открытых семинаров, лекториумов, а также интерактивных мероприятий несомненно способствовало бы популяризации данного института.

Однако настоящее представляется возможным исключительно при поддержке и развитии образования и формировании образа профессии медиатора в России. В случае создания целого сектора медиаторов, популяризацию данного направления деятельности можно будет считать действительно успешной. Расширение доступа граждан к процедурам медиации, включая и те, что выходят за рамки правового поля, позволит сформировать иное сознание и иной образ способов выхода из различного рода конфликтов. Имея высшее образование в сфере медиации (например, по отдельным отраслям конфликтов) видится целесообразным внедрить различного рода курсы по повышению квалификации, но исключительно на базе высшего образования. Это позволит стабилизировать и структурировать доступ к знаниям в области примирительных процедур, создать единую модель подготовки специалистов данной области.

Литература:

1. А. Н. Левушкин, В. В. Воробьев, Некоторые проблемы применения судебного примирения (медиации) при разрешении споров в Российской Федерации, «Актуальные проблемы российского права», 2020, N 5
2. Ю. В. Юдина, Процедура медиации как вид примирения в современном гражданском процессе России, «Арбитражный и гражданский процесс», 2021, N 2
3. Из Обзора материалов СМИ Верховного суда Российской Федерации. URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/32147/
4. Приженникова А. Н. Альтернативные способы разрешения споров: актуальные вопросы. // Юридические исследования. — 2013. — № 12. — С.1–10.
5. Решетникова И. В. Право встречного движения. Посредничество и российский арбитражный процесс // Медиация и право. Посредничество и примирение. — 2007. — N 2(4). С. 53
6. Роев Л. К. Становление медиации в России // Международные процессы. 2011. № 2. С. 15–20;

Порядок избрания меры пресечения в виде домашнего ареста

Назарова Полина Николаевна, студент
Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

В статье рассматривается порядок применения меры пресечения в виде домашнего ареста.

Ключевые слова: мера пресечения, домашний арест, жилое помещение

Статья 98 УПК РФ содержит перечень меры пресечения, которые могут быть применены к подозреваемым, обвиняемым. Одно из такой мер пресечения является домашний арест. Ст. 107 УПК РФ определяет, что мера пресечения в виде домашнего ареста избирается по судебному решению в отношении подозреваемого, обвиняемого, если невозможно применить иную, более мягкую меру пресечения, и заключается она в изоляции от общества в жилом помещении, в котором подозреваемый, обвиняемый проживает в качестве собственника, либо нанимателя, либо на иных законных основаниях, и на него возлагаются запреты и за ним осуществляется контроль. П.38 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 27.05.2025) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» понимает под жилым помещением «любое жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и используемое для постоянного или временного проживания, а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но используемое для проживания (например, дача), если оно отвечает требованиям, предъявляемым к жилым помещениям».

Но нужно понимать, что не каждое помещение может быть признано жилым. Одним из обязательных требований является доступ к питьевой воде и санузел. Проживание в общежитии ставит подозреваемого, обвиняемого в затруднительное положение, так как домашний арест — это мера, где лицо должно быть изолировано от общества и окружающих его лиц. Но если иное невозможно как-либо изменить, то суд вправе разрешить контактировать с определенными лицами.

В соответствии с ч.2 ст. 107 УПК РФ домашний арест избирается на срок до двух месяцев.

Рассмотрев ходатайство об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, судья выносит либо постановление об избрании в отношении подозреваемого, обвиняемого меры пресечения в виде домашнего ареста, либо постановление об отказе в удовлетворении ходатайства. При отказе в удовлетворении ходатайства об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста судья по собственной инициативе может избрать меру пресечения в виде запрета определенных действий или залога.

Постановление судьи направляется лицу, которое вышло с ходатайством, прокурору, подозреваемому, обвиняемому и контролирующему органу по месту отбывания

домашнего ареста, а именно уголовно-исполнительной инспекции.

Срок домашнего ареста исчисляется с момента вынесения судом решения об избрании данной меры пресечения, если до двух месяцев невозможно закончить предварительное следствие, то срок может быть продлен по решению суда.

Также необходимо отметить, что в срок домашнего ареста засчитывается и время содержания под стражей, вне зависимости от того в какой последовательности данные меры применялись.

Судья, рассматривая ходатайство об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, в соответствии с ч.7 ст. 107 УПК РФ с учетом личности подозреваемого, обвиняемого и фактических обстоятельства уголовного дела может установить определенные запреты, а именно общаться с определенными лицами, отправлять и получать почтово-телеграфные отправления, использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет».

Необходимо отметить, что общение с защитником не может ограничиваться этим требованием, как и возможность использовать телефонную связь для вызова скорой медицинской помощи, сотрудникам правоохранительных органов аварийно-спасательных служб, для общения с уголовно-исполнительной инспекции, следователем или дознавателем.

Важно понимать, что домашний арест является некой альтернативой заключению под стражу, и в первую очередь, должен обеспечивать изоляцию подозреваемого, обвиняемого, только не в следственном изоляторе, а по месту жительства. Но некоторые же воспринимают данную меру пресечения как возможность не только не находиться в следственном изоляторе, но и как возможность работать, посещать различные учреждения, иметь общение иными лицами.

В качестве примера хотелось бы отметить определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2024 № 2039-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Тарханова Максима Викторовича на нарушение его конституционных прав статьями 110 и 255 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Заявитель обращает внимание на то, что он является отцом шестерых малолетних детей и лишен права работать и содержать свою семью, а также оспариваемые им нормы не регламентируют условия продления меры пресечения в виде домашнего ареста, и позволяют суду бесконтрольно и не-

определенно долго подвергать лицо изоляции от общества.

Ст. 255 УПК РФ регламентирует порядок избрания, изменения и отмены меры пресечения, и продление меры пресечения не может расцениваться в качестве нарушения прав такого лица.

«Как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, домашний арест предусматривается в качестве альтернативы заключению под стражу и является более гуманной (менее строгой) мерой пресечения; из статей 97, 98, 107 и 108 УПК Российской Федерации в их нормативном единстве следует, что и домашний арест, и заключение под стражу в действующей системе правового регулирования связаны с принудительным пребыванием

подозреваемого, обвиняемого в ограниченном пространстве, с изоляцией от общества, прекращением выполнения служебных или иных трудовых обязанностей, невозможностью свободного передвижения и общения с неопределенным кругом лиц, т. е. с непосредственным ограничением самого права на физическую свободу и личную неприкосновенность, а не только условий его осуществления».

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что домашний арест, как мера пресечения является более гуманной по отношению к подозреваемому, обвиняемому, так как лицо находится по месту жительства, но при этом у лица есть ряд ограничений, которые ему необходимо исполнять.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ// СЗ РФ. 1996 г. N 25. Ст. 2954.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. N 174-ФЗ// «Российская газета». 2001 г. N 249.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» (с изменениями и дополнениями)// «Российская газета». 2013. № 294.
4. Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2024 № 2039-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Тарханова Максима Викторовича на нарушение его конституционных прав статьями 110 и 255 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-18072024-n-2039-o/>

Система компьютерных преступлений в российской правовой системе

Насонова Мария Анатольевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Статья посвящена исследованию системы компьютерных преступлений, закрепленная в российском уголовном законодательстве. Рассматриваются основные подходы, сложившиеся в литературе, относительно понимания термина «компьютерные преступления», а также их классификации. В заключении предлагается авторское видение системы компьютерных преступлений.

Ключевые слова: компьютерные преступления, неправомерный доступ, киберпреступность, информационная безопасность.

В эпоху цифровизации, стремительное развитие информационных технологий обуславливает рост киберугроз, ставя перед российской правовой системой задачу эффективного противодействия компьютерным преступлениям. Актуальность исследования обусловлена необходимостью анализа действующей системы, выявления проблем и разработки путей ее совершенствования. Статистические данные последних лет [10] наглядно демонстрируют тревожную тенденцию увеличения количества преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (далее — ИКТ), и, в особенности, преступлений, непосредственно затрагивающих компьютерную информацию.

Так, за период с 2020 по 2024 гг. наблюдается кратный рост как общего числа зарегистрированных преступлений с использованием ИКТ (с 510,4 тыс. в 2020 до 702,9 тыс. за 2024), так и их доли в структуре общей преступности (с 25 % до почти 40 %). При этом, рост преступлений, непосредственно совершаемых в сфере компьютерной информации, также носит показательный характер, увеличившись с 44498 в 2020 г. до 97503 тыс. преступлений в 2024 г., что подчеркивает уязвимость информационных систем и необходимость совершенствования механизмов их защиты.

Уголовный кодекс Российской Федерации [1] (далее — УК РФ) заложил основы для осмысления компьютерных

преступлений как новой, ранее неизвестной формы уголовно-наказуемых деяний. Формирование уголовно-правовых норм происходило на стыке понятий «информационные преступления» и «компьютерные преступления». Термин «компьютерные преступления» закрепился в уголовно-правовой терминологии благодаря его широкому распространению на международном уровне, а также его удобству для использования в криминологическом и криминалистическом анализе, особенно при изучении личности преступника или способов совершения преступления. В российском уголовном праве отсутствует законодательное определение компьютерных преступлений, что порождает дискуссии в юридической доктрине.

Попытки определения варьируются от акцента на посягательстве на компьютерную информацию (В. Л. Кудрявцев) [4, с. 72], до более широких подходов, учитывающих не только угрозу безопасности данных, но и использование компьютерных систем и сетей в качестве инструментов совершения преступлений (А. А. Жмыхов) [3, с. 110]. М. А. Ефремова выделяет преступления против безопасности ИКТ [2, с. 52]. Существуют и скептические взгляды, отрицающие самостоятельность компьютерных преступлений, или предлагающие рассматривать термин «компьютерные преступления» как условное обозначение (Н. А. Селиванов) [8, с. 38]. При этом отмечается, что данный термин может быть недостаточным для охвата всего многообразия преступлений, совершаемых с использованием ИКТ (Т. Л. Тропина) [9, с. 87].

Анализ существующих дефиниций позволил выявить неоднозначность терминологического аппарата. Многие исследователи используют понятия «киберпреступность», «компьютерные преступления» и «преступления в сфере компьютерной информации» как взаимозаменяемые. Однако, представляется целесообразным разграничить данные понятия, учитывая их специфику.

Так, термин «киберпреступность» является более широким по отношению к термину «компьютерные преступления». Последние акцентируют внимание на деяниях, совершаемых посредством или против компьютеров и компьютерных систем, в то время как «киберпреступность» охватывает весь спектр противоправных деяний, совершаемых в компьютерной среде, а также преступления, направленные против различных систем и каналов связи, включая глобальную сеть Интернет, либо совершенные с их использованием. Таким образом, понятие киберпреступности включает в себя не только традиционные компьютерные преступления, но и более широкий круг противоправных деяний, связанных с использованием цифровых технологий. Также можно выделить ряд специфических черт, характеризующих данный вид противоправной деятельности: повышенная латентность; отложенный характер наступления уголовно-правовых последствий; дистанционный характер; автоматизация; трансграничный характер и т. д. Преступления в сфере компьютерной информации характеризуются уникальным набором признаков, которые обуславливают их

высокую общественную опасность и необходимость применения комплексного подхода к их изучению.

Следует отметить, что основания для привлечения к уголовной ответственности за компьютерные преступления аналогичны основаниям для любого уголовно-наказуемого деяния и включают: противоправность (нарушение норм, регулирующих компьютерную или информационную безопасность), общественную опасность, наказуемость (наличие уголовной ответственности), виновность и причинно-следственную связь между противоправным деянием и наступившими негативными последствиями [5, с. 35–36].

В рамках уголовно-правовой охраны информационных отношений, действующих УК РФ (гл. 28) выделяет отношения, возникающие в связи с противоправными посягательствами в сфере компьютерной информации, определяя ее как основную категорию. Соответственно, в контексте компьютерных преступлений возникает необходимость обеспечения различных видов информации, гарантируя неприкосновенность и охрану частной жизни, чести и достоинства граждан, их право на доступ к информации, комфортную информационную среду. Запреты, установленные гл. 28 УК РФ, направлены на предотвращение общественно опасных деяний, посягающих на безопасность компьютерной информации и систем ее обработки [7, с. 531].

Введение уголовной ответственности за деяния, связанные с незаконным использованием компьютерной информации, было обусловлено растущей ролью компьютерной техники в различных сферах деятельности и, как следствие, повышением уязвимости компьютерной информации. Соответственно, выделенная группа преступлений против компьютерной информации представляет собой первую группу преступлений в сфере ИКТ и компьютерной информации.

Также Д. В. Пучков справедливо отмечает, что «исходя из деления по объекту и субъекту преступления, предметом этой группы преступлений выступает сама компьютерная информация, что вытекает из сути противоправных деяний, установленных в ст. 272, 273 и 274 УК РФ», а также автором выделяется вторая группа, которую составляют преступления, в которых компьютерная информация служит средством совершения. К ним относятся: мошенничество в сфере компьютерной информации, незаконная организация и проведение азартных игр с использованием ИКТ, сбыт наркотических средств через электронные сети и другие [6, с. 66].

Представляется, что в условиях стремительного развития кибертехнологий, ряд преступных деяний уже сегодня могут подпадать под категорию преступлений в сфере компьютерной информации, даже если их составы изначально не предусматривают использование ИКТ. Фактически «информационный» компонент проникает в составы преступлений, не направленных, казалось бы, непосредственно на сферу информационной безопасности и не предполагающих хищение, уничтожение или модификацию информации, но оказывающих суще-

ственное негативное информационное воздействие. То есть число преступлений, которые могут быть совершены с использованием ИКТ, значительно превышает перечень, представленный в действующем УК РФ.

Резюмируя вышеизложенное, считаем необходимым под компьютерными преступлениями понимать общественно опасные виновные, уголовно-наказуемые деяния, совершаемые с использованием компьютерных систем, сетей и/или ИКТ, направленные на противоправное получение доступа к компьютерной информации, изменение, уничтожение, блокирование, копирование, хищение, а также совершение иных преступлений, в которых компьютерная информация, системы или сети выступают

средством, орудием или объектом посягательства, причиняющие вред личности, обществу или государству. В рамках построения системы компьютерных преступлений, как видится, необходимо придерживаться традиционного подхода и классифицировать их в зависимости от объекта посягательства: преступления, направленные непосредственно на компьютерную информацию (гл. 28 УК РФ), преступления, направленные на компьютерные системы и сети (деяния, непосредственно затрагивающие работоспособность, безопасность или функционирование компьютерных систем/сетей), преступления, использующие компьютерные системы и сети как средство их совершения.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954; 2025. — № 9. — Ст. 860.
2. Ефремова М. А. К вопросу о понятии компьютерной информации / М. А. Ефремова // Российская юстиция. — 2012. — № 7. — С. 50–52.
3. Жмыхов А. А. Компьютерная преступность за рубежом и ее предупреждение: автореф. дисс. ... канд. юр. наук. М., 2003. 26 с.
4. Кудрявцев В. Л. Преступления в сфере компьютерной информации: общая характеристика / В. Л. Кудрявцев // Уголовное законодательство в XXI веке: современное состояние, проблемы трактовки и применения его положений с учетом задач дальнейшего укрепления экономического правопорядка: материалы межд. научно-практич. конференции (Нижний Новгород, 1 марта 2012 года) / под ред. А. В. Козлова. — Н. Новгород: НИУ ВШЭ, 2012. — С. 69–76.
5. Попов А. Н. Преступления в сфере компьютерной информации: учебное пособие / А. Н. Попов. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018. — 69 с.
6. Пучков Д. В. Состояние уголовно-правового регулирования киберпреступлений в уголовном законодательстве Российской Федерации / Д. В. Пучков // Правовая политика и правовая жизнь. — 2019. — № 1. — С. 63–71.
7. Российское уголовное право. Особенная часть: Учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению «Юриспруденция» и специальности «Юриспруденция» / С. В. Землюков и др.; под ред. В. С. Комиссарова. — Москва: Питер, 2008. — 718 с.
8. Селиванов Н. А. Проблемы борьбы с компьютерной преступностью / Н. А. Селиванов // Законность. — 1993. — № 8. — С. 36–40.
9. Тропина Т. Л. Борьба с киберпреступностью: возможна ли разработка универсального механизма? / Т. Л. Тропина // Международное правосудие. — 2012. — № 3 (4). — С. 86–95.
10. Состояние преступности в Российской Федерации за 2020–2024 г. // Официальный сайт МВД России. URL: <https://xn—b1aew.xn—p1ai/reports/item/59951540/> (дата обращения: 25.03.2025).

Особенности судебного производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних

Ниязова Алина Ринатовна, студент

Научный руководитель: Кудряшова Елена Семеновна, кандидат юридических наук, доцент

Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Нижний Новгород)

В данной статье рассматриваются особенности судебного разбирательства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, проблемы, связанные с вынесением судебного решения и меры наказания, применяемые к этой категории лиц.

Ключевые слова: обеспечение прав, защита несовершеннолетних, судебное производство.

Несовершеннолетние в силу возраста, психофизиологических особенностей и недостаточного жизненного опыта являются особо уязвимой категорией лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство. Это требует применения специальных мер защиты их прав и законных интересов. Неправильный подход к рассмотрению уголовных дел в отношении несовершеннолетних может способствовать формированию у них негативного отношения к закону и обществу, что повышает риск совершения повторных преступлений.

Несовершеннолетние преступники в отличие от взрослых достаточно легко поддаются исправительному воздействию, в связи с этим применение к ним суровых мер в большинстве случаев нецелесообразно. Кроме того, взрослым проще перенести какие-либо физические или моральные лишения, связанные с наказанием, нежели подросткам. Исходя из сказанного, следует признать абсолютно справедливым исключение возможности применения к несовершеннолетним некоторых видов наказаний (особенно таких, как пожизненное лишение свободы), а также существенное уменьшение их размера [1, с. 765].

Судебное разбирательство по уголовным делам, в которых участвуют несовершеннолетние, представляет собой сложный и многоаспектный процесс. Важнейшим этапом подготовки к судебному заседанию является подготовительная часть, направленная на обеспечение полноты и объективности исследования обстоятельств дела, а также защиту прав и интересов несовершеннолетних участников процесса.

Подготовительный этап охватывает такие части, как открытие судебного заседания, проверка явившихся лиц, рассмотрение заявленных ходатайств и разъяснение участникам дела их процессуальных прав и обязанностей. Значимость этого этапа велика, ведь он аккумулирует результаты всех предшествующих стадий уголовного процесса.

Задачей подготовительной части является проверка наличия всех необходимых для судебного заседания фактов и исследование собранных доказательств. Эти действия позволяют сократить время, необходимое для основного судебного разбирательства, уменьшить нагрузку на судебную систему. Первая инстанция обязана рассматривать уголовные дела только после прохождения подготовительной стадии, иначе процесс считается неполным.

Одной из распространённых проблем является поверхностное разъяснение прав и обязанностей участникам процесса. Председательствующему важно чётко и доступно объяснить данные элементы, убедившись в их понимании сторонами.

Существуют также проблемы, связанные с самим процессом проведения подготовительной части. Они могут включать неполное выяснение обстоятельств дела, например, неверное определение личности участников дела или свидетелей, что ведёт к субъективному и недостаточному изучению доказательств.

Следует указать, что в подготовительной части принимают участие судья, прокурор, адвокат, обвиняемый

и другие заинтересованные лица. Законные представители несовершеннолетних также обязаны присутствовать, если они участвуют в деле.

Во-первых, обязательно участие адвоката с момента задержания или предъявления обвинения. Этот принцип основан на праве каждого на квалифицированную юридическую помощь, которое особо важно для несовершеннолетних, так как они могут испытывать страх, неуверенность и не понимать всех юридических тонкостей.

Во-вторых, родители или опекуны обязаны присутствовать на всех этапах судебного разбирательства. Это требование обеспечивает дополнительную поддержку несовершеннолетнему участнику процесса. Представитель помогает несовершеннолетнему лучше ориентироваться в ходе судебного разбирательства, разъясняет ему происходящее и защищает его интересы.

В-третьих, если несовершеннолетний находится под стражей, суд контролирует соблюдение условий его содержания. Суд следит за тем, чтобы содержание под стражей соответствовало нормам, установленным законодательством, и было безопасным для здоровья и благополучия несовершеннолетнего. Несоблюдение условий содержания несовершеннолетнего может повлечь за собой пересмотр меры пресечения в сторону смягчения.

Судебное следствие — центральная часть судебного разбирательства, в которой исследуются представленные сторонами доказательства, формируется представление о фактах дела и определяется степень вины обвиняемого.

Основная цель судебного следствия — установление истины по делу посредством полного и объективного анализа представленных доказательств. Среди ключевых задач можно выделить:

1. Исследование доказательств. Судья и стороны рассматривают и оценивают все доказательства, представленные сторонами (свидетели, вещественные доказательства, заключения экспертов и др.).
2. Выяснение обстоятельств дела. Суд определяет, какие факты имеют значение для дела, и выясняет их достоверность.
3. Определение виновности или невиновности. В ходе следствия формируются выводы о наличии или отсутствии состава преступления и степени вины обвиняемого.
4. Соблюдение прав участников процесса.

Судебное следствие проходит несколько этапов. Во-первых, открытие судебного следствия. Суд объявляет о начале исследования доказательств. Во-вторых, представление доказательств. Так, стороны предоставляют свои доказательства, которые исследуются судом. В-третьих, допрос свидетелей, который проводится с обеих сторон. В-четвертых, осмотр вещественных доказательств. Суд изучает предметы, имеющие значение для дела. В-пятых, назначение экспертиз.

Суд играет ведущую роль в судебном следствии. Он не только организует процесс, но и следит за соблюдением законности, равенством сторон и порядком в зале суда.

В ходе судебного следствия обязательно присутствует законный представитель несовершеннолетнего (родитель, опекун или попечитель). Он имеет право участвовать в допросах, задавать вопросы и оказывать моральную поддержку несовершеннолетнему.

Адвокат (защитник) несовершеннолетнего обязательно участвует в судебном следствии. Его роль заключается в защите прав и интересов подопечного, представлении доказательств, заявлении ходатайств и обжаловании действий суда. В случаях, предусмотренных законом, в судебном следствии может участвовать педагог или психолог. Их задача — оказать несовершеннолетнему необходимую психологическую поддержку, следить за его состоянием и помогать устанавливать контакт с судом [2, с. 141].

Допрос несовершеннолетнего — один из важнейших моментов судебного следствия. Правила допроса различаются в зависимости от возраста несовершеннолетнего и его процессуального статуса (потерпевший, свидетель, обвиняемый):

1. Возрастные ограничения. Для несовершеннолетних до 16 лет обязательно присутствие педагога или психолога. Для детей до 14 лет допускается участие только в упрощенной форме допроса, если это не противоречит интересам дела.

2. Продолжительность допроса. Время допроса ограничено, чтобы избежать утомляемости и стресса у несовершеннолетнего. Обычно допрос не превышает одного часа, с перерывами каждые 20–30 минут.

3. Форма вопросов. Вопросы должны быть простыми и понятными для несовершеннолетнего. Запрещается задавать наводящие или провокационные вопросы, которые могут повлиять на искренность ответов.

4. Запрет на ночной допрос. Допрос несовершеннолетнего не может проводиться в ночное время, за исключением чрезвычайных обстоятельств.

Если несовершеннолетний выступает в качестве потерпевшего или свидетеля, действуют дополнительные правила: психологическая поддержка (судья должен создавать атмосферу, в которой несовершеннолетний чувствует себя комфортно и уверенно, без давления и угроз); фиксация показаний (показания несовершеннолетнего фиксируются с помощью аудио- или видеозаписи, что помогает впоследствии проанализировать их и исключить ошибки); судебное заседание может проходить в закрытом режиме (в случаях, предусмотренных законодательством).

Технические средства, такие как аудиозапись или видеозапись, широко используются в судебном следствии с участием несовершеннолетних. Это позволяет зафиксировать все детали допроса и последующего обсуждения, что способствует объективности и точности.

Так, особые правила исследования доказательств с участием несовершеннолетнего на стадии судебного следствия направлены на защиту его прав и интересов. Соблюдение этих правил позволяет получить достоверные

и точные показания, минимизируя стрессы и риски для несовершеннолетнего.

При вынесении приговора суд обязан рассмотреть возможность освобождения несовершеннолетнего подсудимого от наказания, если такое освобождение предусмотрено ст. 92 УК РФ. Эта норма предусматривает освобождение от уголовной ответственности и применение принудительных мер воспитательного воздействия. Также судом рассматривается возможность условного осуждения несовершеннолетнего, если это соответствует обстоятельствам дела. Кроме этого, предметом обсуждения суда является назначение наказания, не связанного с лишением свободы.

Если суд принимает решение освободить несовершеннолетнего от наказания или применить к нему альтернативные меры, такие как условное осуждение или наказание, не связанное с лишением свободы, он обязан указать, на какое специализированное учреждение для несовершеннолетних возлагается контроль за поведением осужденного. Эти учреждения занимаются воспитательной работой и наблюдением за несовершеннолетними, чтобы предотвратить повторные правонарушения.

Несмотря на позитивные аспекты статьи 430 УПК РФ, существуют некоторые проблемы, связанные с её применением. Так, эффективность работы специализированных учреждений зависит от квалификации работников, работающих с несовершеннолетними. Недостаточное финансирование и нехватка квалифицированных кадров могут снижать эффективность реализации мер, направленных на исправление и социализацию подростков. Уровень обеспечения прав несовершеннолетних может существенно различаться в зависимости от региона. Некоторые регионы обладают более развитой системой поддержки несовершеннолетних преступников, тогда как в других регионах эта система может быть недостаточно развита [3, с. 191].

В контексте возрастных ограничений несовершеннолетним не назначаются определённые виды наказаний, и ряд видов санкций применяется исключительно при выполнении конкретных условий. Наказание в форме лишения свободы назначается несовершеннолетним, совершившим преступление в возрасте до шестнадцати лет, на срок не превышающий шесть лет. Для тех же категорий несовершеннолетних, совершивших особо тяжкие преступления, а также для остальных несовершеннолетних осуждённых, максимальный срок лишения свободы составляет десять лет, и оно должно отбываться в воспитательных колониях.

Важно подчеркнуть, что судимость за преступления, совершённые лицом до достижения восемнадцатилетнего возраста, не учитывается при установлении рецидива преступлений.

Ещё одним важным моментом остаётся проблема неэффективной системы постпенитенциарной поддержки, что нередко ведёт к рецидивизму. Недостаточный уровень взаимодействия между судебными органами, правоохранительными структурами и социальными службами зача-

стую затрудняет создание целостной системы предупреждения преступности среди молодёжи.

Эффективное противодействие молодежной преступности требует комплексного подхода, сочетающего в себе не только жесткие карательные меры, но и поддержку со-

циально уязвимых групп населения, а также программы по восстановлению и интеграции подростков в общество. Только таким образом можно создать условия для снижения уровня рецидивизма и формирования законопослушного поколения.

Литература:

1. Слепенкова Т. Ю. О некоторых вопросах совершенствования законодательства об уголовной ответственности несовершеннолетних // Научное сообщество студентов. Междисциплинарные исследования. Электр. сб. ст. по матер. XLII студенч. междунар. науч.-практ. конф. 2018. Том 7 (42). С.762–767.
2. Савицкая И. Г. К вопросу о необходимости проведения очной ставки с участием несовершеннолетнего лица // Уголовно-процессуальная охрана прав и законных интересов несовершеннолетних. 2017. № 1 (4). С. 137–143.
3. Несовершеннолетние как субъекты уголовно-правовых отношений: монография / под ред. С. У. Дикаева. Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2023. 232 с.

Особенности материального содержания судебных приставов Российской Империи в период после реформ Александра II

Никишов Дементий Владимирович, аспирант
Казанский (Приволжский) федеральный университет

В статье автор исследует необходимость обращения к историческому опыту при изучении современного исполнительного производства и перспектив его развития, а также изучаются особенности построения системы награждения судебных приставов дореволюционной России.

Ключевые слова: исполнительное производство, юридические термины, судебные приставы, материальное содержание.

Исполнительное производство играет очень важную роль в системе гражданского, арбитражного и административного судопроизводства. От данного института напрямую зависит, будут ли удовлетворены требования истца, получившего решение суда в его пользу. Эффективно работающий институт исполнительного производства оказывает положительное влияние на экономическую среду, работу судебной системы, доверие населения к ней, а также на другие институты и отрасли.

Согласно итоговому докладу о результатах деятельности Федеральной службы судебных приставов количество дел на исполнении на конец 2023 года сократилось лишь на 4 процента, что все еще является огромным показателем, особенно если сравнивать с 2018 годом [4]. Крайне важно обратить внимание на показатель эффективности исполнения судебных решений, исчисляемый в процентах. Средний процент по всем видам взысканий — 30,25. Самый высокий процент достигнут в сфере задолженностей по заработной плате, он равен 74 процентам, самый низкий — взыскание ущерба от преступлений (3,9). Несмотря на наличие положительной динамики, процент все еще является крайне низким, что позволяет проводить исследование на тему изменений, которые способны улучшить положение дел [4].

Исходя из имеющихся у нас статистических данных, можно сделать вывод о том, что система исполнительного производства, несмотря на положительную динамику, нуждается в дальнейшем развитии. Одним из вопросов улучшения эффективности работы судебных приставов, требующих рассмотрения, является вопрос материального содержания.

Кадровый вопрос занимает крайне значимое место при изучении работы любого института любого государства. На данный момент отсутствуют основания полагать, что вследствие технического прогресса в ближайшие десятилетия судебный пристав будет заменен машиной. От мотивации сотрудника, которая, в свою очередь, зависит от грамотно выстроенного баланса между поощрением за проделанную работу и ответственности за те или иные проступки, зависит во многом система исполнения судебных решений.

Как значительный шаг в развитии отечественного законодательства, с самого зарождения Российской Федерации законодатели и правоприменители стали внедрять в российское законодательство и практику нормы, установленные еще в дореволюционный период. Имеются все основания полагать, что обращение к историческому опыту поспособствует созданию наиболее эффективной модели системы исполнительного производства.

Система исполнительного производства Российской Империи на протяжении всей своей истории прошла через множество трансформаций. Отдельно стоит выделить период с 1864 года по 1917-й, который связан прежде всего с судебной реформой 1864 года, а именно с принятием Устава гражданского судопроизводства. В данной статье будут исследованы особенности правового регулирования материального содержания судебных приставов после судебной реформы, а также влияние данного периода на развитие юридической практики.

Основным нормативно-правовым актом, регулирующим права и обязанности судебного пристава, в Российской Империи являлось Учреждение судебных установлений от 20 ноября 1864 года. В приложении данного акта,

на которое ссылается статья 312, устанавливался годовой оклад пристава в размере 600 рублей. Ст. 313 постановляла, что за исполнение служебных действий судебные приставы получали вознаграждение по особой таксе, которая принималась в определенном законом порядке либо судебной палатой, либо советом судебных приставов, если таковой располагался на территории губернии. Размер этого вознаграждения зависел от трех факторов: количества врученных повесток, количества исполненных решений и суммы иска.

В приложении к ст. 313 определялись общие правила взимания судебным приставом вознаграждения в рамках соответствующей категории, например, наиболее распространенной, такой как зависимость суммы вознаграждения от стоимости исполнения иска (см. табл. 1).

Таблица 1. Сумма вознаграждения судебному приставу в Российской Империи за доставление им повесток и иных сообщений в зависимости от суммы исполнения заявленного иска (1871 г.) [5]

Категория стоимости иска	Сумма иска, тыс. руб.	Сумма вознаграждения, руб./коп
Не превышает	2	25 коп
Не свыше или равен	5	50 коп
Превышает	5	1 руб.
Не определена	Не определена	50 коп. (за каждое действие)

Стоит также заметить, что при расчете вознаграждения судебной палатой указывалась фиксированная такса за каждую повестку в размере 37 копеек [2].

Вознаграждение судебных приставов судов, прикрепленных к Казанской судебной палате, в 1877 году, например, варьировалось от приблизительно 300 рублей до 1200 в год [2]. Также пристав мог рассчитывать на компенсацию транспортных расходов (прогонные) и расходов на проживание (квартирные).

Приставу предоставлялось право требовать со взыскателя часть вознаграждения в качестве аванса на необходимые при производстве исполнительных действий расходы. Такая норма служила гарантией выполнения приставом своих обязанностей и одновременно с этим возмещала его предстоящие затраты, позволяла диагностировать взыскателя на предмет его платежеспособности, что, в свою очередь, являлось механизмом, стимулирующим действия самого пристава [1].

Процесс награждения работал следующим образом. Вначале все наградные средства приставов вносились в счет судебной палаты в главное казначейство, из казенной палаты приходила ведомость о соответствии данных приставов и окружных судов с данными казенной палаты. После судебная палата направляла данные в Министерство юстиции. После Министерство юстиции давало разрешение на распределение суммы вознаграждения между приставами. Расчет осуществлялся следующим образом: треть этих средств делилась на количество приставов. Итоговая сумма являлась наградением для приставов палаты. Остальные средства делились между приставами окружных судов следующим образом: Сумма делилась на три части. Треть делилась поровну

между приставами. Оставшиеся две трети разделялись в зависимости от вышеназванных факторов.

Остается открытым вопрос: является ли подобная система эффективной? На наш взгляд, следует обратить внимание на процент исполненных решений судов и врученных повесток из числа возложенных на пристава. На конец 1877 года процент исполнения приставами Казанского окружного суда был равен 70. Процент врученных повесток был равен 100 [2].

Несмотря на тот факт, что судебный пристав при высоких показателях эффективности мог зарабатывать в год больше мирового судьи, работа пристава в пореформенной России считалась отнюдь не самой престижной. Об этом также говорит письмо Министерства юстиции Казанской судебной палате от 28 мая 1876 года, в котором предлагалось ввести должность судебного рассыльного, на которого возлагалась бы значительная часть обязанностей пристава, в том числе и вручение повесток, а также увеличить оклад до 1000 рублей. Казанская судебная палата поддержала предложение об увеличении оклада, однако опровергла целесообразность идеи отдать полномочия по вручению повесток рассыльным, так как такса за вручение повесток составляет значительную часть вознаграждения пристава [3].

Таким образом, на наш взгляд, система награждения приставов Российской Империи требует значительного влияния. Существуют основания для предположения, что введение системы исчисления наград судебных приставов Российской Федерации в зависимости от аналогичных факторов повысит уровень мотивации сотрудников и, соответственно, эффективность института исполнительного производства, что крайне положительно скажется на состоянии экономической обстановки в стране.

Литература:

1. Болдырев Д. В. Материальное обеспечение судебных приставов в Российской империи во второй половине XIX в. (по материалам Пензенской губернии) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. — 2013. — № 3. — С. 31–40.
2. Государственный архив Республики Татарстан Ф.51 ОП.1 Д. 51.
3. Государственный архив Республики Татарстан Ф.51 ОП.1 Д. 42.
4. Итоговый доклад о результатах деятельности ФССП России в 2023 году. URL: <https://fssp.gov.ru/2718866/> (дата обращения: 01.06.2025).
5. Устав гражданского судопроизводства: систематический сборник / Сост. В. Гордон. — СПб., 1899. — С. 843.

Правовые аспекты предоставления отсрочки, рассрочки уплаты задолженности по налогам и сборам, инвестиционного кредита

Охотникова Ольга Алексеевна, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

В статье излагаются результаты комплексного анализа законодательства России. В свете значимых изменений, которые имели место в последние годы, правоприменительная практика находится на стадии формирования, а избранный государством подход к регулированию вопросов предоставления отсрочки, рассрочки уплаты налогов и сборов, а также предоставления инвестиционного налогового кредита — в пересмотре для целей повышения эффективности самого механизма. По результатам сформулированы авторские выводы и разработаны предложения в отношении возможных направлений совершенствования налогового законодательства.

Ключевые слова: задолженность по налогам, отсрочка уплаты задолженности, инвестиционный налоговый кредит, обеспечение, пени, налоги.

Обеспечение исполнения обязанностей по уплате налогов и сборов в современных условиях предполагает наличие механизма, в основе которого правовое регулирование и система государственных органов, полномочия которых охватывают контроль в части своевременности уплаты и принятие мер в тех случаях, когда возникает задолженность.

Переход на единый налоговый счет (далее по тексту — ЕНС) во многом упрощает уплату налогов, на что обращается внимание в научной литературе [1, с. 643]. Однако на практике, на что мы ранее указывали в своих исследованиях, определенная проблематика вследствие введения ЕНС и нового механизма урегулирования задолженности по налогам и сборам присутствует [2, с. 48].

Проблема наличия задолженности разрешается различными способами. Если ранее основным и фактически единственным был способ взыскания, то в настоящее время налоговое законодательство ориентировано на принятие мер по урегулированию задолженности и созданию условий, при которых налогоплательщик получает возможность уплатить задолженность не разово, а в течение определенного времени.

В частности, речь идет о предусмотренных налоговых законодательством отсрочке, рассрочке и инвестиционном налоговом кредите.

Общие условия предоставления основываются на том, что каждый из отмеченных выше способов урегу-

лирования вопросов уплаты может быть применен либо в отношении налогов и сборов, срок уплаты которых не наступил, либо уже в отношении возникшей задолженности, под которой понимается вся сумма отрицательного сальдо на ЕНС либо ее часть [3]. В отношении возникшей задолженности допускается только применение рассрочки.

Не углубляясь в исследование всех процедурных аспектов предоставления отсрочки и рассрочки, хотелось бы заострить внимание на том, что при их предоставлении у налогоплательщика возникает обязанность уплаты процентов и предоставления обеспечения. Кроме того, установлено ограничение — возможность предоставления отсрочки или рассрочки обусловлена полным согласием налогоплательщика с суммой подлежащих уплате налогов (сборов), что непосредственно в нормах права определено как отсутствие спора по инициативе налогоплательщика.

Если в отношении отсутствия налогового спора, когда налогоплательщик не согласен с суммами налогов (сборов), основаниями их начисления, размером и прочим, можно согласиться с правильностью подхода, поскольку в ситуации признания сумм необоснованными неизбежно возникает вопрос о сохранении или отсутствии обязанности уплатить и проценты, то с установлением обязанности уплаты процентов можно поспорить.

Фактически речь идет о косвенном кредитовании и увеличении размера подлежащих уплате сумм за счет на-

числения процентов, что увеличивает бремя для налогоплательщика, но, в свете инфляции компенсирует потери бюджета. В данном случае возникает вопрос о приоритете интересов — государства или налогоплательщиков.

Вследствие того, что понятия отсрочки, рассрочки и инвестиционного налогового кредита в законодательстве появились сравнительно недавно — в 2022 году [4], практика применения данных норм невелика. Поэтому анализ в данном случае можно провести только на основе буквального толкования законодательства и прогнозирования возможных последствий его применения.

Начисление процентов в случае предоставления отсрочки или рассрочки целесообразно рассматривать как увеличение налогового бремени. Безусловно, налогоплательщик получает возможность уплатить суммы позднее или частями, что в условиях сложной финансовой ситуации объективно необходимо, особенно для субъектов предпринимательства, которые получают возможность сохранить и продолжить свою деятельность. Тем самым государство оказывает косвенную поддержку. При этом размер процентной ставки и условия начисления процентов должны быть максимально прозрачными и понятными для налогоплательщиков, чтобы избежать дополнительных финансовых рисков. Эффективность такой государственной поддержки во многом зависит от своевременности подачи заявления на получение отсрочки или рассрочки и от полноты пакета документов, предоставляемых налогоплательщиком.

Вместе с тем, фактический размер подлежащей уплате суммы последовательно увеличивается, потому что законодательство не предусматривает возможности освобождения от уплаты данных процентов. Исключения составляют налоговые агенты; лица, невозможность которых обусловлена ситуациями стихийных бедствий, технологических катастроф и тому подобное; лица, у которых невозможность в полной мере исполнить обязанность по уплате налогов и сборов обусловлена непредоставлением или несвоевременным предоставлением бюджетных ассигнований.

Установление обязательных процентов на сумму отсрочки или рассрочки — это своего рода наказание для лиц, у которых отсутствует возможность уплаты всей суммы своевременно, даже если речь идет только о тех

платежах, которые предстоят, то есть ни о каком виновном поведении налогоплательщика речь не идет.

Поэтому спорным представляется утверждение о том, что отсрочка и рассрочка уплаты налогов — это одна из форм льгот, которые предоставляются со стороны государства [5, с. 173].

В условиях достаточно сложной не только внешнеполитической ситуации, но и ситуации в экономике государства увеличение налогового бремени подобным образом не может стимулировать налогоплательщиков и рассматриваться, как мера поддержки со стороны государства. Необходимо принимать во внимание, что отсрочка и рассрочка по налогам и сборам нужны преимущественно тем налогоплательщикам, которые находятся в сложной финансовой ситуации. Снижение налогового бремени на определенный период за счет отсрочки или рассрочки платежей позволяет налогоплательщикам распределить свои возможности и сохранить бизнес, если речь идет о предпринимателях, что особенно важно для микропредпринимательства и малого.

Следовательно, вследствие того, что государству необходимо сохранить стабильность экономики и обеспечить поступление налогов и сборов, законодательство в части регулирования вопросов предоставления отсрочки и рассрочки уплаты налогов необходимо пересматривать за счет полного отказа от возложения обязанности уплачивать проценты на сумму отсрочки или рассрочки платежа или введения подобных мер, как способа поддержки налогоплательщиков, на определенный период.

Таким образом, можно утверждать, что налоговое законодательство, предусматривающее установление обязанности уплаты процентов на сумму налогов и сборов, в отношении которых предоставлена отсрочка или рассрочка уплаты, целесообразно пересмотреть, отказавшись от возложения на налогоплательщиков данной обязанности.

Тем самым будет снижено налоговое бремя, на налогоплательщиков не будет возлагаться дополнительная обязанность, приводящая к увеличению подлежащих уплате сумм, а отсрочка и рассрочка приобретут характер льготы и положительного стимулирования, что в итоге должно позволить сохранить стабильность экономики и повысить стабильность налоговых и иных отчислений.

Литература:

1. Васильева, Е. Г. Отрицательное сальдо единого налогового счета: новый способ уклонения от уплаты налогов, сборов, страховых взносов / Е. Г. Васильева, Б. Н. Хачак. — Текст: непосредственный // Научные труды. Российская академия юридических наук: Труды членов Российской академии юридических наук (РАЮН) и материалы XXIII Международной научно-практической конференции. — Москва: Издательская группа «Юрист», 2023. — С. 643–647.
2. Охотникова, О. А. Современные механизмы взыскания задолженности по налогам, сборам, страховым взносам / О. А. Охотникова. — Текст: непосредственный // Общество, экономика, управление. — 2025. — № 1. — С. 47–52.
3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 29.11.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 31. — Ст. 3824. — Текст: непосредственный.
4. О внесении изменений в часть первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 14.07.2022 № 263-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2022. — № 29 (ч. II). — Ст. 5230. — Текст: непосредственный.

5. Колясникова, Е. С. Налоговые льготы: понятие, порядок установления и применения / Е. С. Колясникова. — Текст: непосредственный // Моя профессиональная карьера. — 2025. — Т. 2, № 71. — С. 172–181.

Проблемы защиты коммерческой тайны в цифровой среде

Пивовар Артем Андреевич, студент

Научный руководитель: Белова Татьяна Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой
Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

Коммерческая тайна в любой период развития экономики и права занимала важное место в вопросах обеспечения эффективного функционирования бизнеса. Особую актуальность коммерческая тайна приобретает в настоящее время, поскольку информация становится все более ценным ресурсом для предпринимателей, обеспечивая не только конкурентные преимущества, но и минимизируя риски утраты ценных активов, что в целом позволяет говорить об экономической безопасности хозяйствующего субъекта и защите различных направлений его деятельности. Вместе с тем усложняющиеся условия взаимодействия коммерческих субъектов в связи с повсеместным использованием цифровых технологий, прочих разработок научного технического прогресса приводят к тому, что компаниям становится сложнее соблюдать режим конфиденциальности сведений. Утечки информации, получение сведений организации в результате непреднамеренных действий также может стать причиной нанесения юридическому лицу или предпринимателю существенного экономического ущерба. При этом право не всегда успевает следовать пути современных технологий и трансформироваться под его усовершенствованные запросы, в связи с чем особую актуальность приобретает рассмотрение вопросов защиты конфиденциальных коммерческих данных в условиях цифровизации.

Ключевые слова: коммерческая тайна, организации, правовое регулирование, цифровая среда, конфиденциальные сведения.

Под коммерческой тайной в современной теории права понимается любая ценная для бизнеса информация, утечка или разглашение которой может привести к экономическим потерям. Коммерческая тайна играет ключевую роль в современной экономике, обеспечивая конкурентные преимущества компаниям, инновационным предприятиям и научным организациям. Угроза кибератак, утечек данных и несанкционированного доступа возрастает по мере увеличения объемов обрабатываемой информации и внедрения искусственного интеллекта, облачных технологий и Интернета вещей. Ввиду активного развития технологий и глобализации бизнеса повышается значимость охраны коммерчески ценной информации [2].

В число коммерчески важных сведений могут входить методы, разработки, формулы, процессы, техники или любая информация, которая обеспечивает бизнесу конкурентное преимущество. В технологическом секторе это может быть что угодно: от запатентованных алгоритмов и исходных кодов программного обеспечения до баз данных клиентов и маркетинговых стратегий. Кроме того, в качестве коммерческой тайны могут охраняться списки клиентов, поставщиков, бизнес-стратегии, информация о ценах и даже рекламные стратегии.

Особенностью коммерческой тайны является тот факт, что она не подлежит государственной регистрации, к примеру, как торговая марка, в связи с чем ее конфиденциальность сохраняется до того момента, как она будет раскрыта и передана огласке. В связи с чем особую ценность данный вид информации приобретает по причине

своей сохранности и возможности гарантировать конкурентные преимущества.

Вместе с тем активное распространение цифровых технологий, новых способов передачи информации и т. д. может привести к утечке или утрате данных, которые имеют важное значение для развития деятельности хозяйствующего субъекта. Средства кодирования, хранения данных по-прежнему подвергаются кибератакам, в то время как политика многих компаний не соответствует возрастающей степени угроз потери конфиденциальной информации и предания ей публичности. В связи с чем особую важность приобретает сочетание правовых механизмов защиты коммерческой тайны с усовершенствованием технических средств хранения и безопасной передачи сведений, составляющих важное экономическое значение для компании. При этом необходимо отметить, что только правовых средств недостаточно для надлежащей защиты данных, поскольку в интересах хозяйствующих субъектов обеспечить сохранность информации по всем направлениям.

В настоящее время в России действует ряд нормативных правовых актов, охраняющих как конфиденциальную информацию, так и коммерческую тайну, непосредственно относящуюся к деятельности субъектов в сфере экономики. Так, особое значение имеет Федеральный закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» [4], который не только вводит основные термины в анализируемой сфере, но и регулирует значительное количество вопросов в анализируемой сфере. Также отдельные аспекты конфи-

денциальной информации освещены в рамках Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [3].

Получить незаконным образом доступ к коммерческой тайне может лицо, которое без наличия соответствующего разрешения получает к ней доступ и использует или раскрывает ее. Данные действия могут включать в себя искажение фактов, взятничество, подстрекательство к нарушению обязанности сохранять конфиденциальность, кражу и иные действия, связанные со шпионажем с использованием электронных и иных средств [1]. Нарушение конфиденциальности коммерческой тайны может привести к наступлению штрафных санкций и иных видов ответственности согласно действующим нормам права.

Современные экономические условия вынуждают компании предпринимать различные меры для предотвращения утечки данных, представляющих собой коммерческую тайну. В условиях глобализации и цифровизации обмен информацией стал проще, однако это сопряжено с возрастающими рисками несанкционированного раскрытия конфиденциальных сведений.

В настоящее время трансформируются не только общественные отношения, право, но и способы получения доступа к охраняемой законом информации, в связи с чем возникает проблема обеспечения безопасности информации от утечек, киберугроз и т. д. Законодательство при этом не столь динамично и может «отставать» от темпов усовершенствования незаконного получения информации. В связи с чем возникает необходимость в повышении эффективности не только права, но и методов борьбы с неконтролируемым доступом к данным.

По нашему мнению, наиболее объективными способами защиты данных от киберугроз является использование методов шифрования и блокчейн-технологий, которые позволяют передавать информацию без отбраживания ее третьим лицам, сохраняя при этом конфиденциальность. Указанные меры следует закрепить в содержании статьи 2 (определив толкование понятия «блокчейн-технологии») и статьи 9 (с указанием способа

ограничения доступа к информации) ФЗ от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [3] для наличия оснований применения данных технологий в обеспечении конфиденциальности охраняемых данных о коммерческой деятельности.

В то же время следует отметить, что с сотрудниками, поставщиками и третьими сторонами, имеющими доступ к конфиденциальной цифровой информации, должны быть заключены соглашения о неразглашении. Предполагается, что в содержание указанных соглашений должны быть включены четкие указания на то, что именно является коммерческой тайной и как ее разглашение может вызвать последствия. В то же время каждая сторона должна указать взаимные права и обязанности, определить ответственных лиц за сохранение конфиденциальной информации в экономической сфере и установить лиц, которые имеют право беспрепятственно получать доступ к данным. Перед подписанием стороны обязаны ознакомиться с содержанием соглашения и обсудить все существенные условия, чтобы избежать возможных нарушений. К числу общих мер по защите коммерческой тайны следует отнести обеспечение надлежащих процедур хранения и шифрования данных, ограничения на использование искусственного интеллекта, безопасные методы удаленной работы, информирование об утечке данных и контроль за действиями сотрудников при соблюдении правил конфиденциальности.

Таким образом, настоящее исследование позволило прийти к выводу о необходимости переосмысления института коммерческой тайны под давлением новых технологий и совершенствования методов защиты коммерческой тайны на основе новых правовых и технологических решений. При этом указанные меры важно закрепить в содержании соглашения о неразглашении конфиденциальной коммерческой информации. В связи с чем комплексная работа по совершенствованию законодательства и применения в компаниях необходимых технических средств позволит хозяйствующим субъектам более уверенно действовать в коммерческой деятельности.

Литература:

1. Слепченкова С. В., Ильинская С. Д. Защита коммерческой тайны: меры и порядок защиты // Энергетика, информатика, инновации. 2021. С. 340–342.
2. Сумзина О. С. Правовые аспекты защиты интеллектуальной собственности в цифровой среде // Цифровая экономика глазами студентов. материалы IV Международной научной конференции. 2024. С. 243–245.
3. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 23.11.2024) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). ст. 3448.
4. Федеральный закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О коммерческой тайне» // СЗ РФ. 2004. № 32. ст. 3283.

Права потребителей в электронной торговле

Прилепко Ирина Маньевна, студент магистратуры
Российский государственный университет социальных технологий (г. Москва)

Научный руководитель: Веселкова Евгения Евгеньевна, доктор юридических наук, профессор
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье обосновывается потребность в качественном нормативном регулировании прав потребителей в электронной торговле. Сформулированы и проанализированы некоторые права потребителей в электронной торговле. Выявлены ряд проблем, которые порождают риски нарушения прав потребителей в электронной торговле. В статье анализируются проблемные аспекты защиты интересов потребителей в электронной торговле.

Ключевые слова: потребитель, электронная торговля, защита прав потребителей, продажи товаров дистанционным способом.

Интенсивное развитие информационных технологий и телекоммуникаций обусловило широкое распространение удаленных способов взаимодействия хозяйствующих субъектов с физическими лицами — потребителями. Современные реалии характеризуются существенным увеличением количества сделок розничной купли-продажи, заключаемых дистанционно посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет. По данным аналитиков Ассоциации компаний интернет-торговли (АКИТ), объем интернет-торговли в России в первом квартале 2025 года вырос на 36 % год к году и достиг 2,6 трлн рублей. Из этой суммы 97 % пришлось на покупки в российских интернет-магазинах и маркетплейсах. Доля интернет-торговли в общем объеме розничной торговли увеличилась за квартал на 2,1 процентных пункта и достигла 18,3 % (16,2 % — по состоянию на конец 2024 года). Топ-3 регионов по объемам интернет-торговли: Москва — 17,2 % от всех онлайн-покупок, Московская область — 7,9 % и Санкт-Петербург — 6,2 % [8]. То есть отношения, касающиеся оформления и исполнения договоров через сеть Интернет, приобретают особую значимость среди гражданско-правовых взаимоотношений с участием граждан и представителей бизнеса.

Значительное время нормативная база, регламентирующая электронную торговлю, особенно аспекты защиты прав потребителей при осуществлении виртуальных торговых операций, оставалась слаборазвитой и недостаточной с точки зрения законодательного закрепления соответствующих гарантий. До 2018 г. действующий Закон РФ «О защите прав потребителей» (далее — Закон о потребителях) [1] содержал единственную статью (ст. 26.1), посвященную особенностям регулирования продажи товаров дистанционным способом.

Вместе с тем постепенно выявлялась необходимость дополнительного совершенствования данной нормы ввиду её недостаточности для всестороннего регулирования процесса продажи товаров физическим лицам через глобальную информационную сеть Интернет. Усиление роли агрегаторов, таких как Wildberries, Ozon и другие аналогичные платформы, привело к потребности четко определить их статус, объем возложенных на

них обязанностей в отношениях с потребителями. В связи с этим Федеральным законом от 29 июля 2018 г. № 250-ФЗ [3] в Закон о потребителях были внесены существенные изменения, закрепившие в нем понятие владельца агрегатора информации о товарах (услугах), положения, регулирующие особенности предоставления продавцом информации владельцу агрегатора, а последним — потребителю, а также нормы об ответственности владельца агрегатора.

Федеральным законом от 1 мая 2022 г. № 135-ФЗ [4] в Закон о потребителях были внесены существенные изменения, затрагивающие регулирование деятельности не только владельцев агрегаторов, но и иных участников правоотношений с потребителями. Нововведения касались запрета включения в договор условий, ущемляющих права потребителя. Законом было конкретизировано понятие недопустимых договорных условий, ущемляющих права потребителя, а также указан перечень условий, которые являются заведомо нарушающими права потребителя и ни при каких обстоятельствах не могут быть включены в договор. Данные нормы являются универсальными и применимы в том числе к договорам, которые заключаются дистанционно, в том числе посредством сети Интернет.

Помимо этого, стоит отметить, что в 2020 г. Правительством РФ было принято Постановление № 2463 [5], которым установлены специальные правила, касающиеся дистанционной продажи товаров, в том числе их продажи через Интернет.

То есть видно, что ощущается объективная потребность в углублении государственной политики, направленной на разработку подробного правового механизма регулирования электронной торговли и усиление правовых гарантий потребителей при приобретении товаров путем дистанционных методов продаж. Специалисты подчеркивают наличие пробелов в действующем законодательстве относительно системного подхода к правовому обеспечению различных видов коммерческой деятельности, настаивая на установлении единых стандартов защиты прав потребителей вне зависимости от формы организации торгов [7, с.23]. Необходимо констатировать существование ряда существенных изъянов

действующего законодательства, ограничивающих уровень защищённости потребителей при осуществлении покупок в электронном пространстве. Данные недостатки характерны не только для отечественной системы права, но и для многих зарубежных государств, предпринимая усилия по реформированию механизмов регулирования электронной торговли, включая внедрение цифровых инструментов управления торговыми процессами [6, с. 68].

Между покупателями-физическими лицами и профессиональными продавцами возникают специфические правовые отношения, характеризующиеся заметным неравенством в доступе к информации. Продавец традиционно владеет существенно большим объемом сведений о реализуемом товаре, его эксплуатационных особенностях и прочих значимых аспектах, влияющих на принятие решения о заключении договора купли-продажи. Подобная ситуация формирует повышенные риски для потребителя, проявляющиеся как в трудностях самостоятельного получения необходимой информации о предмете покупки и контрагенте, так и в возможности манипуляций со стороны продавца, имеющего целью введение покупателя в заблуждение относительно характеристик товара, умышленное сокрытие важных фактов или искусственное формирование спроса на продукцию, приобретение которой было бы исключено при наличии полной информации.

Во избежание ситуации информационной несоразмерности и с целью гарантировать потребителю условия для взвешенного выбора продукта, закон обязывает продавцов, производителей, владельцев агрегаторных площадок обеспечивать надлежащее информирование покупателей. Основные нормы относительно содержания, формата и порядка представления информации о поставщиках определены ст. 9 Закона о потребителях, тогда как положения о предоставлении сведений непосредственно о товарах, выполненных работах или оказанных услугах сформулированы в ст. 10 данного акта.

Статьей 9 Закона о потребителях предусмотрено обязательное представление потребителю информации о продавце вне зависимости от способа приобретения товара, включая дистанционные формы торговли. При этом содержание и форма предоставления подобной информации варьируются в зависимости от конкретных обстоятельств дела. Так, в силу общих положений продавец обязан доводить до сведения потребителя сведения о своем полном наименовании (фирменном наименовании), фактическом расположении (месте нахождения), рабочем расписании, а индивидуальные предприниматели дополнительно сообщают информацию о прохождении процедуры государственной регистрации и органе, выполнившем регистрацию (п. 1 ст. 9 Закона). Кроме того, вышеуказанные сведения о фирменном наименовании, адресе и режиме работы должны содержаться на специально установленной вывеске продавца.

Применительно к отношениям в сфере электронной коммерции объем информации, подлежащей представ-

лению потребителю продавцом, претерпевает незначительные дополнения. Так, наряду с общими требованиями продавец, являющийся юридическим лицом, дополнительно обязан известить потребителя о государственном номере регистрации, выданном при создании субъекта предпринимательства, а продавец, зарегистрированный как индивидуальный предприниматель, дополнительно предоставляет собственную фамилию, имя и отчество (п. 1.2 ст. 9 Закона о потребителях). Эта информация подлежит публикации на интернет-ресурсе продавца, если таковой существует (п. 1.3 ст. 9 Закона о потребителях). Кроме того, предусмотрена обязанность продавца оперативно вносить изменения в данную информацию при наступлении оснований для корректировки.

Законодательство предусматривает повышенный объем информации о продавце, которую он обязан предоставлять потребителю именно в случаях дистанционной торговли товарами, исходя из понимания, что в таком формате покупатель ограничен в средствах непосредственной оценки надежности контрагента, следовательно, нуждается в большем объеме проверочных сведений. Вместе с тем «изучение отдельных положений, посвященных установлению объемов и процедур уведомления потребителя о характеристиках товара, демонстрирует иную картину: параллельно с введением особых, дополнительных требований к предоставлению сведений о товаре из общего режима регулирования исключены отдельные универсальные нормы» [6, с.8].

Ключевые положения, касающиеся информации о товарах, зафиксированы в ст. 10 Закона о защите прав потребителей. Продавцу вменяется обязанность представлять покупателю полный и достоверный набор сведений о важнейших потребительских качествах товаров, стоимость в национальной валюте, условия приобретения, сроки гарантии (при наличии), сроки годности и эксплуатации, подтверждение соответствия товаров установленным требованиям, реквизиты соответствующего техрегламента или иного документа, удостоверяющего соответствие товара стандарту, а также основные сведения о производителе/импортере (п. 2 ст. 10 Закона о потребителях).

Помимо прочего, в случае реализации товаров дистанционным методом применяются специализированные нормы, уточняющие перечень сведений о товаре, подлежащих передаче покупателю. Так, продавец обязан дополнительно информировать потребителя о месте производства товара и порядке его транспортировки (п. 2 ст. 26.1 Закона о потребителях). Установление дополнительных требований связано с тем обстоятельством, что дистанционная покупка лишает покупателя возможности непосредственно осмотреть товар и зачастую затрудняет получение товара лично.

При дистанционной продаже товара не является обязательным предоставление потребителю информации об обязательном подтверждении соответствия товаров, о наименовании технического регламента или ином обозначении, которое свидетельствует о подтверждении со-

ответствия товара. Также в п. 2 ст. 26.1 Закона о потребителях отсутствует указание на требование предоставить потребителю информацию об энергоэффективности товара.

Вместе с тем подобная либерализация требований к объему информации о товаре выглядит недостаточно мотивированной. Основная задача предоставления потребителю информации о товаре состоит в обеспечении возможности совершить осмысленный выбор (п. 1 ст. 10 Закона о потребителях). Сведения о соблюдении установленных стандартов качества и показатели энергоэффективности способны оказать решающее влияние на предпочтение, отдаваемое потребителем одному товару перед другим. Нельзя игнорировать и тот факт, что снижение требований к информированности покупателя при дистанционной продаже уменьшает защиту его прав по

сравнению с обычной формой покупки. Исходя из этого, разумнее всего предусмотреть одинаковый объем требований к информации о товаре, вне зависимости от применяемого метода реализации товара.

Итак, современное состояние отечественного законодательства в сфере защиты прав потребителей отражает понимание законодателем значимости предупреждения ущемления интересов граждан при приобретении товаров, осуществляемом с использованием современных средств электронной коммуникации, включая сеть Интернет, а также признание необходимости укрепления правовых гарантий для потребителей. Перспективы дальнейшей разработки правовых актов предполагают приоритетное направление усилий на улучшение механизмов защиты прав потребителей и укрепление регуляторных рамок для участников рынка электронной торговли.

Литература:

1. Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (в ред. от 08.08.2024 г.) // Российская газета. — 1992. — 7 апреля
2. Федеральный закон от 29.07.2018 № 250-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» // Российская газета. — 2018. — № 166. — 01 августа.
3. Федеральный закон от 01.05.2022 № 135-ФЗ «О внесении изменения в статью 16 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» // Российская газета. — 2022. — № 98. — 06 мая.
4. Постановление Правительства РФ от 31.12.2020 № 2463 «Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» (ред. от 17.05.2024) // СЗ РФ. — 2021. — № 3. — Ст. 593.
5. Белов В. А. Комментарий к проекту Директивы Европейского союза «Об онлайн-посреднических платформах» (с переводом) / В. А. Белов. — Москва: М-Логос, 2022. — 68 с.
6. Гутников О. В., Чагина Е. М. Защита интересов потребителей при регулировании электронной торговли // Право и бизнес. — 2023. — № 4. — С. 8–15.
7. Цифровая экономика: актуальные проблемы правового регулирования: Научно-практическое пособие / Под редакцией И. И. Кучерова, С. А. Синицына. — Москва: Норма; ИЗИСП, 2022. — 376 с.
8. Объем интернет-торговли в России в первом квартале вырос на 36 % [Электронный ресурс] // Сетевое издание «forbes.ru». URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/537204-ob-em-internet-torgovli-v-rossii-v-pervom-kvartale-vyros-na-36> (дата обращения: 05.06.2025).

Проблемные аспекты защиты прав потребителей при продаже товаров ненадлежащего качества

Прилепко Ирина Маньевна, студент магистратуры

Российский государственный университет социальных технологий (г. Москва)

Научный руководитель: Веселкова Евгения Евгеньевна, доктор юридических наук, профессор

Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье определены особенности и проблемы применения законодательства, регулирующего качество товара и ответственность продавца за его несоблюдение. Автором выявлены различия в правовом регулировании отношений, касающихся качества товара, в зависимости от субъекта, выступающего на стороне покупателя. Сформулированы рекомендации по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: потребитель, качество товара, купля-продажа, способы защиты, гарантии прав потребителей, целевое назначение товара.

Ст. 469 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [1] и ст. 4 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее — Закон о потребителях) [2] предусмотрено одно из значимых прав покупателей в розничной торговле — это право на получение товара надлежащего качества. Особое практическое значение указанному вопросу придают возрастающий масштаб розничных продаж, организуемых с привлечением дистанционных средств общения, а также увеличивающийся риск поступления к покупателям товаров, не удовлетворяющих критериям надлежащего качества.

В первую очередь заслуживает рассмотрения проблема неопределенности термина «качество товара», поскольку действующее законодательство, регулярно прибегающее к использованию данного понятия, не раскрывает его точное содержание, что чревато возникновением коллизий при применении правовых норм. Автор убежден, что целесообразно внести дефиницию данного термина в преамбулу Закона о потребителях и ГК РФ, разработав формулировку на основе имеющихся юридических норм, достижений науки и накопленных судебных решений. Автором предлагается следующее определение понятия «качество товара» — это совокупность нормативно закреплённых, сформулированных в договоре и обычно предъявляемых требований к товару, посредством которых закрепляются определённые свойства товара, позволяющие безопасно использовать товар по целевому назначению и (или) имеющие значения для потребителя. Следовательно, под надлежащим качеством товара понимается его соответствие названным в определении критериям, а под ненадлежащим качеством товара — отступления от указанных правил.

Законодательство обязывает обеспечить соответствие качества передаваемого товара условиям договора, заключенного сторонами, а при отсутствии таковых — общеустановленным требованиям и целям использования товара (ст. Закона о потребителях). Хотя данная норма допускает свободу сторон в определении критериев качества товара, законодатель в интересах публичной безопасности установил, что предусмотренные нормативными актами обязательные требования к качеству товара должны строго соблюдаться независимо от фиксации их в соглашении. Любые договоренности сторон, противоречащие обязательным требованиям, вступают в конфликт с п. 2 ст. 469 ГК РФ и признаются ничтожными. Если передан товар, не соответствующий обязательным требованиям, у покупателя появляются предусмотренные законом права, вытекающие из факта поставки товара ненадлежащего качества.

Законодательно закреплено дополнительное обязательство продавца обеспечивать соответствие качества товара

особым целям использования, известным продавцу и отличным от типичных целей потребления аналогичного товара. Однако данная норма вызывает неопределенность в части порядка и сроков извещения покупателем продавца о предполагаемых уникальных условиях использования товара, поскольку такое уведомление не нашло своего однозначного правового закрепления. Судебная практика подтверждает, что цели использования товара должны быть озвучены покупателем на стадии преддоговорных консультаций и фиксироваться в условиях заключаемого договора [3]. В противном случае, если сторона покупателя не уведомила продавца заблаговременно и требуемый критерий не включен в договор, несоответствие товара указанным особенностям использования не признается дефектом товара [4]. Для минимизации споров по этому вопросу целесообразно дополнить указанную норму п. 2 ст. 469 ГК РФ соответствующими пояснениями.

Практика судов содержит примеры, когда отсутствие специального указания покупателем на предполагаемые цели использования товара и исполнение продавцом информационной обязанности относительно проданного товара не освобождают последнего от обязанности учитывать особенности применения товара. Один из таких примеров содержится в апелляционном решении Московского городского суда по делу о нарушении прав потребителей. Из материалов дела следовало, что продавец произвел реализацию двери и провел измерение дверного проема своими сотрудниками. Сотрудники установили, что помещение, куда предполагалось монтировать дверь, имело прямой выход наружу. Несмотря на это, продавец и его представители не поставили покупателя в известность о том, что предлагаемая дверь не приспособлена для уличного размещения. Учитывая приведённые факты, суд счёл доказанным, что продавец был осведомлён о конкретном назначении товара, и принял новое решение, признав требования истца обоснованными ввиду передачи товара низкого качества [5].

Верно отмечая позицию Н. А. Аблятиповой и А. А. Кравцовой, следует согласиться, что итоговая оценка судом случая зависит от вида заключенного договора: если он представляет собой обычный договор купли-продажи, действуют стандартные правила относительно качества товара; если же присутствует смешанный договор, содержащий признаки подряда, подразумевается осведомленность продавца о предстоящих условиях эксплуатации товара и появление у него обязанности заранее предупреждать покупателя о несоответствии товара запланированным целям использования [6, с. 217].

Рассматривая нюансы защиты прав покупателей при поступлении товара с недостатками, следует особо подчеркнуть, что потребитель наделен правом потребовать замены товара (включая вариант обмена на аналогичный

другой марки), снижения стоимости товара, немедленного безвозмездного устранения недостатков или компенсации понесенных расходов на ремонт, расторжения договора и возвращения выплаченных денег. Что касается коммерческих отношений между организациями, то, согласно ст. 475 ГК РФ, замена товара и отказ от договора допустимы лишь при выявлении значительных дефектов. Таким образом, покупатели-граждане пользуются гораздо большими возможностями защиты своих интересов, нежели юридические лица, что объясняется ограниченной компетентностью первых в вопросах экономики и повышенным риском нарушения их прав продавцом.

Покупатель самостоятельно решает, какое из представленных требований реализовать, при условии, что они не могут быть удовлетворены одновременно. Существуют исключения из данного правила, относящиеся к случаям обнаружения недостатков в технически сложных товарах, где замена товара или расторжение договора возможны лишь при выявлении неисправности в первые 15 дней после передачи товара, наличии существенного недостатка, несоблюдении продавцом сроков ремонта или длительной утрате возможности пользоваться товаром из-за многочисленных поломок, возникающих ежегодно свыше 30 календарных дней.

Помимо этого, покупатель вправе обратиться к продавцу с требованием о возмещении ущерба, вызванного продажей товара плохого качества. Под убытками понимаются не только прямые издержки, связанные с самой покупкой (например, проценты по кредитам, привлекаемым для оплаты товара), но и подтвержденные судебными инстанциями косвенные убытки, такие как

стоимость вспомогательных устройств и запчастей, приобретенных для совместимого использования с основным товаром и ставших бесполезными вследствие его поломки (например, комплектующие для автомобилей), а также прочие виды ущербов [7, с. 85].

В повседневной практике важно учитывать, что требования, связанные с нарушением качества товара, могут быть предъявлены не только самим покупателем, непосредственно заключившим сделку с продавцом, но и третьим лицом, не связанным с продавцом договором. Такая позиция основана на положении преамбулы Закона о защите прав потребителей, согласно которому потребителем признается как сам приобретатель товара, так и лицо, которое впоследствии пользуется этим товаром. Соответственно, продавец несет ответственность за качество товара не только перед первоначальным покупателем, но и перед третьими лицами, использующими товар для личных нужд, которым этот товар перешел от покупателя [4].

Таким образом, можно резюмировать, что существующее законодательство направлено на создание комплексной и действенной системы защиты покупателя от неправомерных действий продавца, стремясь поддерживать справедливый баланс интересов обеих сторон правоотношения. Вместе с тем следует заметить, что, несмотря на важное значение категории «качество товара» и частые конфликты, возникающие в связи с ней, действующие нормы пока остаются неполноценными, многие важные вопросы не получили необходимого правового разрешения, что диктует необходимость усовершенствовать законодательство и устранить имеющиеся пробелы.

Литература:

1. Гражданский кодекс (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // СЗ РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
2. Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-I «О защите прав потребителей» (в ред. от 08.08.2024 г.) // Российская газета. — 1992. — 7 апреля
3. Постановление Арбитражного апелляционного суда от 28.07.2014 г. № АП-10847/14 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.consultant.ru> (Дата обращения 06.06.2025).
4. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 29.01.2015 г. № Ф07-565/14 по делу N А56-17981/2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru> (Дата обращения 06.06.2025).
5. Апелляционное определение Московского городского суда от 24.01.2020 по делу № 33-1391/2020 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.consultant.ru> (Дата обращения 06.06.2025).
6. Аблятипова Н. А., Кравцова А. А. Условие о качестве товара, определяемое конкретными целями приобретения его покупателем: анализ системности правоприменительной практики // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. — 2021. — № 7(2). — С.212–219.
7. Фролов А. Ю. Защита прав потребителя при продаже товара ненадлежащего качества // Право и государство: теория и практика. — 2019. — № 8 (176). — С.82–85.

Местное самоуправление в единой системе публичной власти: анализ проекта федерального закона

Романов Егор Владимирович, студент
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

В современном мире одним из важных факторов повышения качества жизни людей является осуществление грамотного управления, на каком бы уровне оно не осуществлялось. Однако, самым близким к населению является именно местный уровень власти, а значит от того насколько эффективно организована его работа и зависит комфортность жизни людей в каждом городе и поселке нашей большой страны. Именно поэтому вопрос организации местного самоуправления имеет большое значение для каждого человека в отдельности и для всего государства в целом. В связи с внесением поправок в Конституцию РФ в 2020 году органы государственной власти и местного самоуправления стали рассматриваться как составные части публичной власти. В связи с этим для местного самоуправления в России открываются новые проблемы и перспективы, анализу которых и посвящена эта работа.

Ключевые слова: публичная власть, местное самоуправление, федерализм, поправки к Конституции Российской Федерации.

16 декабря 2021 года в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации сенатором А. А. Клишасом и депутатом П. В. Крашенинниковым был внесен проект федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [1]. Мое исследование направлено на анализ данного законопроекта и оценку его влияния, в случае принятия, на местное самоуправление в России.

Начать свое исследование хотелось бы с Конституции Российской Федерации (далее — Конституция РФ), где заложены основополагающие нормы о началах местного самоуправления, которые также претерпели некоторые изменения при внесении поправок в Конституцию РФ в 2020 году [2].

В соответствии со статьей 3 Конституции РФ «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления». Действительно, где как не на местном уровне лучше всего проявляется власть народа и его возможность оказывать влияние на принятие важных решений. Именно поэтому статьей 12 Конституции РФ признается и гарантируется самостоятельность местного самоуправления, а также то, что органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти.

Далее в структуре Конституции РФ местному самоуправлению посвящена отдельная 8 глава, которая начинается статьей 130, где говорится: «Местное самоуправление в Российской Федерации обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения...». В статье 131 указывается, что «местное самоуправление осуществляется в муниципальных образованиях, виды которых устанавливаются федеральным законом. ... Структура органов местного самоуправления определяется населением самостоятельно в соответ-

ствии с общими принципами организации местного самоуправления в Российской Федерации, установленными федеральным законом». В 133 статье Конституции РФ устанавливаются определенные гарантии для местного самоуправления, в том числе и запрет на ограничение прав местного самоуправления.

И особое внимание хотел бы уделить части 3 статьи 132 Конституции РФ, которая была добавлена в рамках внесения поправок в Конституцию РФ в 2020 году: «Органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории». В соответствии с этой нормой устанавливается новая категория «публичной власти» где органы местного самоуправления, не входящие в структуру органов государственной власти, объединяются с ними для решения вопросов в интересах населения.

Касательно этой новеллы в Конституции РФ выражаются разные мнения. Кто-то считает, что данное новшество будет способствовать лишению самостоятельности органов местного самоуправления и их встраиванию в вертикаль государственной власти [3, 4, с. 101]. Но есть и те, кто считает эти опасения преждевременными и говорят, что поправка направлена именно на выстраивание эффективной системы взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления [5]. Не смотря на разногласия нельзя не согласиться с Председателем Государственной Думы РФ Вячеславом Володиным, который назвал принятие поправок к Конституции РФ «новым этапом развития нашего государства» [6]. Остается только добавить, что это и новый этап для развития местного самоуправления в Российской Федерации.

И во исполнение положений Конституции РФ 16 декабря 2021 года в Государственную Думу был внесен проект Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе пуб-

личной власти» (далее — проект ФЗ). Стоит отметить, что в соответствии с Конституцией РФ сейчас действует Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее 131-ФЗ), который регулирует различные вопросы, касающиеся местного самоуправления. В случае принятия проекта ФЗ, 131-ФЗ будет признан утратившим силу с 1 января 2028 года, а отдельные его главы утратят силу со дня официального опубликования проекта ФЗ.

В проекте ФЗ сразу обращает на себя внимание обновленное определение местного самоуправления, которое понимается как форма самоорганизации граждан в целях самостоятельного решения вопросов местного значения.

Следующим важнейшим изменением является предлагаемое в проекте ФЗ введение одноуровневой организаций местного самоуправления. В пояснительной записке к проекту ФЗ указано, что это позволит создать новую систему организации власти на местах, в основе которой лежит принцип привязки к населению. Авторы проекта ФЗ указывают, что это позволит повысить эффективность органов местного самоуправления и укрепить финансовую основу их деятельности.

На этой инициативе стоит остановиться по подробнее и сравнить с действующим законодательством. В соответствии с действующим 131-ФЗ местное самоуправление осуществляется в городских, сельских поселениях, муниципальных районах, муниципальных и городских округах и на внутригородских территориях городов федерального значения. Таким образом, действующий закон устанавливает 4 вида муниципальных образований, 2 из которых предусматривают двухуровневую структуру местного самоуправления (городские/сельские поселения в составе муниципального района и внутригородские территории в городах федерального значения), а два одноуровневую (городской округ и муниципальный округ). Сегодня наиболее распространенной является двухуровневая структура, когда в составе муниципального района есть более близкие к населению городские и сельские поселения, которые имеют собственную главу, администрацию, бюджет. И у муниципального района есть также свой глава, администрация, бюджет. Таким образом, людям, чтобы решить свои проблемы можно обратиться в более близкие к ним органы местного самоуправления городских и сельских поселений, нежели постоянно ездить в районный центр.

В проекте ФЗ предусматривается осуществление местного самоуправления в городских округах, муниципальных округах и на внутригородской территории (внутригородском муниципальном образовании) городов федерального значения. Это так называемая одноуровневая структура местного самоуправления, в соответствии с которой у населенных пунктов в составе городского/муниципального округа нет своих органов власти и бюджетов, местное самоуправление осуществляется органами муниципального/городского округа. Таким образом, местная власть отдаляется от людей и им придется

ездить в окружные центры для решения своих вопросов, а ведь некоторые населенные пункты могут располагаться очень далеко.

Вопрос организации одноуровневого местного самоуправления вызывает сейчас широкие дискуссии в обществе, многие критикуют данную инициативу, понимая все ее возможные последствия при реализации на практике. Например, вице-спикер законодательного собрания Владимирской области, руководитель фракции КПРФ Антон Сидорко считает, что одноуровневая структура местного самоуправления означает «уход от федеративного устройства государства и полную ликвидацию органов МСУ и в целом муниципальной власти как таковой» [7].

Однако один из авторов законопроекта, Павел Крашенинников указывает и на все возможные плюсы от такой организации местного самоуправления. Он заявляет, что одноуровневая система позволит повысить эффективность местных органов власти, укрепить финансовую основу их деятельности. Также он обращает внимание на нехватку кадров и ресурсов в поселениях для эффективного решения вопросов и на процесс укрупнения муниципальных образований, для решения управленческих и социально-экономических проблем. И приходит к закономерному итогу: «местное самоуправление именно как инструмент решения местных вопросов не работает» [8].

Не секрет, что проблема недофинансирования органов местного самоуправления действительно существует и ключевая цель проекта ФЗ, по мнению авторов, в том, что «муниципалитеты должны наделяться тем объемом полномочий, который они в состоянии эффективно реализовать» [8]. Что касается организации власти в посланиях, то в проект ФЗ предусмотрена должность старосты сельского населенного пункта, который будет заниматься организацией взаимодействия органов местного самоуправления и жителей сельского населенного пункта. Он будет заниматься этой работой на общественных началах, а срок его полномочий будет устанавливаться уставом муниципального образования в пределах от 2 до 5 лет, как указано в проекте ФЗ. Безусловно должность старосты будет способствовать координации власти на уровне поселений, люди смогут обратиться к нему со своими вопросами и проблемами, но будут ли желающие заниматься такой работой в реальности неизвестно, поэтому это положение проекта ФЗ еще предстоит проверить на прочность, однако на мой взгляд, самое главное, чтобы люди не остались со своими проблемами брошены муниципальными властями.

Следующим важным аспектом организации местного самоуправления являются полномочия. Но начать хотел бы с тех, кто эти полномочия осуществляет — органы местного самоуправления. Их структура в проекте ФЗ остается неизменной по сравнению с 131-ФЗ. В проекте ФЗ по-прежнему предусмотрены: представительный орган муниципального образования, глава муниципального образования, местная администрация, контрольно-счетный орган муниципального образования и иные органы в соответствии с уставом муниципального образования.

А вот что касается полномочий то в проекте ФЗ есть серьезные новшества. В статье 14, 15 16 и 16.2 действующего 131-ФЗ закреплён обширный перечень вопросов местного значения от установления местных налогов до развития культуры и спорта. При этом данные статьи разделяют полномочия городского, сельского поселения, муниципального района, муниципального, городского округа и внутригородского района. Для решения вопросов, отнесенных к их компетенции органы местного самоуправления, наделяются соответствующими полномочиями в соответствии со статьёй 17 131-ФЗ. Не смотря на то что закон закрепляет соответствующие полномочия все равно нередко происходит путаница между полномочиями разных публичных органов власти, закреплённых в разных законах. От этого прежде всего страдают граждане, т. к. им приходится бегать по разным инстанциям и не один раз чтобы решить свой вопрос.

В статье 32 проекта ФЗ предлагается закрепить полномочия органов местного самоуправления по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения. Это так называемые неотъемлемые полномочия, закрытый перечень из 27 пунктов. Сюда входят и вопросы благоустройства, медицинской помощи, бюджета и т. д. А в части 2 данной статьи устанавливаются иные полномочия, которые субъект может закрепить за органами местного самоуправления. В этот перечень входят, например, организация электро-, тепло-, газо- и водоснабжения, обеспечение нуждающихся малоимущих граждан жилыми помещениями, организация образования и др. В случае если эти полномочия не отнесены к полномочиям органов местного самоуправления они осуществляются органами государственной власти субъекта РФ. Таким образом, проект уточняет компетенцию органов местного самоуправления, что позволит покончить с путаницей полномочий между регионом и муниципалитетом, что безусловно является преимуществом проекта ФЗ. Таким образом авторы законопроекта, преследуют цель, чтобы на местном уровне оставались только те полномочия, которые органы местного самоуправления смогут эффективно реализовать и на которые у них имеется достаточно финансовых средств.

Но эффективность в реализации полномочий зависит не только от того есть ли у муниципалитета средства, но и от того, кто ими управляет. От того, кто является главой муниципального образования зависит и эффективность работы органов местного самоуправления и здесь в проекте ФЗ также предусмотрены определенные новеллы.

В соответствии с законом высшее должностное лицо муниципального образования — глава муниципального образования. В соответствии со 131-ФЗ глава может быть избран на муниципальных выборах либо представительным органом муниципального образования из своего состава, либо представительным органом муниципального образования из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией по результатам конкурса. А если полномочия представительного органа муници-

пального образования осуществляются сходом граждан, глава муниципального образования избирается на сходе граждан и исполняет полномочия главы местной администрации.

В статье 19 проекта ФЗ теперь предусмотрена возможность избрания главы муниципального образования представительным органом муниципального образования из числа кандидатов представленный главой субъекта. По мнению авторов законопроекта, это поможет закрепить единство публичной власти в соответствии с положением Конституции РФ.

Вместе с тем и усиливается ответственность глав муниципальных образований, в случае если глава не справляется с возложенными на него обязанностями глава субъекта может применить определенные меры: вынести предупреждение или объявить выговор за ненадлежащее исполнение или неисполнение обязанностей по обеспечению осуществления органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий. Если в течение месяца со дня вынесения предупреждения или объявления выговора глава муниципального образования не примет меры для устранения нарушений, то глава субъекта РФ вправе отрешить его от должности.

Также глава муниципального образования может быть удален в отставку представительным органом муниципального образования по инициативе депутатов или главы субъекта РФ в соответствии с основаниями, указанными в части 3 статьи 21 проекта ФЗ.

Обобщая вышесказанное можно отметить, что проект ФЗ не только укрепляет статус главы муниципального образования, но и возлагает на него дополнительную ответственность.

Таким образом, мы видим, что в проекте ФЗ детально прописаны и регламентированы все основные аспекты организации власти в муниципалитетах Российской Федерации, а значит, что в соответствии с положениями действующего 131-ФЗ и проекта ФЗ, в случае если он будет принят, строится и будет развиваться все местное самоуправление в России. И не смотря на то каким в итоге будет проект ФЗ при его окончательном принятии в Государственной Думе и подписании Президентом РФ уже сейчас очевидно, что он даст новый импульс к развитию местного самоуправления и становлению в Российской Федерации единой публичной власти, именно поэтому я считаю и действующий 131-ФЗ и анализируемый мной проект ФЗ самым важным нормативно-правовым актом местного самоуправления. В завершении, хочу лишь добавить, что безусловно в проект ФЗ будут вноситься определенные изменения, ведь уже сейчас он вызвал бурные обсуждения в обществе. В любом случае, все предлагаемые изменения должны соотноситься с реальностью и тем как положения проекта ФЗ будут применяться на практике. И по итогу должен получиться эффективный акт, который будет защищать права и интересы граждан Российской Федерации и способствовать становлению эффективно действующих во благо граждан органов власти на местах.

Литература:

1. Текст проекта федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» № 40361–8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8>
2. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СПС КонсультантПлюс
3. Сасов К. А. Поправки к Конституции как односторонний отказ государства от исполнения обязательств // Закон.ру [Электронный ресурс] URL: https://zakon.ru/blog/2020/06/16/popravki_k_konstitucii_kak_odnostoronnij_otkaz_gosudarstva_ot_ispolneniya_obyazatelstva (дата обращения — 23.01.2023)
4. Корсун К. И. Местное самоуправление после поправок в Конституцию Российской Федерации 2020 года: курс на взаимодействие с государственной властью или встраивание в ее вертикаль? // Вестник Уральского юридического института МВД России. — 2021. — № 1 — С. 98–101. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mestnoe-samoupravlenie-posle-popravok-v-konstitutsiyu-rossiyskoy-federatsii-2020-goda-kurs-na-vzaimodeystvie-s-gosudarstvennoy> (дата обращения: 23.01.2023).
5. Чепунов О. И. Анализ поправок в Конституцию // Infox.ru [Электронный ресурс] URL: <https://www.infox.ru/opinion/246/Chipounov/237463-analiz-popravok-v-konstituciu> (дата обращения 23.01.2023)
6. «Вячеслав Володин рассказал, как принятие поправок в Конституцию изменит жизнь страны» URL: <http://duma.gov.ru/news/48950/> (дата обращения 23.01.2023).
7. «Владимирская область. Уничтожение местного самоуправления или его развитие: как в законодатели региона оценивают новый законопроект» // Ассоциация «Совет муниципальных образований Хабаровского края» [Электронный ресурс] URL: <http://cmokhv.ru/materials/mat20220209-m/> (дата обращения — 27.01.23)
8. «Павел Крашенинников представляет проект закона о местном самоуправлении» // Российская газета. 2022 № 15 (8663). [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2022/01/24/pavel-krashennikov-predstavliaet-proekt-zakona-o-mestnom-samoupravlenii.html> (дата обращения — 27.01.23)

Судебное оспаривание неправомерных действий (решений) государственных органов, должностных лиц и государственных служащих как способ обеспечения законности

Рыжкова Карина Александровна, студент магистратуры
Южно-Уральский технологический университет (г. Челябинск)

В настоящей работе анализируется значение института судебного обжалования как ключевого механизма обеспечения законности и защиты интересов граждан в рамках современного правового государства. Рассматриваются нормативно-правовые основы, процедурные особенности и вопросы эффективности судебной защиты от противоправных решений и действий органов государственной власти. Особое внимание уделено роли судебной власти в системе сдержек и противовесов и международному опыту функционирования административного правосудия.

Ключевые слова: судебное оспаривание, государственные органы, должностные лица, законность, судебная защита, правовое государство, административное судопроизводство.

Judicial challenge of illegal actions (decisions) government agencies, officials and civil servants as a way to ensure the rule of law

Ryzhkova Karina Aleksandrovna, student master's degree
South Ural Technological University (Chelyabinsk)

The article considers the institution of judicial challenge as a key mechanism for ensuring legality and protecting citizens' rights in a rule-of-law state. The article analyzes the legal grounds, procedural aspects and effectiveness of judicial protection against unlawful actions by state bodies and their representatives. The role of the judiciary in the system of separation of powers and protection of human rights and freedoms is emphasized.

Keywords: judicial challenge, government agencies, officials, legality, judicial protection, rule of law, administrative proceedings.

Введение

Правовое государство основывается на принципе верховенства закона, согласно которому все субъекты правовых отношений — как физические, так и юридические лица, включая государственные органы и их должностных лиц — обязаны действовать в строгом соответствии с нормами действующего законодательства. Этот принцип предполагает не только формальное признание закона в качестве высшей юридической силы, но и его фактическую реализуемость и обязательность на практике. В условиях правового государства публичная власть не может быть произвольной; она ограничена законом и подлежит контролю, в том числе судебному.

Тем не менее, в реальной правоприменительной практике нередко наблюдаются случаи превышения государственными органами своих полномочий, злоупотребления административным ресурсом, бездействия в ситуациях, требующих вмешательства, либо принятия решений, нарушающих права и законные интересы граждан. Подобные проявления подрывают доверие к институтам государственной власти, создают предпосылки для правового нигилизма и социального напряжения.

В этой связи особую значимость приобретает механизм судебного контроля за действиями и решениями публичной администрации. Административное судопроизводство, регламентированное Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации (КАС РФ), предоставляет гражданам эффективный инструмент для защиты своих прав в условиях публично-правового конфликта. Возможность обратиться в суд с административным иском способствует укреплению законности, реализации принципов открытости, подотчетности и транспарентности государственной власти.

Можно сказать, что судебное оспаривание неправомερных действий или бездействия органов государственной власти является не только способом индивидуальной правозащиты, но и важным элементом институционального механизма поддержания правопорядка в государстве. Исследование процессуальных особенностей административного судопроизводства, судебной практики, а также эффективности правовых средств восстановления нарушенных прав представляется актуальной научной задачей, способствующей совершенствованию как теории, так и практики функционирования правового государства.

Теоретико-правовые основы судебного оспаривания: Судебное оспаривание — это предусмотренная законом процедура, в рамках которой гражданин или юридическое лицо может обратиться в суд для признания незаконными действий, решений или бездействия органов государственной власти и их должностных лиц. Основу правового регулирования данной сферы составляют Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные законы, Кодекс административного судопроизводства РФ, а также международные правовые акты.

Судебная власть, будучи независимой и равной другим ветвям власти, выступает гарантом соблюдения закона. Именно суд уполномочен проверять законность действий государственных органов и должностных лиц, принимая решения, обязательные к исполнению. Судебный контроль способствует формированию устойчивой правовой среды и сдерживает произвол со стороны властных структур.

В соответствии с Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации (КАС РФ), каждый гражданин имеет право на судебную защиту своих прав и свобод, если полагает, что действия (или бездействие) государственных органов, их должностных лиц, государственных и муниципальных учреждений нарушают или могут нарушить его законные интересы. Административное судопроизводство представляет собой специфическую форму судебной деятельности, направленную на урегулирование публично-правовых споров, возникающих в результате реализации властных полномочий. В рамках этой процедуры особое значение приобретают вопросы, связанные с порядком подачи административного иска, соблюдением сроков рассмотрения дела, предварительным досудебным урегулированием конфликта, а также спецификой доказывания обстоятельств, имеющих значение для дела.

Совокупность указанных аспектов оказывает существенное влияние на эффективность правовой защиты граждан в административном судопроизводстве. Анализ судебной практики свидетельствует о том, что надлежащее оформление административного иска, соответствие его содержания требованиям КАС РФ и достаточное обоснование заявленных требований значительно повышают шансы на удовлетворение иска. Таким образом, изучение процессуальных механизмов, регулирующих взаимодействие граждан и судебной системы в рамках административного судопроизводства, представляет собой актуальную задачу как с теоретической, так и с практической точки зрения.

На практике реализация права на судебное оспаривание сталкивается с рядом трудностей: бюрократические препятствия, затяжной характер судебных процессов, недостаточный уровень правовой грамотности населения, давление на судей. Важно также отметить случаи формального подхода со стороны судов при рассмотрении административных исков, что снижает эффективность механизма судебной защиты.

Сравнительный анализ показывает, что в странах с развитой системой административной юстиции, таких как Германия, Франция, Япония, сформированы устойчивые институты судебного контроля за действиями власти. Специализированные административные суды, профессионализм судей, упрощенные процессуальные формы и высокий уровень правовой культуры — все эти факторы повышают эффективность защиты прав граждан.

Например, Государственный совет Франции выполняет функцию верховного административного суда, в Германии действует отдельная ветвь административных

судов, а в Японии сложилась стабильная практика разрешения административных споров в рамках общей судебной системы. Эти модели доказывают, что при надлежащей институциональной поддержке судебное обжалование может быть эффективным и доступным.

Изучение зарубежного опыта в сфере административного судопроизводства представляет значительный интерес для правовой науки и законодательства Российской Федерации, поскольку позволяет выявить наиболее эффективные модели и подходы, способствующие укреплению судебной защиты в публично-правовых спорах и повышению доверия граждан к институтам правового государства.

Пути повышения эффективности судебного оспаривания в России:

Современные вызовы, стоящие перед системой административного судопроизводства, требуют комплексного подхода к реформированию как институционального, так и процедурного характера. Для повышения результативности судебного оспаривания необходимо реализовать ряд направлений, охватывающих как правовую, так и технологическую и организационную составляющие:

1. Расширение правовой информированности населения. Повышение уровня правосознания граждан должно быть приоритетной задачей как государства, так и гражданского общества. Это включает интеграцию правового просвещения в образовательные программы, разработку доступных информационных ресурсов, проведение просветительских кампаний и обеспечение населения бесплатными юридическими консультациями, особенно в отдалённых и социально уязвимых регионах.

2. Совершенствование процессуальных норм административного судопроизводства. Актуальной задачей является оптимизация сроков рассмотрения административных дел, упрощение процедуры для социальных категорий граждан, а также расширение возможности применения упрощённого судопроизводства по делам, не требующим сложного доказывания. Необходимо также внедрение механизмов институциональной медиации и досудебного урегулирования.

3. Повышение квалификации судей и сотрудников государственных органов. Для обеспечения справедливого и эффективного правосудия требуется системная подготовка и переподготовка судей, специалистов правового профиля в органах власти, а также обучение сотрудников навыкам взаимодействия с населением и понимания принципов административной юстиции.

4. Обеспечение реальной независимости судебной власти. Независимость суда — ключевой фактор эффективного судебного контроля. Усиление гарантий несменяемости судей, минимизация административного давления, прозрачность процедур назначения и аттестации, а также общественный контроль за деятельностью судебной системы способствуют укреплению доверия к правосудию.

5. Развитие электронных сервисов подачи исков и отслеживания дел. Цифровизация правосудия позволяет по-

высить доступность и оперативность административного судопроизводства. Внедрение современных ИТ-решений, таких как личный кабинет участника процесса, автоматическое формирование процессуальных документов, видеозаседания, цифровые протоколы и открытые базы судебных решений, значительно снижает барьеры для обращения в суд и ускоряет рассмотрение дел.

6. Внедрение искусственного интеллекта и аналитических систем в судебную практику. Использование технологий искусственного интеллекта для предварительного анализа исков, прогнозирования судебных решений, выявления правовых коллизий и систематизации судебной практики может повысить прозрачность и единообразие правоприменения.

7. Формирование культуры взаимодействия между гражданами и государством. Необходимо стимулировать развитие партнерской модели отношений между государством и обществом, при которой обжалование административных актов воспринимается не как акт конфронтации, а как механизм законной обратной связи и инструмент повышения качества публичного управления.

Реализация этих направлений в совокупности позволит повысить эффективность защиты прав граждан, усилить институт судебного контроля и приблизить отечественную административную юстицию к лучшим мировым стандартам.

Заключение

Проведённый анализ показал, что институт судебного обжалования играет ключевую роль в обеспечении правовой стабильности, защите интересов граждан и сдерживании административного произвола. В условиях современного правового государства эффективность этого механизма напрямую зависит от нормативной базы, независимости судебной власти, правовой грамотности населения и доступности процедур.

Российская модель административного судопроизводства, несмотря на достигнутый прогресс, всё ещё сталкивается с рядом барьеров: от процессуальных формальностей и затяжных сроков до недостаточной цифровизации. При этом зарубежный опыт наглядно демонстрирует, что специализированные административные суды, упрощённые процедуры и развитая правовая культура способствуют реальной реализации принципа верховенства закона.

Таким образом, необходимым условием повышения эффективности судебной защиты в России является системное реформирование административной юстиции, включающее правовые, организационные и технологические меры. Только при наличии политической воли и устойчивой институциональной базы можно обеспечить реальную защиту прав граждан от неправомерных действий государственных органов и добиться укрепления законности как фундаментального принципа функционирования государства.

Литература:

1. Зеленцов, А. Б. Административно-процессуальное право России в 2 ч. Часть 1: учебник для вузов / А. Б. Зеленцов, П. И. Кононов, А. И. Стахов. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 311 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-07148-1. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/564854> (дата обращения: 08.06.2025).
2. Зеленцов, А. Б. Административно-процессуальное право России в 2 ч. Часть 2: учебник для вузов / А. Б. Зеленцов, П. И. Кононов, А. И. Стахов. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 301 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-07151-1. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/564855> (дата обращения: 08.06.2025).
3. Волков, А. М. Административно-процессуальное право: учебник для вузов / А. М. Волков, Е. А. Лютягина. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 299 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-17429-8. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/568069> (дата обращения: 08.06.2025).
4. Саакян, Э. Г. Особенности административного судопроизводства по делам оспаривания действий (бездействия) органов публичной власти / Э. Г. Саакян. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2020. — № 46 (336). — С. 323–325. — URL: <https://moluch.ru/archive/336/75101/> (дата обращения: 15.06.2025).

Применение принципа добросовестности в судебной практике

Рыченков Павел Игоревич, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Действующая редакция статьи 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) [1] была введена в силу Федеральным законом от 30 декабря 2012 года № 302-ФЗ [2]. Этот закон стал первым из ряда масштабных поправок, которые были разработаны в ходе многолетней реформы гражданского законодательства в России. Одной из наиболее значительных новелл, появившихся в ГК РФ, является обязательство участников гражданского оборота действовать добросовестно при установлении, осуществлении и защите своих гражданских прав, а также при выполнении гражданских обязанностей.

Из данного правила логически вытекает запрет на получение выгоды из незаконного или недобросовестного поведения, зафиксированный в пункте 4 статьи 1 ГК РФ. Кроме того, обновленный пункт 5 статьи 10 ГК РФ вводит широкую презумпцию добросовестности и разумности действий участников гражданских правоотношений [4].

В предыдущей редакции кодекса добросовестность участников гражданского оборота не упоминалась среди основополагающих начал гражданского законодательства. Хотя наряду с принципами разумности и справедливости, она была указана в статье 6 ГК РФ как ориентир для определения прав и обязанностей сторон в случаях, когда невозможно применять аналогию закона.

В прежней редакции статьи 10 ГК РФ предпосылка добросовестности и разумности действий участников гражданских правоотношений трактовалась более узко. Эта презумпция действовала только в тех ситуациях, когда возможность защиты гражданских прав зависела от разумного и добросовестного осуществления этих

прав. Добросовестность была определена как необходимое условие, создающее важные правовые последствия в определенных случаях, таких как спецификация (статья 220 ГК РФ), приобретение прав собственности через давность владения (статья 234 ГК РФ) и истребование имущества от добросовестного приобретателя (статья 302 ГК РФ) [3].

Добросовестность в контексте гражданского оборота может быть охарактеризована как стремление участников отношений избегать нарушения своих действий прав и законных интересов других лиц, а также требование к осуществлению своих прав в полном соответствии с их содержанием, объемом и назначением. Хотя понятие добросовестности близко к морально-этическим нормам, важно подчеркнуть, что это не одно и то же. Добросовестность, как гражданско-правовой принцип, действительно включает этические аспекты, но, в отличие от моральных норм, обладает четким и практическим содержанием, что имеет величайшее значение для стабильности гражданского оборота.

Обременение опровержения презумпции добросовестности участников гражданских правоотношений, изложенной в пункте 5 статьи 10 ГК РФ, возлагается на ту сторону, которая утверждает недобросовестность своего контрагента и заинтересована в ее установлении.

Стоит отметить, что в российской судебной практике постепенно наблюдается расширение применения принципа объективной добросовестности в целях разрешения спорных ситуаций. Интересно, что такая практика существовала и до того, как принцип добросовестности был

включён в основные положения гражданского законодательства, указанные в статье 1 ГК РФ.

В частности, с опорой на принципы разумности и добросовестности была признана необходимой дополнительная судебная оценка условий соглашения сторон в договоре о предоставлении охранных услуг, если цена услуги явно несоразмерна её содержанию [6].

Со ссылкой уже на новую редакцию ст. 1 ГК РФ обобщена практика судов, пресекающая как недобросовестное и несправедливое навязывание слабой стороне в договоре явно обременительных для нее условий, существенным образом нарушающих баланс интересов сторон [8]; признающая недопустимым приобретение лизингодателем необоснованных выгод при расторжении договора [8]; а также в обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 1(2015) [11].

С накоплением опыта применения новой редакции ГК РФ Верховный Суд РФ начинает формулировать концептуальные подходы к интерпретации норм, касающихся добросовестности [5]. Эти подходы, вероятно, окажут значительное и долговременное влияние. Пленум Верховного Суда, анализируя практику судов по применению первого раздела части первой Гражданского кодекса, подчеркнул, что при оценке действий сторон как добросовестных или недобросовестных суды должны ориентироваться на ожидаемое поведение участников гражданского оборота. Это поведение должно учитывать права и законные интересы другой стороны, а также содействовать ей в получении необходимой информации и поддержке в процессе взаимодействия [10].

Обратимся к судебной практике. В феврале 2014 года компания «Веста» подала иск в суд против «Сибстройкоммерса», требуя зарегистрировать переход права собственности на две трансформаторные подстанции в Новосибирске по договору купли-продажи, заключенному в августе 2013 года. В марте арбитражный суд Новосибирской области удовлетворил требования истца, установив, что договор был фактически исполнен, однако документы для государственной регистрации не были переданы. Светлана Муранова, кредитор продавца и инициатор исполнительного производства, осталась недовольна данным решением. В январе 2014 года судебный

пристав наложил запрет на осуществление регистрационных действий с подстанциями.

Муранова обратилась с жалобой сначала в 7-й апелляционный арбитражный суд, а затем в арбитражный суд Северо-Западного округа. Она утверждала, что договор купли-продажи является фиктивным и фактически был заключён позже указанной даты. По её мнению, истец и ответчик пытались вывести ликвидное имущество из общества, чтобы избежать выплат кредиторам по исполнительному производству. Однако судебные инстанции пришли к выводу о том, что Муранова лишена права ссылаться на недействительность договора, поскольку данный вопрос не рассматривался в рамках дела. Как решили апелляция и кассация, её права и обязанности не затрагивались. Судебные органы, независимо от уверений Мурановой о том, что договор был подписан с задним числом, вновь акцентировали внимание на том, что документ датирован августом 2013 года, в то время как арест был наложен в январе 2014-го.

Верховный суд выявил значительные нарушения в рассматриваемом деле. Суд заявил, что Муранова вправе подать жалобу, так как ответчик является ее должником. Применение ареста к имуществу делает его передачу и регистрацию незаконными, даже если сделка по купле-продаже была оформлена до момента наложения ареста. Экономическая коллегия сослалась на постановление Президиума ВАС № 6343/08 от 16 сентября 2008 года [7]. Кроме того, в своем решении ВС обратил внимание на аргумент Мурановой о том, что подстанции были арестованы у «Сибстройкоммерса», который является должником, что подразумевает отсутствие фактической передачи предмета покупки. В результате, дело было направлено на повторное рассмотрение в Арбитражный суд Новосибирской области, который в итоге отклонил иск.

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, следует сказать, что сейчас суды активнее применяют положения гражданского законодательства о принципе добросовестности. В настоящее время принцип добросовестности выступает таким же регулятором гражданских отношений, как и справедливость и разумность. Все участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно, в противном случае к ним будут применены последствия.

Литература:

1. Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. N 51-ФЗ // Российская газета от 8 декабря 1994 г. N 238–239
2. Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. N 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Российская газета от 11 января 2013 г. N 3
3. Антонов В. Ф. Принцип добросовестности в современном гражданском праве: теоретический аспект // Законодательство и экономика. 2016. № 1. С. 20–24.
4. Емельянов В. И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами. М.: Лекс-Книга, 2002, 160 с.
5. Микрюков В. А. Принцип добросовестности — новый нравственный ограничитель гражданских прав // Журнал российского права. 2013. № 6. С. 17–24.

6. Постановление Президиума ВАС РФ от 14.11.2006 N 8259/06 по делу N A40-38670/04-63-424 // «Вестник ВАС РФ», 2007, N 3
7. Постановление Президиума ВАС РФ от 16.09.2008 N 6343/08 по делу N A59-2533/02-C23 // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=76869#kcyGWXUMXKuyPFRR1> (Дата обращения: 20.12.2024г.)
8. Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 N 16 «О свободе договора и ее пределах» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_161322/ (Дата обращения: 20.12.2024г.)
9. Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 N 17 «Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_161313/ (Дата обращения: 20.12.2024г.)
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета от 30 июня 2015 г. N 140
11. «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 1 (2015)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04.03.2015) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176091/ (Дата обращения: 20.12.2024г.)

Правовой статус искусственного интеллекта: субъект или объект права?

Саитов Магомед Рашидович, студент магистратуры

Научный руководитель: Волкова Мария Александровна, кандидат исторических наук, доцент, профессор
Академия труда и социальных отношений (г. Москва)

В данной статье рассмотрены проблемы правового статуса искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, право.

Современное развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) ставит перед правовой наукой и практикой принципиально новые вопросы, связанные с определением его правового статуса. Искусственный интеллект, обладающий способностями к самообучению, автономному принятию решений и даже созданию объектов интеллектуальной собственности, перестает быть просто инструментом и начинает демонстрировать признаки, традиционно присущие субъектам права. Это вызывает дискуссии среди ученых, законодателей и практиков о том, следует ли признавать ИИ субъектом права или ограничивать его статус объектом правоотношений. Актуальность данной темы обусловлена стремительным внедрением ИИ в различные сферы жизни, включая медицину, транспорт, финансы и даже искусство, что требует четкого правового регулирования для предотвращения потенциальных конфликтов и злоупотреблений [1, 2].

Целью данной статьи является анализ правового статуса искусственного интеллекта с точки зрения его признания в качестве субъекта или объекта права. Для достижения этой цели поставлены следующие задачи:

1. Исследовать существующие подходы к определению ИИ в юридической науке и законодательстве.
2. Проанализировать аргументы за и против признания ИИ субъектом права.
3. Рассмотреть практические аспекты правового регулирования деятельности ИИ, включая вопросы ответственности и авторства.

Методологическую основу исследования составляют методы анализа и синтеза, сравнительно-правовой метод, а также историко-правовой подход, позволяющий проследить эволюцию взглядов на правовой статус ИИ. В работе также используются материалы международных организаций, таких как Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС), и национальных законодательных актов, включая Национальную стратегию развития искусственного интеллекта в России [3].

Традиционно ИИ рассматривается как объект права, что соответствует действующему законодательству большинства стран. В соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации (ГК РФ), ИИ, будучи комплексом технологических решений, относится к результатам интеллектуальной деятельности или средствам индивидуализации (ст. 1225 ГК РФ). Такой подход подчеркивает инструментальную природу ИИ, который создается и используется человеком для решения конкретных задач [5].

Анализ патентной практики показывает, что ИИ часто регистрируется как изобретение или программа для ЭВМ. Например, по данным ВОИС, с 1956 года подано более 340 тыс. патентных заявок в области ИИ, причем лидерами являются США и Китай [1]. Это подтверждает, что ИИ воспринимается как объект интеллектуальной собственности, права на который принадлежат его разработчикам или владельцам.

Однако такой подход сталкивается с проблемами, когда ИИ начинает действовать автономно. Например, создание

произведений искусства или принятие решений в критических ситуациях (например, в автономном транспорте) вызывает вопросы о том, кто несет ответственность за такие действия [6]. В таких случаях классификация ИИ исключительно как объекта права становится недостаточной.

Сторонники признания ИИ субъектом права акцентируют внимание на его способности к автономному функционированию и принятию решений. Понкин и Редькина [2] определяют ИИ как «искусственную сложную кибернетическую систему, обладающую свойствами субстантивности и автономности», что сближает его с традиционными субъектами права, такими как юридические лица.

В Европейском Союзе обсуждается концепция «электронного лица», которая предполагает наделение ИИ ограниченной правосубъектностью. Например, в проекте Регламента ЕС об искусственном интеллекте [7] предлагается рассматривать ИИ как систему, способную генерировать решения, влияющие на окружающую среду [8]. Это подчеркивает необходимость адаптации правовых норм к новым реалиям.

Ключевым аргументом является также вопрос ответственности. Если ИИ причиняет вред, классический подход возлагает ответственность на разработчика или владельца. Однако в случаях, когда вред вызван самообучением ИИ, такое решение может быть несправедливым. Например, аварии с участием автономных автомобилей демонстрируют сложность установления вины [5]. Наделение ИИ частичной правосубъектностью позволило бы распределить ответственность более справедливо.

Правовое регулирование ИИ должно учитывать баланс между инновациями и защитой общественных интересов. В России Национальная стратегия развития ИИ до 2030 года закрепляет подход к ИИ как к объекту права, но одновременно предусматривает разработку специальных норм для его использования [9]. Это соответствует глобальные тенденции, где большинство стран пока избегают признания ИИ субъектом права.

Одним из перспективных направлений является создание «контракта безопасности», предлагаемого Васильевым и Печатновой [10], что предполагает добровольное ограничение прав пользователей ИИ в обмен на гарантии безопасности. Такой подход мог бы стать компромиссом между необходимостью регулирования и стимулированием технологического прогресса.

Правовой статус искусственного интеллекта остается дискуссионным вопросом, требующим дальнейшего изучения и адаптации законодательства. В настоящее время ИИ преимущественно рассматривается как объект права, но его растущая автономность и способность к самообучению ставят под сомнение этот подход. Признание ИИ субъектом права, хотя бы в ограниченной форме, могло бы решить проблемы ответственности и авторства, но требует балансировки между инновациями и защитой общественных интересов. Будущее регулирование, вероятно, пойдет по пути создания гибридных моделей, сочетающих элементы как объектного, так и субъектного статуса ИИ.

Литература:

1. Оморев, Р. О. Правовые аспекты искусственного интеллекта / Р. О. Оморев. — Текст: непосредственный // Россия: тенденции и перспективы развития. — 2023. — №. — С. 97–99.
2. Понкин, И. В. Искусственный интеллект с точки зрения права / И. В. Понкин, А. И. Редькина. — Текст: непосредственный // Вестник РУДН. — 2018. — № Т. 22. № 1. — С. 91–109.
3. Минбалеев, А. В. Понятие «искусственный интеллект» в праве / А. В. Минбалеев. — Текст: непосредственный // Вестник Удмуртского университета. — 2022. — № Т. 32, вып. 6. — С. 1094–1099.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ст. 1225 // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 52 (1 ч.). — Ст. 5496.
5. Милинчук, Д. С. Искусственный интеллект в праве: тенденции, угрозы и перспективы права на современном этапе развития общества / Д. С. Милинчук. — Текст: непосредственный // Имущественные отношения в РФ. — 2021. — № № 7 (238). — С. 70–76.
6. Синельникова В. Н. Правовой режим результатов интеллектуальной деятельности, созданных саморазвивающимися программами // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 320–328.
7. Европейский Союз. Регламент (ЕС) № 2021/0106 об искусственном интеллекте (Искусственный интеллект, ИИ): [принят Европейским парламентом и Советом 21 апреля 2021 г.] // Официальный журнал Европейского Союза. — 2021. — L 170. — С. 1–33.
8. Марченко А. Ю. Правовой анализ новейшего законодательства ЕС о применении технологий искусственного интеллекта: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 209 с.
9. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. — 2019. — № 41. — Ст. 5674.
10. Васильев, А. А. Искусственный интеллект и право: проблемы, перспективы / А. А. Васильев, Ю. В. Печатнова. — Текст: непосредственный // Российско-Азиатский правовой журнал. — 2020. — №. — С. 14–18.

Судебная практика и практика контрольно-надзорных органов по делам об уклонении от уплаты налогов и легализации (отмыванию) денежных средств в России

Сергиенко Никита Григорьевич, студент
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

В статье исследуется современная судебная практика и деятельность контрольно-надзорных органов Российской Федерации по делам об уклонении от уплаты налогов и легализации (отмыванию) денежных средств. Анализируется судебная практика, статистика по уголовным делам, обзоры ФНС, Росфинмониторинга и арбитражных судов. Особое внимание уделяется коллизиям, возникающим при совмещении составов налоговых преступлений и легализации доходов, а также проблемам доказательной базы, срокам давности и расширению инструментов пресечения (арест активов, блокировка банковских счетов). Делается вывод о необходимости дальнейшей координации между следственными органами, судами и налоговой службой, совершенствования нормативной базы и внедрения риск-ориентированных методов расследования для повышения финансовой дисциплины и предотвращения отмывания средств.

Ключевые слова: судебная практика, уклонение от налогов, легализация доходов, уголовная ответственность, арбитражные споры.

В условиях активной цифровизации экономики и ужесточения финансового контроля вопрос пресечения «серых» схем становится особенно актуальным, ибо именно они подрывают налоговую дисциплину и создают возможности для последующего «обеления» незаконных доходов.

Как отмечает В.Н. Романов [1], эти меры направлены на укрепление дисциплины в сфере налогообложения и пресечение использования различных «серых» схем при обращении денежных средств, однако на практике часто приводят к комплексным уголовным делам, в которых фигурантам могут одновременно вменяться и неуплата налогов, и легализация доходов, приобретённых незаконным путём.

Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 26.11.2019 № 48 [2] дал подробные разъяснения о квалификации подобных деяний и установил принципы разграничения составов, а также подчеркнул, что суды должны всесторонне исследовать признаки умысла и способы совершения преступления. Примечательно, что в названных нормах Уголовного кодекса предусматривается возможность освобождения от уголовной ответственности при условии уплаты сумм недоимки, пеней и штрафов: законодатель исходит из того, что возмещение ущерба государству может служить основанием для смягчения правовых последствий в отношении лица, впервые совершившего подобное деяние.

Однако освобождение от ответственности за уклонение от уплаты налогов не исключает возможности продолжения уголовного преследования по статьям 174 и 174.1 УК РФ, посвящённым легализации (отмыванию) денежных средств и иного имущества, добытых преступным путём. В отличие от статей о налоговых преступлениях, нормы о легализации не содержат прямых положений, позволяющих прекратить дело при полном возмещении ущерба, и не предусматривают «автоматического» освобождения от ответственности. Статья 174 УК РФ регулирует си-

туацию, когда лицо совершает финансовые операции и сделки с денежными средствами, полученными преступным путём третьими лицами, в целях придания им вида законного владения. Статья 174.1 УК РФ описывает идентичные действия, совершённые непосредственным выгодоприобретателем, то есть тем, кто сам получил преступный доход. В обоих случаях ключевым элементом объективной стороны является цель придания правомерного вида владению и распоряжению указанными средствами или имуществом. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 07.07.2015 № 32 (в ред. 26.02.2019) [3] разъяснил особенности привлечения к ответственности по указанным статьям, подчёркивая, что доказательственная база должна указывать не только на незаконное происхождение доходов, но и на умысел придать им легитимный статус.

Правоприменительная практика, складывающаяся в судах общей юрисдикции, показывает, что уголовные дела, связанные с уклонением от уплаты налогов и легализацией денежных средств, нередко взаимосвязаны. Фигуранты подобных дел могут, с одной стороны, привлекаться за неуплату налогов, что позволяет им воспользоваться правом погашения недоимки и освобождения от уголовной ответственности по статьям 198 или 199 УК РФ. С другой стороны, орган расследования при наличии соответствующих доказательств может инкриминировать те же суммы в качестве финансовой базы для последующей легализации, когда «сэкономленные» на налогах денежные средства смешиваются с иными нелегальными доходами. Такая ситуация особенно характерна для бизнеса в сфере интернета и блогосферы, где предприниматели и частные лица располагают различными способами получить значительный доход, не всегда учитывая фискальные требования. Поэтому, как подчёркивает В.Н. Романов, если лицо признаёт свою вину в уклонении от уплаты налогов и оплачивает все причитающиеся суммы, оно тем самым

официально подтверждает факт нарушения закона и невольным образом может создать дополнительную доказательственную базу для обвинения в легализации (отмывании) денежных средств, если следствие сочтёт их происхождение преступным [1].

Как указывает Р.Ф. Бакиров [4], анализ статистики по статьям 198–199.2 УК РФ свидетельствует о нестатистичности борьбы с указанными преступлениями: не только высок уровень прекращённых дел, но и отмечаются многочисленные пробелы в законодательстве, которые способствуют созданию «изощрённых» способов ухода от фискальных обязательств. Проблема усугубляется несвоевременным возбуждением уголовных дел и существенным процентом их прекращения по истечении сроков давности, что затрудняет итоговое привлечение виновных лиц к ответственности.

При рассмотрении вопросов взаимодействия следственных органов, прокуратуры и налоговых органов заметно, что одним из основных правовых оснований для начала уголовного преследования являются материалы, поступающие из инспекций Федеральной налоговой службы. Однако, как отмечается в исследованиях Л.П. Голубенковой и О.В. Волковой [5], отсутствие унифицированного перечня таких материалов и чёткого указания на источники сбора доказательств нередко приводит к затягиванию процессуальной проверки и вынесению отказных постановлений по причине недостатка подтверждающих документов.

Практика показывает, что мера пресечения в виде наложения ареста на имущество и денежные средства должников, предусмотренная статьёй 115 УПК РФ, становится всё более востребованной. По данным, приводимым Р.Ф. Бакировым, возрастание суммы возмещённого ущерба во многом связано именно с необходимостью быстро установить и изъять активы, позволяющие компенсировать непоступившие налоги в случае обвинительного приговора или судебных решений о выплате штрафов. Тем не менее следственные органы неоднократно указывают, что работа налоговых инспекций ориентирована лишь на формальные признаки, тогда как полный сбор доказательств умышленного характера неуплаты остаётся вне поля зрения специалистов ФНС. Как указывает Н.В. Ахтырская [6], само понятие «уклонение» порождает в правовой практике споры о том, относится ли оно к действиям (бездействию), непосредственно повлекшим неуплату, или охватывает только умышленное введение в заблуждение налоговых органов о подлежащих начислению суммах.

В обзоре судебной практики В.В. Бутовского [7] рассматриваются дела, демонстрирующие проблемы противодействия легализации доходов. Банки могут блокировать счета клиентов при подозрении на незаконные операции, но должны доказать наличие оснований, суды подчёркивают необходимость пропорциональности действий кредитных организаций. В крупных делах проверяется реальность хозяйственной деятельности контрагентов, отсутствие материально-технической базы или несоответствие оборотов налоговой отчётности приводит к отказам в операциях.

Согласно материалам «Отчёта о работе Росфинмониторинга / 2023» [8], служба действует как национальный центр оценки угроз, возникающих при проведении финансовых операций. В 2023 году отмечен рост рисков, связанных с использованием «дропов», социальной инженерией и криптовалютой. Расширены основания для исключения недобросовестных организаций и введён контроль за операциями с цифровым рублём.

В «Обзоре практики применения арбитражными судами положений законодательства о налогах и сборах» (13.12.2023) [9] подчёркивается, что при рассмотрении споров приоритетное внимание уделяется реальности хозяйственных операций. Транзитное перечисление денежных средств с последующим «обналичиванием» признаётся необоснованной налоговой выгодой, а формальные документы без фактического исполнения работ не подтверждают добросовестность налогоплательщика.

Постановление Конституционного Суда РФ от 25.10.2024 № 48-П [10] указало на необходимость контроля за соблюдением шестимесячного срока при обращении налогового органа к мировым судьям о судебном приказе. Нарушение сроков может способствовать формированию незаконных схем уклонения и последующей легализации доходов.

Таким образом, судебная практика и деятельность надзорных органов в России демонстрируют растущее внимание к комплексным финансовым преступлениям. Несмотря на активизацию ФНС и Росфинмониторинга, сохраняются пробелы в законодательстве, затяжные процессуальные действия и сложности с доказательственной базой. Для повышения эффективности борьбы необходимы унификация обмена данными, совершенствование нормативных актов и внедрение риск-ориентированных методов расследования, что укрепит финансовую дисциплину и снизит масштабы отмывания средств.

Литература:

1. Романов В. Н. Уклонение от уплаты налогов и легализация преступных доходов // Электрон. ресурс. URL: <https://www.advokat-romanov.com/main/+news?id=68> (дата обращения: 24.01.2025).
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления».
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32 (ред. 26.02.2019) «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретённых преступным путём».

4. Бакиров Р. Ф. Обзор практики привлечения к ответственности за уклонение от уплаты налогов в бюджеты Российской Федерации // Вестник экономики, управления и права. 2023. Т. 16. № 1. С. 49–61.
5. Голубенкова Л. П., Волкова О. В. Сравнительно-правовой анализ российского и зарубежного законодательства об уклонении организации от уплаты налогов в части НДС // Рациональное общество в современном мире. Материалы МНПК. 2018. С. 137.
6. Ахтырская Н. В. Уклонение от уплаты налогов, сборов и (или) страховых взносов: уголовно-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2018. 23 с.
7. Бутовский В. В. Обзор судебных актов по противодействию легализации (отмыванию) доходов // Электрон. ресурс. URL: https://sroaas.ru/upload/iblock/566/z5o7hepyml32czfswtyaljy97gszhzp9/Obzor-praktiki-po-115_fz_vkl-2022-1_2-i3-kv-2023.docx (дата обращения: 24.01.2025).
8. Росфинмониторинг. Публичный отчет за 2023 год // Электрон. ресурс. URL: https://www.fedsfm.ru/content/files/documents/публичный_%20отчет_%20рфм_%202023.pdf (дата обращения: 24.01.2025).
9. Обзор практики применения арбитражными судами положений законодательства о налогах и сборах, связанных с оценкой обоснованности налоговой выгоды (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.12.2023).
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.10.2024 № 48-П «По делу о проверке конституционности абз. 2 п. 4 ст. 48 Налогового кодекса Российской Федерации».

К вопросу о юридической сущности информации

Серова Анастасия Александровна, студент

Научный руководитель: Голованов Николай Михайлович, кандидат юридических наук, профессор
Гатчинский государственный университет

В статье рассмотрена информация как опосредованный объект гражданского права или объект второго уровня, который является содержанием тех объектов, которые прямо указаны в статье 128 ГК РФ.

Ключевые слова: информация, объект гражданских прав, нематериальное благо.

На протяжении долгого времени в науке гражданского права ведутся дискуссии по вопросу о том, является ли информация самостоятельным объектом гражданских прав или она таковой не является. Соответственно, сформулированы четыре точки зрения на данную проблему. Согласно первой, информация является объектом гражданских прав и договорных отношений, поскольку имеет тесную связь с товаром и на неё можно распространить нормы об объекте вещного права. Аргументируя приведённую точку зрения, Ю. Д. Попова отмечает, что информация «в полной мере соответствует признакам, которые присущи другим видам объектов гражданских прав, а именно дискретность, юридическая привязка и ценность» [4, с. 276]. На первый взгляд, такая позиция может показаться логичной, так как информация действительно может быть обменена, куплена или продана. Однако необходимо учитывать, что информация как таковая не имеет физической формы и, следовательно, не может рассматриваться в традиционных рамках вещного права. Это ставит под сомнение обоснованность мнения в отношении информации как объекта гражданского права.

В соответствии со второй точкой зрения, информация представляет собой интеллектуальную собственность. Сторонники такого подхода к информации считают, что с технической точки зрения информация представляет собой данные, которые формируют любой цифровой

объект (его форму), в том числе информационный ресурс, способный существовать только в цифровой среде. Использование такого объекта возможно только с помощью технических средств. Информация может иметь юридическое значение, если представлена «в виде сведений, составляющих содержание результата интеллектуальной деятельности, например произведения» [1, с. 101]. Этот подход акцентирует внимание на том, что информация как продукт человеческой мысли и творчества должна защищаться специальными правовыми режимами. Данный аспект действительно важен, особенно с развитием технологий и увеличением объема информации, которая может быть использована как ресурс.

Третья точка зрения заключается в следующем: информация является объектом гражданских прав только в случае ее отражения (закрепления) на материальном носителе. А. О. Городов при этом подчёркивает, что информация относится к, так называемым, нетрадиционным объектам гражданских прав, материальная и нематериальная стороны которой придают ей «качества блага особого рода», что проявляется в связи информации с конкретным материальным носителем, на котором она зафиксирована и которому инвариантна в данный момент времени. Товарными свойствами обладают оба элемента: сам носитель и зафиксированные на нем сведения [2, с. 99]. Представленная точка зрения имеет практическое ос-

нование, поскольку, когда информация записывается на материальный носитель, она приобретает определённую юридическую силу и значение. Однако в современном информационном обществе, когда данные могут быть переданы в цифровом формате и используются во множестве различных контекстов, это ограничение кажется устаревшим.

Сторонники четвёртой точки зрения акцентирует внимание на информации как нематериальном благе, право на которую закреплено в ч. 4 ст. 29 Конституции РФ. На информацию распространяется общерегулятивные положения ст. 150 ГК РФ о нематериальном благе, которое, как указывает В. В. Кресс, «осуществляется каждым человеком самостоятельно и свободно независимо от каких-либо условий» [3, с. 36]. Этот подход наиболее актуален с точки зрения современного понимания ценности информации, особенно в эпоху цифровизации. Информация действительно не обладает материальной формой, однако её воздействие на экономику и общество, а также её значение для предпринимательства, делают её исключительно важным активом. При этом понимание информации как нематериального блага позволяет более гибко подходить к её правовой защите в экономическом обороте, но только в увязке с тем объектом гражданских прав, с которым она тесно связана.

Отметим, что в период с 1995 по 2007 гг. информация и сама относилась к объектам гражданских прав, что прямо следовало из содержания статьи 128 ГК РФ. В январе 2008 года в данную статью были внесены изменения, которые привели к исключению из неё упоминания об информации. Некоторые исследователи обосновывают это тем, что объектом гражданского права является только та информация, которая попадает под признаки секрета производства (ноу-хау) и относится к охраняемым результатам интеллектуальной деятельности. А. Г. Тухватулина объясняет это стиранием границ между информацией и результатами интеллектуальной деятельности, что «собственно, и стало причиной исключения информации из перечня объектов гражданских прав» [5, с. 250].

По нашему мнению, несмотря на отдельные положительные аспекты рассмотренных точек зрения относительно информации, полностью согласиться ни с одной из них не представляется возможным. Думается, что информация должна рассматриваться как опосредованный объект гражданских прав, поскольку по своей сущности она является содержанием тех объектов, которые прямо указаны в статье 128 ГК РФ. Исходя из этого, целесообразно выделить объекты первого уровня, к которым относятся нематериальные блага, и рассматривать информацию как объект второго уровня, который представляет собой содержание этих более широких категорий, закрепленных в статье 128 ГК РФ.

Таким образом, информация вполне обоснованно не может рассматриваться в качестве самостоятельного объекта гражданского права. Её правовой статус зависит от тех объектов первого уровня, частью которых она является, а, следовательно, она имеет опосредованный характер и в этом качестве влияет на создание, использование и защиту других объектов гражданских прав, вторым уровнем которых она является.

Такое признание сущности информации позволит более эффективно регулировать её использование, защиту и коммерциализацию, предоставляя необходимые правовые инструменты для соответствующих участников экономических отношений. Выделение информации как объекта второго уровня вызывает необходимость разработки законодательства, охватывающего её специфический правовой статус и способы защиты, учитывающие её уникальные свойства, и в частности отсутствие материальной формы и возможность многократного использования.

По нашему мнению, информацию можно назвать объектом гражданских прав только в том случае, если она отнесена к какому-либо объекту, включенному в перечень статьи 128 ГК РФ, например, интеллектуальная собственность, нематериальное благо и т. д. Поэтому актуальным остается вопрос об информации как самостоятельном объекте гражданских прав и возможности ее включения в гражданский оборот.

Литература:

1. Бузова Н. В. Карелина М. М. Интеллектуальная собственность и информация в условиях технологического развития // Правосудие. 2020. Т. 2, № 2. С. 104–125.
2. Городов О. А. О нетрадиционных объектах гражданских прав // Правоведение. 2013. № 6 (311). С. 96–107.
3. Кресс В. В. Информация как объект гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 5 (162). С. 30–40.
4. Попова Ю. Д. Критерии отнесения информации к объекту гражданско-правового регулирования // Молодой ученый. 2022. № 52 (447). С. 273–276.
5. Тухватулина А. Г. Информация как объект гражданских прав // Вестник молодых ученых и специалистов Самарского университета. 2020. № 2 (17). С. 245–250.

Договор подряда: правоприменительная практика в гражданском праве России

Соколова Алевтина Владимировна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Данная статья посвящена проблемам и вопросам исследования арбитражного регулирования отношений субъектов предпринимательской деятельности в рамках договора подряда.

Ключевые слова: договор подряда, некачественный товар, продавец, гарантийный срок, недостаток товара, Российская Федерация, президиум Верховного суда Российской Федерации, товар.

В соответствии со ст. 702 Гражданского кодекса Российской Федерации под договором подряда понимается договор, по которому одна сторона (подрядчик) берет на себя обязательство по выполнению определенной работы, запрашиваемой другой стороной по договору (заказчик), и сдать результат такой работы заказчику, а заказчик берет обязательство произвести приемку результата работ и оплатить его. Существенными условиями договора, принимая во внимание разъяснения от Высшего арбитражного суда Российской Федерации, будут являться предмет договора и срок выполнения работ.

Однако, несмотря на то, что в соответствии с приведенным выше разъяснением предмет договора относится к существенным условиям, в Гражданском кодексе Российской Федерации предмет договора не определен конкретно.

Основной целью договора подряда является обеспечение интересов обеих сторон. Поручая работу подрядчику, заказчик хочет обезопасить себя от возможных рисков и проблем, связанных с выполнением задания. Исполнитель в свою очередь хочет получить точно определенный заказчиком объем работы, который ему следует выполнить, и защиту от необоснованных требований заказчика.

Поведение заказчика за неисполнение своих обязанностей составляет содержание встречных обязательств, предусмотренных ст. 719 Гражданского кодекса РФ. Если подрядчик не выполняет свои обязательства, он несет ответственность за производственный ущерб или другие возможные убытки, причиненные работодателю. Иными словами, обязанности сторон по договору подряда включают в себя обязанность качественно и в срок выполнить работу, обеспечить безопасность работников, оплатить работу и возместить ущерб, причиненный ненадлежащим исполнением условий договора.

По общему принципу, договор считается заключенным, если сторонами достигнуто соглашение по всем основным условиям договора.

Договор подряда имеет интересную особенность: помимо того, что он регулируется Гражданским кодексом, стороны «защищены» нормами закона «О защите прав потребителей».

На текущий момент времени унифицированный подход (как теоретический, так и практический) в части

трактовки и понимания предмета договора подряда отсутствует. Такое положение регулярно вызывает ряд проблем при составлении и согласовании договоров коммерческими субъектами. Возможным способом решения выявленных расхождений в подходах по трактовке предмета договора подряда могли бы стать соответствующие разъяснения Верховного суда Российской Федерации, который бы сообщил, что под предметом договора подряда стоит понимать определенные работы, имеющие о вещественный результат, и указал критерии, определяющие такую о вещественность.

Другой опцией решения указанных расхождений в трактовке предмета договора могло бы быть внесение в Гражданский кодекс Российской Федерации корректировок, определяющих и конкретизирующих понятие предмета договора подряда.

Рекомендуется дополнить существующие положения Гражданского кодекса РФ и, при необходимости, других нормативных правовых актов новыми положениями, перечисляющими наиболее важные условия изменения твердых оценок и гарантий контрагента. Это очень важно, поскольку сегодняшняя практика складывается таким образом, что у заказчика появляется все больше прав и гарантий, а подрядчик должен всегда предоставлять сверхубедительные доказательства своей добросовестности.

В работе была проанализирована судебная практика договоров подряда в отношении объектов культурного наследия.

Дело А66-17500/2022 Тверского арбитражного суда — иск на неосновательное обогащение.

Согласно ч. 1 ст. 1102 ГК РФ, лицо, которое без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество (приобретатель) за счет другого лица (потерпевшего), обязано возратить последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество (неосновательное обогащение).

Поскольку иное не установлено ГК РФ, другими законами или иными правовыми актами и не вытекает из существа соответствующих отношений, правила, предусмотренные гл. 60 ГК РФ, подлежат применению также к требованиям одной стороны в обязательстве к другой о возврате исполненного в связи с этим обязательством (п. 3 ст. 1103 ГК РФ).

Из названной нормы права следует, что неосновательным обогащением следует считать не то, что исполнено в силу обязательства, а лишь то, что получено стороной в связи с этим обязательством и явно выходит за рамки его содержания (п. 7 Обзора судебной практики Верховного суда Российской Федерации № 2 (2017), утвержденного Президиумом Верховного суда РФ 26 апреля 2017 г.).

Таким образом, из содержания указанных норм права следует, что для возникновения обязательства вследствие неосновательного обогащения необходимо наличие одновременно двух обстоятельств: обогащения одного лица за счет другого и приобретения или сбережения имущества без предусмотренных законом, правовым актом или сделкой оснований. При этом наличие указанных обстоятельств в совокупности должно доказать лицо, обратившееся с соответствующими исковыми требованиями.

Отсутствие доказанности истцом хотя бы одного из перечисленных выше условий исключает удовлетворение иска.

В рассматриваемом случае гражданские права и обязанности возникли из государственного контракта от 23 июля 2021 г. № 54, являющегося договором строительного подряда, правовое регулирование которого предусмотрено нормами гл. 37 ГК РФ.

В силу ч. 1 и ч. 5 ст. 720, ст. 753 ГК РФ, п. 14 Информационного письма Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 24 января 2000 г. № 51 «Обзор практики разрешения споров по договору строительного подряда» именно на заказчика возлагается обязанность принять выполненные работы по объему, стоимости и качеству.

В связи с изложенным истец должен был при приемке работ обнаружить завышение объема и стоимости выполненных работ и оговорить эти недостатки.

В материалы дела представлены акты о приемке выполненных работ, подписанные обеими сторонами без каких-

либо замечаний по объему, стоимости и качеству работ. Оплата работ, отраженных в актах, произведена заказчиком в полном объеме. Как следует из материалов дела, заказчик оплатил выполненные работы в размере твердой цены контракта, в которую также включен резерв на непредвиденные работы и затраты.

Из материалов дела установлено, что работы выполнены ООО в установленные сроки. Указанные работы заказчиком приняты по актам о приемке выполненных работ формы КС-2 без возражений и замечаний, акты выполненных работ формы КС-2 и справки о стоимости выполненных работ формы КС-3 подписаны.

Таким образом, работы, принятые и оплаченные заказчиком без заключения дополнительного соглашения, не подлежат возврату подрядчиком и не являются убытками, понесенными заказчиком.

Для повышения эффективности договоров подряда важно рассмотреть ключевые аспекты, которые могут снизить риск возникновения споров и разногласий между сторонами. Для рассмотрения данного вопроса предложено следующее.

1. Необходимо уделить внимание тщательной разработке технического задания. Это поможет избежать недопониманий и неоднозначностей в процессе выполнения работ.
2. Договор должен предусматривать механизмы контроля за ходом выполнения работ и соблюдением сроков. Это позволит оперативно реагировать на возможные задержки или недочеты и предотвращать конфликты.
3. Обязательное страхование необходимо для снижения рисков возможных убытков в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств сторонами.

Принятие этих мер поможет снизить вероятность возникновения споров по договорам подряда и обеспечит более гармоничные отношения между сторонами.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
2. Информационное письмо Президиума Высшего арбитражного суда РФ от 25.02.2014 № 165 «Обзор судебной практики по спорам, связанным с признанием договоров незаключенными». — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Информационное письмо Президиума Высшего арбитражного суда РФ от 24.01.2000 № 51 «Обзор практики разрешения споров по договору строительного подряда». — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Белов, В. А. Гражданское право : Актуальные проблемы теории и практики / В. А. Белов. — М. : Юрайт, 2019. — 661 с.
5. Самсонов, Д. Д. Особенности и правовая характеристика договора подряда / Д. Д. Самсонов // Вопросы студенческой науки. — 2022. — № 5 (69). — С. 269–273.

Административная ответственность за экологические правонарушения

Сухомлинова Мария Дмитриевна, студент

Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

В работе автором сформулирована позиция по проблеме определения понятий «административное правонарушение» и «административная ответственность».

Ключевые слова: правонарушение, окружающая среда, административная ответственность.

Широко используя категорию «экологическое правонарушение», законодатель, тем не менее, не приводит его нормативного определения. Не сформировано единой позиции относительно формулировки и трактовки данного понятия и в научной литературе. Так, например, С. А. Боголюбов оперирует понятием «экологическое правонарушение» [4, с. 37], Л. А. Деревянко использует термин «правонарушения в сфере экологии» [5, с. 17], В. Г. Абрамов — «административно-экологическое правонарушение» [2, с. 67].

Большинством ученых экологическое правонарушение понимается как противоправное, виновное деяние, которое причиняет вред и влечет за собой реальную угрозу причинения экологического вреда, либо нарушает права и законные интересы субъектов экологического права» [6, с. 97]. В свою очередь, административное экологическое правонарушение определяется как противоправное, виновное деяние, которое посягает на установленный экологический правопорядок, здоровье и экологическую безопасность население и причиняет вред окружающей природной среде или содержит реальную угрозу причинения, и за которое предусмотрена административная ответственность [3, с. 97].

Анализ приведенных определений позволяет констатировать, что их конструкция в основе своей имеет нормы Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ) [1], а также понятия «охрана окружающей среды», «экологическая безопасность», «природопользование». Традиционно данные понятия образуют триаду общественных отношений, которые составляют предмет экологического права.

Таким образом, экологическое правонарушение следует определять как противоправное, виновное деяние, посягающее на общественные отношения в сфере охраны окружающей среды и природопользования, обеспечения экологической безопасности.

Административные правонарушения в области охраны окружающей среды и природопользования нашли отражение в главе 8 КоАП РФ, состоящей в действующей редакции из 46 статей. О правонарушении можно говорить только тогда, когда имеются все элементы, из которых оно складывается: объект правонарушения, объективная сторона, вина, субъективная сторона и субъект, то есть наличие состав правонарушения.

Важным средством охраны законных интересов государства, общества, инструментом защиты правопорядка,

осуществляемой посредством борьбы с нарушениями экологического законодательства является Административная ответственность за совершение правонарушений в сфере охраны окружающей среды. Специфика административной ответственности за нарушение экологического законодательства состоит в том, что она имеет два аспекта: позитивный и негативный [7, с. 13].

Позитивный аспект административной ответственности за экологические правонарушения проявляется в обязанности точно соблюдать требования законодательства об охране окружающей среды — системы норм, предусмотренных в экологическом, природоресурсном законодательстве.

Ретроспективный (негативный) аспект административной ответственности в рассматриваемой области проявляется обязанности понести наказания, предусмотренные в нормах административного, уголовного и иного законодательства для физических и юридических лиц, а также обязанности возместить вред, причиненный лесам вследствие нарушения лесного законодательства.

Еще одной специфической чертой административной ответственности за экологические правонарушения следует признать ее двойственный характер, что проявляется в единстве негативной и позитивной ответственности в отношении одного субъекта. Иными словами, нормы устанавливающие требования в области охраны окружающей среды для лица одинаковы как до, так и после совершения экологического правонарушения. Они не меняются в момент совершения экологического правонарушения.

И если до совершения правонарушения виновное лицо соблюдало установленные требования законодательства в области охраны окружающей среды под страхом наступления ответственности, то после его совершения ведущими нормами становятся как раз нормы административного законодательства, а бланкетной основой состава правонарушения выступают нормы экологического и природоресурсного законодательства. Эта связь нерушима. Поэтому юридическая ответственность и сохраняет свое единство в отношении каждого лица, совершившего экологическое правонарушение.

Особенностью административной ответственности за совершение правонарушений в сфере охраны окружающей среды также следует признать публичный характер. Он проявляется в том, что административная ответственность служит гарантией соблюдения общественных, го-

сударственных и муниципальных интересов в сфере рационального использования и сохранения экологической сферы, то есть удовлетворения публичных интересов. Именно через нормы ответственности за нарушение экологического и природоресурсного законодательства опосредованно обеспечивается надлежащее использование окружающей средой и природными ресурсами.

Таким образом, административная ответственность за экологические правонарушения — это самостоятельный вид административной ответственности, выражающийся в применении компетентным органом государства мер административного взыскания за совершение экологического правонарушения.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 07.06.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1.
2. Абрамов, В. Г. Понятие и социальная сущность объекта и предмета экологического правонарушения // Право: история, теория, практика: сборник статей и материалов. — Брянск: ГБУ, 2007. — С. 67–73.
3. Анисимов, А. П. Экологическое право России: учебник. — Москва: Юрайт, 2024. — 432 с.
4. Боголюбов, С. А. Экологическое право: учебник. — Москва: Юрайт, 2023. — 318 с.
5. Деревянко, Л. А. Административные правонарушения в сфере экологии: автореф. дис.... канд. юрид. наук. — Москва, 2003. — 24 с.
6. Крассов, О. И. Экологическое право: учебник. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. — 528 с.
7. Уркаев, О. О. Особенности юридической ответственности за нарушение лесного законодательства: автореф. дис.... канд. юрид. наук: 5.1.2. — Саратов, 2023. — 27 с.

Понятие «административная ответственность за экологические правонарушения» является более узким по отношению к термину «административная ответственность» и тесно связано с понятием «экологического правонарушения» или «правонарушения в экологической сфере», которое выступает основанием такой административной ответственности.

Специфическими признаками административной ответственности за экологические правонарушения следует признать:

- 1) имеет позитивный и негативный аспекты;
- 2) двойственный характер;
- 3) публичный характер.

Плата за негативное воздействие на окружающую среду как экономический механизм правового регулирования экологических правоотношений

Сухомлинова Мария Дмитриевна, студент

Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

В статье проводится анализ проблемы определения правовой природы платы за негативное воздействие на окружающую среду.

Ключевые слова: плата за негативное воздействие, правовая природа, экологическое регулирование хозяйственной деятельности.

Одним из основных инструментов экономического стимулирования реализации природопользователями мер по уменьшению загрязнения окружающей среды в соответствии с требованиями законодательства является плата за негативное воздействие на окружающую среду (далее — ПНВОС). Порядок, условия и основания ее взимания урегулированы положениями ст. ст. 16–16.6 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [1]. Правовая природа указанных платежей была определена в ряде решений Конституционного Суда РФ, анализ которых позволяет констатировать, что: 1) цель установления таких платежей — обеспечение конституционного права каждого на благоприятную

окружающую среду и обеспечение экологической безопасности; 2) служит необходимым условием получения природопользователями права осуществлять деятельность, оказывающую негативное воздействие на окружающую среду; 3) носит индивидуально-возмездный и компенсационный характер и является фискальным сбором, а не налогом.

Плата взимается за следующие виды негативного воздействия на окружающую среду: выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух стационарными источниками; сбросы загрязняющих веществ в водные объекты; хранение, захоронение отходов производства и потребления (размещение отходов). По общему правилу

ПНВОС обязаны вносить юридические лица и индивидуальные предприниматели, осуществляющие на территории России, ее континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне хозяйственную и (или) иную деятельность, оказывающую негативное воздействие на окружающую среду.

Таким образом, ПНВОС является экономическим механизмом, применяемым в рамках экологических правоотношений в целях обеспечения общественной безопасности и гарантирования реализации конституционного права на благоприятную окружающую среду [3, с. 117]. Она является публично-правовым платежом неналогового характера и выполняет фискальную функцию.

Между тем, основной и имеющей приоритетное значение следует признать компенсационную функцию ПНВОС. Именно это функция обладает признаком целевого характера отчуждаемых денежных средств, что позволяет их использовать именно для проведения мероприятий по восстановлению благоприятного состояния окружающей среды и возмещения ущерба, причиненного природной среде и ее компонентам, а также здоровью человека. Уместно сказать, что компенсационная функция ПНВОС на настоящий момент утратила свое ключевое значение, тем самым отсутствует целевой характер денежных средств, вносимых в счет платы за загрязнение окружающей среды.

Таким образом, можно констатировать, что существенным недостатком правового регулирования ПНВОС является замена компенсационной функции фискальной. Однако последняя не может в полном объеме обеспечить реализацию задачи снижения негативного воздействия на окружающую среду. Следовательно, существует противоречие между собственно идеей ПНВОС и фактической ее реализацией.

В Основах государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 г. [2] на ПНВОС возлагается стимулирующая функция, которая предполагает с точки зрения содержания поощрение хозяйствующих субъектов, чья деятельность связан с загрязнением окружающей среды, на снижение уровня подобного негативного воздействия на окружающую среду. Реализация стимулирующей функции осуществляется посредством установления си-

стемы дифференцированных ставок по каждому загрязняющему веществу и понижающих коэффициентов. Такое законодательное установление призвано способствовать повышению заинтересованности хозяйствующих субъектов в проведении мероприятий, направленных на снижение степени негативного воздействия на окружающую среду и внедрению наилучших доступных технологий. Чем меньше оказанного негативного воздействия на окружающую среду, тем меньше размер платежей за загрязнение окружающей среды, а значит и в целом финансовая нагрузка на предприятие. Кроме ранее обозначенных функций — фискальной, компенсационной и стимулирующей — ПНВОС выполняет также карательную функцию [4, с. 32]. Ее сущностное содержание составляет постулат о применении к хозяйствующему субъекту санкций в случае превышения предельно допустимых норм загрязнения окружающей среды.

Таким образом, плата за негативное воздействие на окружающую среду — это подлежащая зачислению в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации сумма, вносимая в установленном законом порядке и размерах юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, осуществляющими на территории Российской Федерации, континентальном шельфе Российской Федерации и в исключительной экономической зоне Российской Федерации хозяйственную и (или) иную деятельность, оказывающую негативное воздействие на окружающую среду: выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух стационарными источниками; сбросы загрязняющих веществ в водные объекты; хранение, захоронение отходов производства и потребления (размещение отходов), в том числе складирование побочных продуктов производства, признанных отходами, хранение вскрышных и вмещающих горных пород, признанных отходами производства и потребления.

Плата за негативное воздействие на окружающую среду является применяемых в рамках экологических правоотношений в целях обеспечения общественной безопасности и гарантирования реализации конституционного права на благоприятную окружающую среду. Она является публично-правовым платежом неналогового характера и выполняет фискальную, компенсационную, стимулирующую и карательную функции.

Литература:

1. Федеральный закон от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 2. — Ст. 133.
2. Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года: утверждены Президентом РФ 30.04.2012 г. — URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 10.06.2025).
3. Демичев, А. А. Экологическое право: учебник. — Москва: Прометей, 2017. — 348 с.
4. Иванов М. О. О трансформации платы за негативное воздействие на окружающую среду в экологический налог // Имущественные отношения в Российской Федерации. — 2024. — № 6. — С. 31–44.

Понятие экологических преступлений

Сухомлинова Мария Дмитриевна, студент

Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

В работе автором на основе анализа положений действующего законодательства и сложившихся в теории подходов к определению понятия «экологические преступления» сформулирована собственная позиция по данной проблеме.

Ключевые слова: преступление, окружающая среда, экологические преступления.

Данные статистики Министерства внутренних дел России за период январь–декабрь 2024 года зарегистрировано 13,6 тыс. экологических преступлений, что на 16,1 % меньше, чем за аналогичный период прошлого года [6]. Одновременно с этим, по данным Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации судами общей юрисдикции за 2024 г. рассмотрено 8 983 уголовных дел по экологическим преступлениям, из которых окончено вынесением приговора 7 594 уголовных дела. Для сравнения: в 2023 г. рассмотрено 4 548 уголовных дел по экологическим преступлениям, из которых окончено вынесением приговора 2 458 дел и осуждено 2 958 человек [7]. Данные обстоятельства во многом обусловлены отсутствием у судов единого подхода к квалификации предусмотренных в главе 26 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ [1]) преступлений. В соответствии с этим возникает потребность обращения к ключевому понятию в рассматриваемой области общественных отношений.

Сложившаяся система нормативных правовых актов в сфере экологических преступлений не содержит нормативного определения данной категории. Однако в теории уголовного права сложились различные подходы к трактовке этой категории. На протяжении развития общества объект экологических преступлений изменялся. До середины 1980-х устоявшейся была позиция, согласно которой объектом уголовно-правовой охраны являются: 1. порядок использования природных богатств; 2. природные богатства; 3. общественные отношения по использованию, сохранению и улучшению природной среды и другие. При этом нормативное определение понятия «экологическое преступление» приводилось в ст. 85 Закона РСФСР от 19 декабря 1991 г. № 2060–1 «Об охране окружающей природной среды» (утратил силу), в которой под таковым понималось «общественно опасное деяние, посягающее на установленный в Российской Федерации экологический правовой порядок, экологическую безопасность общества и причиняющих вред окружающей природной среде и здоровью человека».

В структуре современного УК РФ выделена самостоятельная глава 26 «Экологические преступления», которая объединяет в себе 18 составов преступлений. Вместе с тем, отдельные статьи, предусматривающие составы экологических преступлений, расположены в других главах УК РФ (ст. ст. 226.1, 236, 358). Это еще в большей степени усиливает дискуссионность вопроса определения понятия «экологическое преступление».

О. Л. Дубовик под экологическим преступлением понимает предусмотренное уголовным законом и запрещенное под угрозой наказания виновное общественно опасное деяние (действие или бездействие), посягающее на окружающую среду и ее компоненты, рациональное использование и охрана которых обеспечивает оптимальную жизнедеятельность человека, экологическую безопасность населения и территорий, и состоящее в непосредственном противоправном использовании природных объектов (или противоправном воздействии на их состояние) как социальной ценности, что приводит к негативным изменениям качества окружающей среды, уничтожению, повреждению объектов» [3, с. 82]. Приведенное определение представляется весьма удачным и полным с теоретической точки зрения, поскольку содержит описание способов и последствий негативного воздействия на среду и ее компоненты. Наряду с этим отсутствие лаконичности определения в значительной степени снижает его восприятие.

Э. Н. Жевлаков определяет экологическое преступление как «общественно опасное, виновное, запрещенное уголовным законом под угрозой наказания деяние (действие или бездействие), посягающее на общественные отношения по охране окружающей природной среды, рациональному использованию ее ресурсов, обеспечению экологической безопасности государства и населения» [4, с. 7]. Безусловно, данная дефиниция имеет весьма важное значение, но на настоящий момент ее следует признать устаревшей, поскольку в законодательстве об охране окружающей среды термин «окружающая природная среда» не применяется.

По мнению Е. В. Виноградовой, экологические преступления — «это наказуемое по уголовному закону общественно опасное деяние, посягающее на экологическую безопасность и экологический правовой порядок и причинившее существенный вред природной среде или создавшее угрозу его наступления» [2, с. 17]. В. Д. Курченко пишет, что «экологическое преступление — это виновно совершенное общественно опасное деяние (действие или бездействие), причиняющее существенный вред охраняемым уголовным законом комплексным общественным отношениям по обеспечению экологической безопасности населения, рациональному использованию природных ресурсов и защите особо охраняемых природных территорий и иных важных объектов» [5, с. 12].

Исследование приведенных определений категории «экологические преступления» позволяет выделить два подхода: социальный (связан с определением в качестве объекта экологических преступлений общественных отношений в области обеспечения необходимых экологических условий для существования общества) и основанный на сочетании различных вариантов к определению объекта экологических преступлений (общественная безопасность, экологические правоотношения, рациональное использование природных ресурсов и другое).

Широкое распространение в последнее время получил подход, согласно которому в качестве объекта экологических преступлений следует рассматривать экологическую

безопасность. В соответствии с этим понятие «экологическое преступление» определяется через такие категории, как «преступления против природной среды», «преступления против природы», «преступления против рационального использования природных ресурсов» и др.

Руководствуясь сложившимися в теории уголовного права подходами к определению экологических преступлений, полагаем, что таковые следует трактовать как противоправное, виновное, уголовно наказуемое общественно опасное деяние (действие или бездействие), посягающее на отношения по обеспечению экологической безопасности населения и рациональному использованию природы и ее компонентов.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Виноградова Е. В. Преступления против экологической безопасности: автореф. дис.... д-ра юрид. наук. — Н. Новгород, 2002. — 46 с.
3. Дубовик О. Л. Экологические преступления: комментарий к главе 26 Уголовного кодекса Российской Федерации. — М., 1998. — 351 с.
4. Жевлаков, Э. Н. Экологические преступления: понятие, виды, проблемы ответственности: автореф. дис.... д-ра юрид. наук. — М., 1991. — 54 с.
5. Курченко В. Д. Проблемы применения норм о преступлениях против экологической безопасности населения: автореф. дис.... канд. юрид. наук. — Волгоград, 2000. — 23 с.
6. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2024 г. — [электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://мвд.рф/reports/item/41741442/>
7. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции // Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2024 г. — [электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=7096>.

Споры о правах детей: процессуальные особенности рассмотрения

Табарова Нилуфар Джамолиддиновна, студент магистратуры
Казанский (Приволжский) федеральный университет

В статье проанализированы вопросы, связанные с особенностями рассмотрения споров о правах детей. В статье проводится анализ правового статуса ребенка в гражданском процессе, споров о правах ребенка, участии при рассмотрении дел о правах детей прокурора и иных субъектов. Делается вывод о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства в исследуемой области.

Ключевые слова: несовершеннолетний, споры о детях, права детей, защита прав ребенка, суд, прокурор.

Одним из основных международных актов, формирующих основу государственной политики в отношении защиты прав детей, является Конвенция ООН о правах ребенка. В ней закреплена обязанность государства обеспечивать защиту ребенка и создавать условия для его полноценного и гармоничного развития [1]. Инструментом реализации данных гарантий являются разные государственные институты, в том числе, суды. Ввиду этого особенно актуально проанализировать ос-

новные вопросы судебного рассмотрения дел, затрагивающих права и интересы несовершеннолетних.

В первую очередь, следует рассмотреть вопрос о правовом статусе ребенка как участника судебных процессов. Отметим, что неопределенность его процессуального положения представляет собой одну из наиболее острых проблем процессуального права. Согласно ст. 56 СК РФ [2], несовершеннолетний, достигший 14 лет, вправе самостоятельно защищать свои права в суде. Однако реали-

зация данной нормы в действительности невозможна — отсутствие четко регламентированной процедуры подачи иска ребенком в процессуальном законодательстве приводит к тому, что суды возвращают заявления, ссылаясь на п. 3 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ [3], который исключает возможность подачи иска недееспособным лицом. Возникает вопрос, насколько обоснован такой подход.

Как следует из положений Конвенции ООН о правах ребенка, каждый ребенок рассматривается как самостоятельный субъект прав уже с момента рождения. Данную позицию поддерживают и российские ученые. Они отмечают, что гражданско-процессуальная правоспособность принадлежит каждому лицу с момента его появления на свет [4, с. 27]. В. В. Ярков предлагает признание за данной группой частичной дееспособности в гражданском процессе [7, с. 64].

На наш взгляд, представляется обоснованным подход, при котором суд обязан принять исковое заявление, поступившее от несовершеннолетнего, даже если он не достиг возраста 14 лет. Вполне вероятно, что ребенок не доверяет другим органам, опасается обращаться в полицию или органы опеки и рассчитывает именно на суд как на нейтральный механизм защиты своих прав. В таких случаях отказ в приеме заявления выглядит несправедливым.

Мы поддерживаем предложение о внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс РФ и закреплении права ребенка любого возраста обращаться в суд за защитой прав [6, с. 28]. Для этого потребует корректировка п. 3 ст. 135 ГПК РФ, а именно, исключение из числа оснований для возврата заявлений указания на недееспособность в тех случаях, когда заявление подано несовершеннолетним.

Примечательно, в национальном законодательстве до сих пор отсутствует легальное определение понятия «спор о детях», «спор о правах ребенка». Отсутствие данной дефиниции ученые рассматривают как серьезный законодательный пробел, затрудняющий эффективную правовую охрану детства, гарантированную Конституцией Российской Федерации. Так, одни исследователи обращают внимание на то, что «перечень споров, касающихся воспитания, определен в Семейном кодексе РФ». Между тем, нельзя утверждать, что указанный перечень охватывает весь спектр ситуаций, в которых затрагиваются интересы ребенка. Стремление законодателя перечислить типичные случаи вполне объяснимо; однако учесть всевозможные ситуации в силу их многообразия невозможно. В научной литературе предлагается классификация рассматриваемой категории споров. Ю. С. Соколовская выделяет, в частности, конфликты между родителями, живущими вместе или отдельно, между родителями и третьими лицами. Кроме того, к делам данной категории, по мнению автора, относятся вопросы изменения фамилии, установления происхождения, правовые конфликты, возникающие при оформлении опеки, усыновления и патроната [5, с. 8]. Итак, категория «споров о детях» охватывает обширный и разнородный круг дел,

каждый из которых требует индивидуального подхода при рассмотрении.

Обычно несовершеннолетний не выступает в качестве истца при рассмотрении споров, касающихся его судьбы, а его мнение принимается судом как свидетельское показание. Между тем, данная позиция вызывает сомнения. Ребенок, затронутый сутью спора, является не сторонним наблюдателем, а ключевой фигурой процесса. Мы считаем, что его следует признать активным участником дела; объяснения ребенка нельзя приравнивать к свидетельским показаниям. Отметим, что институт дачи объяснений несовершеннолетним остается недостаточно урегулированным.

Действующее законодательство указывает на круг субъектов, уполномоченных инициировать разбирательства по делам о детях. В то же время оно не дает четкого понимания их процессуального статуса. Привлечение органа опеки и попечительства является необходимым условием проведения судебного процесса. Другими словами, его участие — это гарантия охраны прав и интересов ребенка. Ввиду этого нами предлагается изменить п. 1 ст. 52 ГПК РФ, дополнив его формулировкой: «Права, свободы и законные интересы граждан, не обладающих полной процессуальной дееспособностью, защищаются их родителями, опекунами, усыновителями или иными лицами, которым предоставлено такое право федеральным законом, за исключением случаев, когда несовершеннолетний сам обращается в суд при нарушении своих прав».

Итак, законодательство устанавливает широкий перечень лиц и организаций, обладающих правом заявлять требования в интересах ребенка. В нее включаются прокуроры, органы опеки, иные учреждения, на которые законом возложена обязанность по охране детства. Вопрос представительства интересов ребенка осложняется тем, что родители, формально наделенные правом на представление интересов ребенка, фактически стремятся отстаивать собственную позицию, которая нередко противоречит благу самого ребенка.

Важную роль в рассматриваемой категории споров играет прокурор. Его участие в процессе обеспечивается в двух формах: либо путем самостоятельного обращения в суд с иском (например, о лишении родительских прав, отмене усыновления), либо путем вступления в уже начатое разбирательство с правом давать заключение по ключевым вопросам (от лишения до ограничения прав родителей, в том числе, по вопросам усыновления).

Судебная практика по рассматриваемой категории дел демонстрирует неоднозначную тенденцию: отсутствие прокурора зачастую становится причиной переноса слушания; суды не предпринимают никаких процессуальных мер в связи с этим. Возникает вопрос, должно ли разбирательство откладываться при его неявке. Прокурор обязан заблаговременно подготовить письменное заключение и участвовать в рассмотрении дела лично. Мы считаем, что участие прокурора по делам, затрагивающих права детей, носит обязательный характер; откладывание раз-

бирательства при его отсутствии следует признать необходимым. В связи с этим целесообразно закрепить в п. 1 ст. 169 ГПК РФ положение следующего содержания: «Суд откладывает рассмотрение дела, если прокурор, участие которого обязательно, не явится в судебное заседание».

Подытожив, отметим, что в ходе исследования были выявлены значительные пробелы в правовом регулировании споров о правах ребенка, среди которых — неопределенность процессуального положения несовершеннолетнего в таких спорах, отсутствие легальной дефиниции самой категории споров о детях (о правах детей), фор-

мальный характер участия ребенка и прокурора в гражданском процессе. Была выявлена необходимость признания ребенка полноценным участником дела с правом самостоятельного обращения в суд вне зависимости от возраста, а также закрепления обязательности участия прокурора в рассмотрении дел, затрагивающих права и интересы несовершеннолетних. В связи с выявленными пробелами были предложены конкретные изменения в действующее процессуальное законодательство, направленные на повышение эффективности судебной защиты прав и интересов детей.

Литература:

1. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР. — Выпуск XLVI. — 1993.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СЗ РФ. — 1996. — № 1. — Ст. 16.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.
4. Савинов К. А., Лаврентьев А. Р. Налог на профессиональный доход: первые итоги двухлетнего эксперимента // Финансовое право. — 2021. — № 6. — С. 26–30.
5. Соколовская Ю. С. Споры о детях по советскому праву: автореф. дис.... канд. юрид. наук / Ю. С. Соколовская. — Челябинск, 1950–16 с.
6. Тахоеева Ю. В. Особенности рассмотрения споров, связанных с воспитанием детей // Молодой ученый. — 2021. — № 48 (390). — С. 361–364.
7. Ярков В. В. Гражданский процесс: учебник для студентов юридических высших учебных заведений / В. В. Ярков. — 11-е изд. — М.: Статут, 2021. — 721 с.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 24 (575) / 2025

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 25.06.2025. Дата выхода в свет: 02.07.2025.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.